

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2025 Том 8 № 3

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ЭЛ № ФС 77-71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович
доктор исторических наук,
профессор
РУДН им. Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
E-mail: kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Станис Дарья Владимировна
кандидат экономических наук,
доцент РУДН им. Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
E-mail: dariona@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Майтдинова Гюзель Майтдиновна
доктор исторических наук,
профессор РТСУ
(Душанбе, Республика Таджикистан)
E-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Енокян Артем Вачаганович
кандидат исторических наук,
старший преподаватель
РУДН им. Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
E-mail: yenoqyan.artiom@mail.ru

РЕДАКТОР

Малаховская Наталия Владимировна
редактор Издательства РУДН им. Патриса Лумумбы
(Москва, Российская Федерация)
E-mail: nvmbbox@mail.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток» (Москва, Российская Федерация)

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения)

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру (Дели, Республика Индия)

Губайдулина Мара Шаукатовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, директор Центра германских исследований Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ) (Москва, Российская Федерация)

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, профессор департамента международных отношений факультета мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” – исследовательский университет» (НИУ ВШЭ) (Москва, Российская Федерация)

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Нур-Султан, Республика Казахстан)

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация)

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры международных отношений Бакинского государственного университета (Баку, Республика Азербайджан)

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-Таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства (Душанбе, Республика Таджикистан)

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)) (Москва, Российская Федерация)

Ныгусие Кассие Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (Москва, Российская Федерация)

Пархитько Николай Петрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы» (Москва, Российская Федерация)

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук, Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз», член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Росотрудничестве (Москва, Российская Федерация)

Рахимов Кубатбек Калыевич, доктор философии по экономике, исполнительный директор Общественного фонда «Аппликата – Центр стратегических решений» (Бишкек, Республика Кыргызстан)

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента (Кент, Великобритания)

Саймонс Грегори Джонс, доктор философии по политическим наукам, профессор Международного университета Даффодила (Дакка, Республика Бангладеш)

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент «Eurocontinent» (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, Университета Жана Мулена (Лион, Французская Республика), профессор геополитики в ISSEP (Лион, Французская Республика)

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова»; главный редактор «Журнала политических исследований» (Москва, Российская Федерация)

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2025 Volume 8 № 3

<https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev
doctor in history, professor,
RUDN University
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Daria V. Stanis
PhD in economy, assistant professor,
RUDN University
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: dariona@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Guzel M. Maitdinova
doctor in history, professor,
RTSU University
(Tashkent, Republic of Tajikistan)
E-mail: guzel-maitdinova@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Artyom V. Yenoqyan
PhD in history, senior lecturer,
RUDN University
named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: yenoqyan.artyom@mail.ru.ru

EDITOR

Natalia V. Malakhovskaya
editor of the Publishing House
of RUDN University named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)
E-mail: nvmbx@mail.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in history, head of the Department of Public Administration of Yerevan State University (Erevan, Republic of Armenia)

Archana Upadhyay, PhD in political sciences, professor, head of the Center for Russian and Central Asian Studies of the School of International Studies of Jawaharlal Nehru University (New Delhi, Republic of India)

Avatkov Vladimir Alekseevich, doctor of political sciences, associate professor, leading researcher of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian Academy of Sciences (INION RAS), head of the Department of Middle and Post-Soviet East, chief editor of the journal «Near and Post-Soviet East» (Moscow, Russian Federation)

Degterev Denis Andreevich, doctor of political sciences, professor of the Department of International Relations of the Faculty of World Economy and World Politics of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Edu-

cation of National Research University Higher School of Economics – Research University (HSE) (Moscow, Russian Federation)

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in history, dean of the Faculty of International Relations of Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

Esdauletova Ardak Melsovna, doctor of history, professor of the Department of International Relations of L.N. Gumilev Eurasian National University (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, doctor in political sciences, professor of the Department of Political Science and Law, deputy dean of the Faculty of History, Political Science and Law for Scientific Work of Moscow State Regional University (MSOU), editor-in-chief of the «Journal of Political Studies» (Moscow, Russian Federation)

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in history, associate professor, leading researcher of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of Russian State University (Moscow, Russian Federation)

Gubaidullina Mara Shaukatovna, doctor in history, professor of the Department of International Relations and World Economy, director of the Center for German Studies of the Al-Farabi Kazakh National University (Almata, Republic of Kazakhstan)

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political sciences, lecturer of the Department of International Relations of Baku State University (Baku, Republic of Azerbaijan)

Maitdinova Guzel Maitdinovna, doctor of historical sciences, professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), director of the Centre for Geopolitical Studies of RTSU, corresponding member of Tajik Academy of Architecture and Construction (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in history, leading researcher of the Center for Euro-Atlantic Security of MGIMO Institute for International Studies (Moscow, Russian Federation)

Nygussie Kassae Wolde Mikael, doctor in history, professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)

Parkhitko Nikolay Petrovich, PhD in history, associate professor of the Department of Theory and History of Journalism, professor of the Department of Theory and History of International Relations of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation)

Poloskova Tatyana Viktorovna, doctor in political science, State Councilor of Russian Federation, First Class, chairman of the Interregional Public Movement «Eurasian People's Union», member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo (Moscow, Russian Federation)

Rakhimov Kubatbek Kalyevich, PhD in Economics, Executive Director of the Public Fund «Application – Center for Strategic Solutions» (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan)

Sakwa Richard, PhD in political sciences, professor of Russian and European politics of University of Kent (Kent, United Kingdom)

Simons Gregory Jones, PhD in political science, professor of Daffodil International University (Dhaka, Bangladesh)

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), associate professor of Lyon III University, of Jean Moulin University (Lyon, French Republic), professor of geopolitics of ISSEP (Lyon, French Republic)

Zeleneva Irina Vladimirovna, doctor in history, professor of the Department of World Politics of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

Zhiltsov Sergey Sergeevich, doctor in political science, head of the Department of Political Science and Political Philosophy of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:
5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)
5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС)

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka и Google Scholar

Языки: русский, английский, французский, немецкий

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель: публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства.

В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений.

Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран – участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих вузов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов. Читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах.

Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических проблем.

В первую очередь, к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся: «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2025 г. следующий:

№ 6 2025	Терроризм на постсоветском пространстве	до 15.06.2025
№ 7 2025	Международные транспортные коридоры Евразии	до 15.08.2025
№ 8 2025	Номер не тематический	до 15.10.2025

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала: <https://www.postussr.org/avtoram>

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
E-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
E-mail: article@postussr.org

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity – 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 – History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 – Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC)

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar

Languages: Russian, English, French, German

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal «Post-Soviet Studies» aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region.

The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations.

Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines.

The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes «CIS countries in world politics and economy», «Foreign policy of the CIS countries», «Integration processes in the CIS region», «Conflict potential in the CIS region», «Political portraits» are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2024 will deal with the following issues:

№ 6 2025	Terrorism in the post-Soviet area	until 15.06.2025
№ 7 2025	International transport corridors of Eurasia	until 15.08.2025
№ 8 2025	The magazine issue is not thematic	until 15.10.2025

Manuscript submission rules are posted on the journal website: <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia

E-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia

E-mail: article@postussr.org

СОДЕРЖАНИЕ

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

- Дудайти А.К.** Постсоветский Южный Кавказ как арена соперничества исламского мира и Запада: риски и перспективы 231
- Aglyan V.R.** The Transformations of the Hierarchical Relationships of Russia with Armenia and Belarus and Policy Convergence Priorities: 2022–2024 [**Аглян В.Р.** Трансформации иерархических отношений России с Арменией и Беларусью и приоритетные направления конвергенции политик: 2022–2024] 245
- Грачев С.И., Петрунин А.С.** Политико-экономические отношения между Канадой и Республикой Армения: история и современность 255

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

- Борисов Д.А., Назаров М.Д.** Вопросы стратегического сопровождения внешней политики России в регионе Центральной Азии 265
- Турусбеков Д.Б.** Основные направления и особенности политических и экономических взаимоотношений Кыргызской Республики и США в 1991–2022 гг. 276
- Курбонов М.М.** Таджикистан на пути зеленой дипломатии: внешнеполитические стратегии и международное сотрудничество 288

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

- Мордвинцев У.И., Агазаде М.М.** Российско-египетские отношения в эпоху правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси 297

МОЛДАВИЯ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ

- Харитонов Н.И.** Парламентские выборы в Молдове и перспективы евроинтеграции 310
- Шевченко А.В., Учаев Е.И.** Эволюция внешнеполитических связей Приднестровской Молдавской Республики в 2019–2024 гг. 320

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Медведев Н.П., Слизовский Д.Е.** Империи и империя, многонациональная федеративная Россия: научный взгляд через обзор публикаций 332

ПРОБА ПЕРА

- Халилова М.Ш., Чехляева С.С.** Новый режим в Афганистане как вызов безопасности для Республики Узбекистан 347

CONTENTS

SOUTH CAUCASUS

- Dudayti A.K.** Post-Soviet South Caucasus as an Arena of Rivalry between the Islamic World and the West: Risks and Prospects 231
- Aglyan V.R.** The Transformations of the Hierarchical Relationships of Russia with Armenia and Belarus and Policy Convergence Priorities: 2022–2024 245
- Grachev S.I., Petrunin A.S.** Political and Economic Relations between Canada and Republic of Armenia: History and Modernity 255

CENTRAL ASIA

- Borisov D.A., Nazarov M.D.** Issues of strategic support for Russia's foreign policy in the Central Asia region 265
- Turusbekov D.B.** Main Directions and Features of Political and Economic Relations between Kyrgyz Republic and the USA in 1991–2022 276
- Qurbonov M.M.** Tajikistan on the path of green diplomacy: foreign policy strategies and international cooperation 288

FOREIGN POLICY OF RUSSIA

Mordvintsev U.I., Aghazada M.M. Russian-Egyptian Relations during the Reign of Abdul-Fattah al-Sisi 297

MOLDOVA AND TRANSNISTRIA

Kharitonova N.I. Parliamentary elections in Moldova and prospects for European integration 310

Shevchenko A.V., Uchaev Ye.I. Evolution of Foreign Relations of Pridnestrovian Moldavian Republic in 2019–2024 320

POINT OF VIEW

Medvedev N.P., Slizovsky D.E. Empires and Empire, multinational federative Russia: a scientific view through a review of publications 332

FIRST STEPS

Khalilova M.S., Chekhlyeva S.S. New regime in Afghanistan as a challenge to the security for the Republic of Uzbekistan 347

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЮЖНЫЙ КАВКАЗ КАК АРЕНА СОПЕРНИЧЕСТВА ИСЛАМСКОГО МИРА И ЗАПАДА: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Научная статья

А.К. Дудайти

Северо-Осетинский государственный университет им. Коста Левановича Хетагурова

Владикавказ, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0345-5732>

E-mail: adudaiti@mail.ru

Южный Кавказ остается ключевым регионом геополитического соперничества, где пересекаются интересы США, ЕС, России, Турции и Ирана. Борьба за влияние, основанная на военных, экономических и идеологических факторах, усиливает нестабильность и риски новых конфликтов. Исследование направлено на анализ геополитической ситуации; выявление факторов, влияющих на безопасность; изучение стратегий внешних игроков и возможных сценариев развития региона. В работе применяются методы сравнительного анализа, рассматриваются международные документы и стратегии внешнеполитического поведения, что позволяет объективно оценить трансформацию баланса сил. Установлено, что западные державы, используя механизмы мягкой силы, экономическое сотрудничество и политическое давление, стремятся ослабить традиционные связи стран региона с Россией и восточными партнерами, что приводит к дестабилизации и росту внешнего влияния. Турция развивает военно-политический союз с Азербайджаном, стремясь усилить свое стратегическое присутствие, тогда как Иран, балансируя между конкурирующими интересами, пытается минимизировать влияние внешних сил через экономические связи и инфраструктурные проекты. Чрезмерное вовлечение глобальных акторов усугубляет конфликты, снижает потенциал самостоятельного развития стран и препятствует укреплению регионального сотрудничества. Наиболее устойчивым сценарием остается балансирование между центрами силы, но стабильность возможна только при самостоятельном выстраивании внутренней политики, минимизации внешнего вмешательства и укреплении региональных механизмов безопасности. В противном случае Южный Кавказ останется зоной геополитической борьбы, где сохраняются высокие риски новых кризисов, политической нестабильности и вооруженных конфликтов, что напрямую угрожает перспективам развития региона.

Ключевые слова: *Южный Кавказ, геополитика, Запад, исламский мир, Турция, Иран, Россия, баланс сил, региональная безопасность.*

Для цитирования: *Дудайти А.К. Постсоветский Южный Кавказ как арена соперничества исламского мира и Запада: риски и перспективы // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 231–244.*

POST-SOVIET SOUTH CAUCASUS AS AN ARENA OF RIVALRY BETWEEN THE ISLAMIC WORLD AND THE WEST: RISKS AND PROSPECTS

Research article

A.K. Dudayti

North Ossetian State University

Vladikavkaz, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0345-5732>

E-mail: adudaiti@mail.ru

The South Caucasus remains a key region of geopolitical rivalry, where the interests of the USA, EU, Russia, Turkey and Iran intersect. The struggle for influence, based on military, economic and ideological factors, increases instability and the risk of new conflicts. The study is aimed at analyzing the geopolitical situation, identifying factors influencing security, studying the strategies of external players and possible scenarios for the region's development. The work uses methods of comparative analysis, study of international documents and strategies of foreign policy behavior, which allows for an objective assessment of the transformation of the balance of power. It has been established that Western powers, using soft power mechanisms, economic cooperation and political pressure, seek to weaken traditional ties between the countries of the region and Russia and their eastern partners, which leads to destabilization and increased external influence. Turkey is developing a military-political alliance with Azerbaijan, seeking to strengthen its strategic presence, while Iran, balancing between competing interests, is trying to minimize the influence of external forces through economic ties and infrastructure projects. Excessive involvement of global actors exacerbates conflicts, reduces the potential for independent development of countries and hinders the strengthening of regional cooperation. The most stable scenario remains balancing between centers of power, but stability is possible only with independent development of domestic policy, minimization of external interference and strengthening of regional security mechanisms. Otherwise, the South Caucasus will remain a zone of geopolitical struggle, where high risks of new crises, political instability and armed conflicts remain, which directly threatens the prospects for the development of the region.

Key words: *South Caucasus, geopolitics, West, Islamic world, Turkey, Iran, Russia, balance of power, regional security.*

For citation: *Dudayti A.K. Post-Soviet South Caucasus as an Arena of Rivalry between the Islamic World and the West: Risks and Prospects // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 231–244. (In Russ.)*

Введение. Южный Кавказ в современной системе международных отношений представляет собой стратегически важное пространство, на территории которого пересекаются интересы ведущих глобальных и региональных акторов. Геополитическая ценность региона определяется его пограничным положением на стыке Европы и Азии, контролем над ключевыми энергетическими и транспортно-логистическими маршрутами, а также сложным этноконфессиональным составом населения, создающим предпосылки для активного внешнеполитического воздействия со стороны различных государств.

Одной из ключевых характеристик геополитической ситуации на Южном Кавказе является наличие конкурентного взаимодействия между государствами исламского мира и странами коллективного Запада, что проявляется в борьбе за влияние на процессы регионального развития и архитектуру безопасности. В исследовательском дискурсе категория «исламский мир» в приме-

нении к таким государствам, как Турция, Иран и Саудовская Аравия, используется не в контексте их институциональной интеграции или консолидации в рамках единого международного актора, а как отражение цивилизационной общности при сохранении глубоких противоречий и разнонаправленных интересов между ними.

Выделение Турции, Ирана и Саудовской Аравии как представителей исламской цивилизационной общности основывается на культурно-цивилизационном подходе, предполагающем наличие у этих государств общего социокультурного пространства, формируемого исламскими нормами, ценностями и традициями. При этом конфессиональные различия – между суннитским большинством в Турции и Саудовской Аравии и шиитским доминированием в Иране – не только не нивелируются в рамках данного подхода, но и рассматриваются как важный фактор внутривизицизационной конкуренции, определяющий особенности борьбы за лидерство и влияние.

Независимо от различий в политических системах, идеологических установках и внешнеполитических ориентирах, указанные государства демонстрируют ряд структурно сходных характеристик: доминирование ислама в общественной и государственной жизни, использование религиозно-политической легитимации власти, а также апелляция к исламским нормам и ценностям в международно-политической риторике.

Внешнеполитическая активность Турции и Ирана на Южном Кавказе во многом обусловлена не только географической близостью и историко-культурными связями с отдельными странами региона, но и наличием религиозных и этнических общностей, с которыми эти государства традиционно взаимодействуют. Турция, обладая статусом члена НАТО, проводит самостоятельный внешнеполитический курс, направленный на укрепление собственных позиций как на Южном Кавказе, так и в более широком исламском пространстве. Иран, в свою очередь, рассматривает регион как важный элемент своей стратегии региональной безопасности и борьбы за влияние в исламском мире.

Наряду с Турцией и Ираном определенную дипломатическую активность на Южном Кавказе проявляет Саудовская Аравия. Однако ее политика носит преимущественно точечный и эпизодический характер, ограничиваясь реализацией гуманитарных проектов и взаимодействием с мусульманскими сообществами региона. В ряде случаев эта активность отражает стремление Эр-Рияда к балансированию позиций Ирана и укреплению своего символического влияния в рамках исламской уммы.

Стратегия Соединенных Штатов Америки и Европейского союза на Южном Кавказе продолжает быть направленной на сдерживание позиций России и Ирана. Важным инструментом в этом контексте выступает политика евроатлантической интеграции Грузии, Азербайджана и Армении, сопровождающаяся при этом развитием партнерских отношений с Турцией как значимым актором региона.

В результате Южный Кавказ оказывается включенным в сложную и многослой-

ную систему ближневосточной и евразийской геополитики. Внешнеполитическая активность ведущих акторов определяется не только прагматическими интересами, связанными с контролем над ресурсами и обеспечением безопасности, но и идеологическими, религиозно-культурными факторами, оказывающими существенное влияние на специфику их стратегического поведения и механизмов взаимодействия с исламским пространством.

Историография исследуемой проблемы отличается определенной степенью несбалансированности и тематической фрагментарности. В отечественной научной традиции доминирует фокус на анализе взаимодействия России с исламскими государствами на Южном Кавказе [Аватков, 2021; Бахрами, 2022; Чолахян, 2021], а также на трансформации системы региональной безопасности в постсоветский период [Сутырин, 2022; Бахтуридзе, 2017; Ибрагим, 2022; Malikova, 2024]. При этом проблематика внутренней конкуренции исламских государств, а также их соперничества с Западом за влияние на процессы регионального развития остаются недостаточно разработанными в российской историографии, что формирует определенный научно-аналитический пробел.

Зарубежная научная литература демонстрирует более широкий спектр исследовательских подходов. В турецкой научной мысли [Aydin, 2013; Çelikpala, 2023; Aras, 2000; Salehi, 2023; Şahin, 2022] приоритетное внимание уделяется стратегии пантюркизма, энергетической политике Анкары и ее внешнеполитическим инициативам на постсоветском пространстве. Иранские исследователи [Sanaei, 2016; Kaleji, 2020; Barzegar, 2019] акцентируют внимание на многовекторности дипломатии Тегерана, его религиозно-культурном влиянии и концепциях исламской солидарности. Значимый вклад в концептуализацию исламской дипломатии как специфического инструмента внешнеполитического позиционирования принадлежит катарскому исследователю [Kamrava, 2024].

Значительный пласт зарубежной литературы посвящен исследованию политики Соединенных Штатов Америки и Европей-

ского союза на Южном Кавказе [Sabbag-hian, 2022; Novseryan, 2024; Royce, 2024], энергетической дипломатии [Gasumov, 2023; Davtyan, 2022], а также вопросам религиозной радикализации и безопасности [Гобронидзе, 2018; Pokalova, 2021; Putkaradze, 2021]. Вместе с тем следует отметить, что западная историография зачастую редуцирует исламский фактор, концентрируясь преимущественно на проблемах безопасности, экономики и институционального взаимодействия, что ограничивает полноту анализа специфики исламских стратегий в регионе.

Важной особенностью современной историографической ситуации выступает слабая интеграция зарубежных исследовательских подходов в отечественную научную традицию. Это создает историографическую лакуну и обуславливает необходимость ее восполнения за счет комплексного привлечения и критического анализа работ западных и ближневосточных исследователей.

Новизна настоящего исследования заключается в постановке и системном изучении малоразработанной в российской науке проблемы – внешнеполитических стратегий исламских государств на Южном Кавказе как самостоятельного и значимого фактора региональной политики. Впервые исламский мир рассматривается не как внешне однородный или монолитный актор международных отношений, а как внутренняя конкурентная среда, представленная совокупностью государств (Турция, Иран, Саудовская Аравия), реализующих различные модели внешнеполитического поведения, основанные на специфических ресурсах влияния и стратегических приоритетах.

Принципиально новым исследовательским ракурсом выступает анализ исламских стратегий не изолированно, а в их взаимодействии и соперничестве с интересами коллективного Запада (США, ЕС) в условиях формирования новой многополярной глобальной архитектуры международных отношений. В рамках исследования выявляется структура зон конкуренции, взаимодействия и конфликтов исламских государств между собой и с западными акторами на Южном Кавказе. Это позволяет предложить новую интерпретацию регио-

нальной безопасности как результата не только традиционного геополитического противоборства, но и внутренней фрагментации исламского мира.

Полученные результаты позволяют восполнить имеющийся историографический пробел и предложить оригинальную концептуализацию исламских стратегий на Южном Кавказе в контексте трансформации современной системы международных отношений.

Теоретико-методологическую основу настоящего исследования составляет авторская исследовательская модель, ориентированная на комплексное изучение стратегий исламских государств на Южном Кавказе в условиях глобальной и региональной многополярности. В данном контексте исламский мир рассматривается не как монолитное религиозно-культурное сообщество, а как совокупность конкурирующих акторов, использующих исламскую идентичность в качестве ресурса государственной легитимности и инструмента внешнеполитического воздействия.

Базовым методологическим инструментом исследования выступает геополитический анализ, направленный на выявление стратегий пространственного доминирования, борьбу за контроль над ресурсами, коммуникациями и политическими режимами в регионе. В рамках данного подхода особое внимание уделяется сравнительному анализу внешнеполитических практик Турции, Ирана и Саудовской Аравии, их идеологических установок, инструментов мягкой силы (*soft power*), моделей дипломатического поведения и особенностей реализации гуманитарной политики.

Интеграция цивилизационного и геополитического подходов с практико-ориентированным анализом внешнеполитических стратегий исламских государств позволяет выявить особенности их внутренней конкуренции, соперничества с Западом, а также оценить влияние данных процессов на устойчивость региональной безопасности Южного Кавказа и трансформацию международных отношений в условиях глобальной многополярности.

Использование данных методологических подходов позволяет не только выявить

ключевые формы и направления конкурентного взаимодействия исламского мира и Запада на Южном Кавказе, но и оценить их последствия с точки зрения устойчивости региональной безопасности, а также перспективы дальнейшей трансформации международной системы в условиях углубляющейся глобальной многополярности.

Исламский фактор в геополитике Южного Кавказа. Южный Кавказ продолжает оставаться зоной стратегического противоборства и пересечения интересов глобальных и региональных акторов, однако современная геополитическая динамика региона характеризуется не только классическим соперничеством между Россией и Западом, но и нарастающей активностью исламских государств, реализующих собственные модели внешнеполитического присутствия.

Исламский фактор в региональной политике проявляется, прежде всего, через активные стратегии государств, использующих исламскую идентичность как инструмент дипломатического позиционирования и расширения влияния. Речь идет о Турции, Иране и Саудовской Аравии, чьи подходы к Кавказу демонстрируют существенную асимметрию как по целям, так и по средствам воздействия. Конкуренция между ними разворачивается не только за ресурсы и инфраструктурные маршруты, но и за культурно-идеологическое влияние, создание лояльных элит и контроль над религиозной инфраструктурой.

Турция традиционно рассматривает Южный Кавказ как зону жизненно важных интересов, выстраивая стратегическое партнерство с Азербайджаном на основе концепции «Один народ – два государства». С 1991 г. Анкара активно развивала экономические, политические и военные связи с Баку, что привело к ее решающему участию во Второй карабахской войне 2020 г. Турецкая поддержка, включавшая поставки вооружений, военных инструкторов и дипломатическое содействие, обеспечила Азербайджану военный успех, укрепив региональные позиции Анкары и продемонстрировав ее готовность к прямому вмешательству в конфликты [Novsepyan, 2024].

Экономическая стратегия Турции направлена на интеграцию транспортных и энергетических сетей Южного Кавказа в турецкую инфраструктуру. Запуск железнодорожной линии «Баку–Тбилиси–Карс» в 2017 г. создал альтернативный маршрут для грузоперевозок между Европой и Азией в обход России. Завершенная в 2024 г. модернизация магистрали увеличила ее пропускную способность с 1 до 5 млн т в год, что значительно усиливает региональные логистические возможности и торговый потенциал¹.

Иран, обладая непосредственной границей с Южным Кавказом, проводит многоуровневую стратегию влияния через экономические связи, энергетическое партнерство и инфраструктурные проекты. Тегеран уделяет особое внимание сотрудничеству с Арменией, что продиктовано не только экономическими интересами, но и необходимостью поддержания баланса сил в регионе. В условиях блокады со стороны Турции и Азербайджана Иран остается ключевым партнером Армении, предоставляя ей жизненно важные транспортные и энергетические маршруты². В августе 2023 г. стороны пролонгировали соглашение «Газ в обмен на электроэнергию» до 2030 г., что свидетельствует о долгосрочной стратегической значимости их взаимодействия [Novsepyan, 2024].

Помимо энергетики, Иран активно развивает транспортные маршруты, закрепляя статус ключевого транзитного узла, соединяющего Центральную Азию, Южный Кавказ и Европу. Важнейшим шагом в этом направлении стало соглашение 2023 г. с Азербайджаном о создании коридора, обеспечивающего сообщение между основными территориями Азербайджана и его экскла-

¹ Работы по модернизации железной дороги «Баку–Тбилиси–Карс» завершены // Anadolu Ajansi. 3.05.2024. URL: https://www.aa.com.tr/ru/экономика/работы-по-модернизации-железнодороги-баку-тбилиси-карс-завершены/3209483?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.02.2025).

² Каледжи В. Тревоги Ирана по поводу напряженности между Арменией и Азербайджаном // ВАЛДАЙ. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/trevogi-irana-po-povodu-napryazhyennosti> (дата обращения: 05.02.2025).

вом – Нахичеванской Автономной Республикой – через иранскую территорию. Этот проект не только усиливает геоэкономическое влияние Тегерана, но и снижает зависимость Южного Кавказа от традиционных транспортных артерий, что расширяет экономические возможности региона и интегрирует его в систему взаимодействия Ближнего Востока и Евразии¹.

Саудовская Аравия, ранее не проявлявшая значительного интереса к Южному Кавказу, в последние годы активизирует присутствие, стремясь укрепить политические и экономические связи. 25 ноября 2023 г. между Эр-Риядом и Ереваном установлены дипломатические отношения, что подчеркивает заинтересованность королевства в расширении регионального влияния². Этот шаг вписывается в стратегию Саудовской Аравии по диверсификации экономики в рамках программы «Видение – 2030» и открывает перспективы инвестирования в энергетические и инфраструктурные проекты региона. Одним из примеров такого подхода является участие саудовской компании ACWA Power в строительстве ветряной электростанции «Хызы-Абшерон» мощностью 240 МВт в Азербайджане, которая ежегодно будет вырабатывать около 1 млрд кВтч электроэнергии, способствуя энергетической безопасности и демонстрируя стремление Эр-Рияда к развитию возобновляемых источников энергии³.

Примечательно, что исламский фактор в регионе далек от единства и консолидации. Страны исламского мира выступают

не как единый геополитический блок, а как конкурирующие между собой акторы с противоречивыми интересами и различными внешнеполитическими ориентирами. Турция и Саудовская Аравия, будучи союзниками США, демонстрируют лояльность к западной архитектуре безопасности, тогда как Иран выступает в качестве оппонента Запада, реализуя самостоятельную модель внешнеполитического поведения. Конфессиональные различия (суннизм против шиитского Ирана), борьба за лидерство в исламском мире и различие стратегий усиливают внутреннюю фрагментацию исламского пространства на Южном Кавказе.

Влияние исламских государств проявляется не только на уровне внешней политики и экономики, но и в активизации религиозных практик и распространении радикальных движений, особенно в Азербайджане, где, несмотря на курс на модернизацию и развитие экономики, фиксируются тенденции религиозной радикализации. Это объясняется не только воздействием внешних сил, но и внутренними социально-экономическими факторами: высоким уровнем безработицы, бедности и социальной отчужденности молодежи, что создает питательную среду для вербовки в радикальные структуры [Khalilzada, 2024: 19–20; Гобронидзе, 2018].

Проблема насильственного экстремизма актуальна и для Грузии, где совокупность внутренних вызовов и внешнего влияния формирует благоприятную среду для распространения радикальных идеологий, прежде всего, среди молодежи. Особую обеспокоенность вызывает ситуация в Панкисском ущелье, где компактно проживает чеченская диаспора. Именно этот регион стал одним из очагов радикализации и каналом рекрутирования боевиков в вооруженные формирования на Ближнем Востоке. Фиксируются случаи вербовки молодежи в экстремистские организации, связанные с Сирией, что подтверждает наличие устойчивых механизмов внешнего воздействия и каналов радикального влияния [Pokalova, 2021: 247–278; Sikharulidze, 2024: 302–303].

Таким образом, исламский фактор на Южном Кавказе представляет собой мно-

¹ Коридор из Азербайджана в Нахичевань пройдет по иранской территории // Ритм Евразии. 7.10.2023. URL: https://www.ritm Eurasia.ru/news-2023-10-07--koridor-iz-azerbajdzhana-v-nahichevan-projdet-po-iranskoj-territorii-69120?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.02.2025).

² Армения–Саудовская Аравия: двусторонние отношения // Министерство иностранных дел Республики Армения. 2024. URL: https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/sa?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.02.2025).

³ Почему проекты на Южном Кавказе и в Центральной Азии привлекают арабских инвесторов // Sputnik. Азербайджан. 8.08.2023. URL: https://az.sputniknews.ru/20230808/pochemu-proekty-na-yuzhnom-kavkaze-i-v-tsentralnoy-azii-privlekayut-arabskikh-investorov-457518441.html?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 05.02.2025).

гомерное и динамично развивающееся явление, в рамках которого сочетаются политико-экономические стратегии исламских государств, культурно-религиозное влияние и внутренние процессы радикализации. Турция демонстрирует наиболее активную и комплексную модель регионального присутствия, Иран балансирует между сдерживанием соперников и укреплением собственных позиций, Саудовская Аравия формирует долгосрочную экономическую платформу для расширения влияния. В этих условиях исламский фактор продолжает трансформироваться, формируя новые линии геополитического соперничества и оказывая прямое воздействие на устойчивость региональной безопасности и перспективы развития Южного Кавказа.

Западные стратегии влияния на Южном Кавказе. Западные акторы (прежде всего, США и Европейский союз) рассматривают Южный Кавказ как важный элемент своей стратегии по укреплению позиций на постсоветском пространстве и сдерживанию влияния России, Ирана и Китая. Геополитическая ценность региона определяется не только его энергетическим потенциалом и транзитной функцией, но и возможностью его интеграции в евроатлантическую архитектуру безопасности, что превращает Южный Кавказ в зону долгосрочного соперничества [Malikova, 2024: 23–24].

Спецификой западной политики в регионе выступает использование многоуровневого комплекса инструментов мягкой силы, направленных на политическую и экономическую трансформацию государств Южного Кавказа в русле западных стандартов. Поддержка демократических реформ, развитие гражданского общества, стимулирование правозащитной повестки и продвижение нормативно-правовой модернизации сочетаются с инструментами экономического давления и политического влияния на элиты. Однако эти действия нередко демонстрируют противоречие между декларируемыми ценностями и реальной политической практикой: демократизация и реформы зачастую используются как средство повышения управляемости стран ре-

гиона и контроля над их внешнеполитическим курсом.

Программная политика Европейского союза строится, прежде всего, вокруг инициативы «Восточное партнерство», предоставляющей странам Южного Кавказа доступ к финансовым ресурсам, инвестициям и соглашениям о свободной торговле. Вместе с тем участие в этих инициативах предполагает выполнение политических условий, касающихся реформ государственного управления, прав человека, борьбы с коррупцией и институционального развития. Такая модель взаимодействия демонстрирует ограниченную результативность: западные требования часто вступают в противоречие с внутренними моделями развития государств региона, игнорируя их историко-культурную специфику и реальные политические практики.

США, в отличие от ЕС, делают акцент на военно-стратегическом и энергетическом аспектах своего присутствия. Вашингтон последовательно инвестирует в проекты диверсификации поставок энергоресурсов в Европу за счет привлечения ресурсов Каспийского региона. Реализация ключевых инфраструктурных проектов – нефтепровода «Баку–Тбилиси–Джейхан» и газопровода «Баку–Тбилиси–Эрзерум» – имела не только экономическую, но и стратегическую значимость, обеспечив ослабление энергетической зависимости Европы от России и укрепление западного влияния в регионе [Gasumov, 2023: 201–202; Davtyan, 2022: 45].

Помимо энергетического компонента, США активно участвуют в развитии военной инфраструктуры стран Южного Кавказа, осуществляя поставки вооружений, модернизацию армии и подготовку кадров. Эти меры направлены на повышение обороноспособности региональных государств и их интеграцию в западную систему безопасности, при этом усиливая их дистанцирование от российских и иранских военных и политических форматов.

В сфере безопасности основное внимание западной политики на Южном Кавказе сосредоточено на Грузии и Азербайджане, которые рассматриваются в качестве наиболее перспективных партнеров для воен-

но-политического сотрудничества и частичной интеграции в инфраструктуру евроатлантической безопасности.

Грузия демонстрирует высокий уровень взаимодействия с НАТО: активно участвует в многосторонних военных учениях, развивает военно-техническое сотрудничество и принимает участие в международных миротворческих миссиях [Royce, 2024: 396–397]. Однако перспективы ее полноценного членства в альянсе остаются неопределенными. На это оказывают влияние как жесткая позиция России, воспринимающая расширение НАТО на Южный Кавказ в качестве прямой угрозы собственной безопасности, так и сохраняющиеся внутренние риски – конфликтность и политическая нестабильность самого региона [Дудайти 2024: 222–223].

Азербайджан, в отличие от Грузии, придерживается более прагматичной и сбалансированной внешнеполитической линии. Его стратегия заключается в сохранении партнерских отношений с Западом при одновременном поддержании конструктивного диалога с Россией и Ираном. Баку последовательно реализует политику выборочной интеграции в отдельные военно-технические проекты западных стран, избегая при этом формального вступления в военно-политические блоки. Такой подход позволяет Азербайджану гибко лавировать между конкурирующими центрами силы и адаптировать свою внешнеполитическую стратегию к изменяющейся региональной и глобальной конъюнктуре.

В то же время западная политика в сфере безопасности на Южном Кавказе отличается фрагментарностью и ситуативностью. Поддержка Европейским союзом и США различных переговорных форматов по урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе не привела к устойчивым результатам в направлении институционализации мира и стабильности. Вмешательство внешних акторов нередко воспринимается странами региона, прежде всего, как элемент геополитического соперничества с Россией и Ираном, а не как проявление объективного интереса к укреплению безопасности и урегулированию противоречий.

Дополнительной проблемой западного подхода является отсутствие комплексного восприятия Южного Кавказа как единого политико-культурного пространства. Стратегии ЕС и США во многом базируются на универсалистской модели демократической трансформации, слабо учитывающей специфику локальных политических культур, устойчивость патронажно-клановых структур и этноконфессиональную специфику региона [Сутырин, 2022: 10]. Политика условности («*more for more*», «*less for less*»), применяемая в рамках «восточного партнерства», далеко не всегда приносит ожидаемые результаты, сталкиваясь как с сопротивлением внутриэлитных групп, так и с низкой социальной востребованностью западной модели развития [Sabbaghian, 2022: 175–176].

Западные стратегии на Южном Кавказе ориентированы на укрепление своих позиций посредством политической трансформации, экономической интеграции и выборочного военно-политического сотрудничества. Однако их эффективность ограничивается не только противодействием со стороны альтернативных центров силы, но и внутренней спецификой самих государств региона, сохраняющих приверженность традиционным политическим моделям и демонстрирующих прагматичный подход к внешнеполитическим приоритетам. В результате западная политика на Южном Кавказе сохраняет потенциал влияния, однако далеко не всегда трансформируется в устойчивое стратегическое доминирование, что предопределяет сохранение региона в статусе многополярной зоны конкуренции с высокой степенью внешнеполитической неопределенности.

Конфликты и угрозы безопасности. Нагорно-Карабахский конфликт, начавшийся в конце 1980-х гг., долгое время оставался одним из наиболее затяжных и сложных противостояний на постсоветском пространстве, оказывая существенное влияние на безопасность Южного Кавказа. В течение трех десятилетий конфликт находился в центре внимания международных акторов, подходы которых к сторонам определялись их стратегическими интересами. Несмотря на многочисленные усилия по

мирному урегулированию, включая посредничество Минской группы ОБСЕ (Россия, США, Франция) с 1992 г., долгосрочного решения достичь не удавалось, что свидетельствовало о глубине противоречий между Арменией и Азербайджаном [Чолахян, 2021: 375].

В 2020 г. конфликт вступил в новую фазу эскалации, завершившуюся подписанием трехстороннего заявления от 9 ноября 2020 г. при посредничестве России. Азербайджан восстановил контроль над значительной частью ранее спорных территорий, а в Нагорном Карабахе была размещена российская миротворческая миссия. Однако это соглашение не сняло всех противоречий и оставило нерешенными ключевые вопросы, включая определение правового статуса Нагорного Карабаха и обеспечение безопасности армянского населения региона.

В сентябре 2023 г. Азербайджан провел короткую, но решающую военную операцию, в результате которой контроль над всей территорией Нагорного Карабаха перешел к азербайджанским властям. Это сопровождалось массовым исходом армянского населения в Армению, что кардинально изменило демографическую и политическую ситуацию в регионе. Международные организации, включая Международный комитет Красного Креста (МККК), выражали обеспокоенность гуманитарными последствиями кризиса, связанными с перемещением населения и защитой прав уязвимых групп.

Хотя активная фаза вооруженного противостояния завершена, Карабахский вопрос по-прежнему остается важным элементом региональной безопасности. Отсутствие всеобъемлющего мирного соглашения и сохраняющаяся напряженность между Арменией и Азербайджаном продолжают создавать риски дестабилизации, превращая Южный Кавказ в зону повышенного внимания международных акторов и потенциальный источник новых геополитических вызовов.

Регион Южного Кавказа на протяжении последних десятилетий сталкивается с серьезными вызовами в сфере безопасности, в том числе связанными с рисками тер-

роризма и экстремизма. Геополитическая нестабильность, пересечение интересов глобальных и региональных акторов, а также нерешенные этнополитические конфликты формируют благоприятную среду для распространения радикальных идеологий и активности террористических группировок [Putkaradze, 2021: 271–272].

Важным фактором, способствующим эскалации террористических угроз, выступают социально-экономические проблемы. Высокий уровень безработицы, социальное неравенство и общее ухудшение экономической ситуации усиливают протестные настроения в обществе, делая его наиболее уязвимые группы (прежде всего, молодежь) мишенью для вербовки в ряды экстремистских организаций. Экономическая нестабильность повышает восприимчивость населения к радикальным идеям, предлагающим простые ответы на сложные социальные и политические вызовы [Линотт, 2007: 148–149].

Правовые механизмы противодействия терроризму и экстремизму в странах Южного Кавказа остаются несовершенными и не всегда соответствуют масштабу современных угроз, особенно с учетом активного распространения радикальных идей через социальные сети и религиозные структуры. В этих условиях стратегические приоритеты обеспечения безопасности должны включать модернизацию законодательства, укрепление международного сотрудничества, а также реализацию программ социально-экономической поддержки, направленных на снижение уровня радикализации и повышение устойчивости общества перед экстремистскими угрозами.

Таким образом, безопасность Южного Кавказа в современных условиях определяется сочетанием традиционных конфликтов, в первую очередь, Нагорно-Карабахского противостояния, и новых рисков, связанных с радикализацией и терроризмом. Это требует комплексного и многопланового подхода, сочетающего политико-дипломатические усилия, социально-экономическую модернизацию и институциональное укрепление систем внутренней безопасности, обеспечивающих устойчивость региона перед вызовами многополярного мира.

Перспективы и сценарии развития.

Южный Кавказ, обладая стратегическим значением, остается ареной геополитического соперничества ведущих мировых держав, определяя возможные сценарии его развития. В условиях нарастающей нестабильности, вызванной внутренними конфликтами и внешним вмешательством, странам региона предстоит выбирать между стратегиями, каждая из которых сопряжена с рисками и возможностями.

Укрепление регионального сотрудничества могло бы способствовать экономической интеграции, развитию инфраструктуры и созданию коллективных механизмов безопасности, однако этот сценарий сталкивается с серьезными препятствиями: неурегулированный Карабахский конфликт продолжает дестабилизировать армяно-азербайджанские отношения, а различная внешнеполитическая ориентация государств мешает формированию единого курса. Грузия ориентирована на евроатлантические структуры, Азербайджан проводит многовекторную политику, а Армения, несмотря на зависимость от России в сфере безопасности, демонстрирует признаки геополитического дрейфа в сторону Запада, что усложняет выработку общей региональной стратегии.

Этот процесс особенно заметен на фоне охлаждения армяно-российских отношений, вызванного разногласиями по вопросам безопасности и союзнических обязательств. Ереван углубляет взаимодействие с Западом, подписывая соглашения с ЕС и расширяя контакты с США, однако этот курс вызывает недовольство Москвы и может привести к пересмотру стратегических альянсов. Западные акторы не заинтересованы в укреплении регионального единства, поскольку управляемая нестабильность позволяет им контролировать внутренние процессы и влиять на политическую динамику Южного Кавказа.

Альтернативным сценарием остается политика балансирования между глобальными игроками, позволяющая странам региона извлекать выгоду из взаимодействия с Россией, Турцией, Ираном, Китаем и Западом, избегая чрезмерной зависимости от одной стороны. Азербайджан демонстриру-

ет наиболее успешный пример такой стратегии, маневрируя между различными внешними силами и получая экономические и политические преимущества, тогда как Грузия, несмотря на прозападную ориентацию, вынуждена учитывать влияние России и Турции, а Армения, пытаясь диверсифицировать внешние связи, рискует потерять поддержку традиционных союзников, не имея гарантий западной помощи в кризисных ситуациях. Однако такая стратегия требует дипломатической гибкости и способности оперативно адаптироваться к изменениям международной обстановки, что делает ее наиболее сложным, но и наиболее устойчивым курсом в условиях глобальной турбулентности.

Самым опасным сценарием остается эскалация конфликтов, способная привести к дестабилизации региона, разрушению экономических связей и втягиванию стран в новую волну вооруженных противостояний. Предпосылки для роста конфликтности сохраняются, особенно если внешние силы продолжат использовать регион как инструмент геополитического противостояния. Несмотря на временные договоренности, Нагорно-Карабахский конфликт остается фактором нестабильности, а заинтересованность Запада в дестабилизации региона в рамках стратегии сдерживания России создает новые риски. Усиление влияния радикальных элементов, использование религиозного фактора в политических целях, санкционная политика, вмешательство в энергетические проекты и поддержка прозападных движений могут ухудшить социально-экономическую ситуацию.

Ключевым механизмом стабилизации остается многосторонняя дипломатия, эффективность которой зависит от готовности международных акторов содействовать урегулированию конфликтов, а не преследовать узкополитические интересы. Однако деятельность ОБСЕ и ООН демонстрирует ограниченную результативность, поскольку эти структуры находятся под влиянием западных держав и не способны предложить действенные решения. Минская группа ОБСЕ, с 1992 г. занимавшаяся карабахским урегулированием, не смогла предотвратить ни войн 1990-х гг., ни эскалации 2020 г., фактически

поддерживая статус-кво в интересах Запада. В результате роль основного посредника взяла на себя Россия, заинтересованная в сохранении стабильности на Южном Кавказе.

Альтернативным механизмом предотвращения конфликтов остается развитие региональных структур безопасности, в которых ведущую роль должны играть сами страны региона, а не внешние силы. Россия и ее союзники обладают более эффективными инструментами воздействия на ситуацию, чем Запад, рассматривающий Южный Кавказ исключительно в контексте конфронтации с Москвой. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) могла бы стать основой системы коллективной безопасности, однако ее влияние ограничено отсутствием Грузии и Азербайджана в структуре. Тем не менее углубление военно-политического сотрудничества между Россией, Арменией и Ираном может служить противовесом внешнему вмешательству, обеспечивая баланс сил и снижая риски дальнейшей эскалации.

Стабильность Южного Кавказа во многом зависит от развития экономических связей, которые способны снизить уровень политической напряженности. Реализация крупных инфраструктурных и энергетических проектов, таких как транспортные коридоры и газопроводы, обладает потенциалом для укрепления стабильности при условии, что региональные игроки смогут договориться о взаимовыгодных форматах сотрудничества. Однако Запад, стремясь ослабить влияние России и Ирана, продвигает проекты, не всегда соответствующие интересам региона, что в долгосрочной перспективе может усилить нестабильность.

Дополнительным фактором стабилизации могло бы стать создание механизмов мирного урегулирования, основанных на традиционных региональных подходах, а не на западных моделях, часто используемых как инструмент политического давления.

В условиях, когда внешние акторы стремятся сохранить управляемую напряженность, единственным действенным путем остается поиск решений на основе компромис-

сов между самими странами региона, без диктата глобальных центров силы.

Выводы. Южный Кавказ остается ареной соперничества глобальных и региональных акторов, чьи стратегические интересы формируют сложную геополитическую обстановку, усиливая внешнее влияние на страны региона. Запад, Турция, Иран, Россия и Китай реализуют собственные программы, используя экономические, политические и военные инструменты, зачастую игнорируя историко-культурные особенности региона, что ведет к росту нестабильности, особенно на фоне нерешенных территориальных конфликтов.

Вмешательство внешних игроков, особенно Запада, сопровождается усилением напряженности, что подтверждают примеры евроатлантической интеграции Грузии, изменений внешнеполитического курса Армении и манипуляций вокруг энергетических маршрутов Азербайджана. В последние годы Армения активизирует сотрудничество с ЕС и США, диверсифицируя внешние связи, однако этот процесс сопряжен с рисками ухудшения отношений с Россией и необходимостью адаптации к изменяющейся геополитической реальности.

Оптимальной стратегией для стран региона остается балансирование между центрами силы, что позволяет минимизировать риски зависимости и получать экономические и политические выгоды. Азербайджан демонстрирует успешную многовекторную политику, Грузия учитывает влияние Турции и Азербайджана, а Армения, несмотря на активизацию западного вектора, сталкивается с вызовами в сфере безопасности и экономической стабильности.

Будущее Южного Кавказа зависит от способности стран формировать самостоятельную внешнюю политику, ориентированную на национальные интересы. Развитие регионального сотрудничества могло бы способствовать стабилизации, однако сохраняющиеся противоречия и вовлеченность региона в глобальное геополитическое противостояние увеличивают риск новых конфликтов и усиления внешней зависимости.

ЛИТЕРАТУРА

- Аватков В.А., Касьяненко А.В.* Военно-политические отношения на Южном Кавказе в контексте треугольника «Россия–Турция–Иран» // *Мировая политика*. 2021. № 3. С. 1–18.
- Бахрами М.Б.* Роль стратегических взаимоотношений между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией в геополитической безопасности Южного Кавказа // *Россия и Иран: пять веков сотрудничества*. М., 2022. С. 228–231.
- Бахтуридзе З.З.* Региональный потенциал обеспечения безопасности Южного Кавказа // *Геополитика и безопасность*. 2017. № 4. С. 54–61.
- Гобронидзе Г., Валиев А., Гусейнова Г., Ализада А., Модебадзе Г.* Корни насильственного экстремизма и радикализации в Азербайджане и Грузии. Тбилиси: Фонд им. Фридриха Эберта, 2018.
- Дудайти А.К.* Геополитическая динамика Южного Кавказа в постсоветскую эпоху // *Россия и Иран на Южном Кавказе: опыт исторического взаимодействия и современные проблемы* / отв. ред. А.К. Дудайти. Владикавказ: СОГУ им. К.Л. Хетагурова, 2024. С. 196–338.
- Ибрахим А.Э.* Военные взаимоотношения России и Армении в рамках ОДКБ в контексте безопасности на Южном Кавказе // *Постсоветские исследования*. 2022. Т. 5. № 3. С. 257–262.
- Карамиде Д.* Отношения между Ираном и Россией: новая эра сотрудничества. Тегеран: Изд-во Министерства иностранных дел Ирана, 2009. 240 с.
- Линотт Д.* Экономические аспекты терроризма и борьбы с ним (К истории вопроса, попытка анализа предложений ОБСЕ) // *Центральная Азия и Кавказ*. 2007. № 3 (51). С. 137–154.
- Санаи М.* Мусульманское право и политика: история и современность. М.: Садр, 2016. 208 с.
- Сутырин В.В.* Политика Евросоюза в сфере содействия международному развитию на постсоветском пространстве: геополитические факторы // *Современная Европа*. 2022. № 5. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10/31857/S0201708322050011>.
- Чолахян В.А.* Международное участие в решении Нагорно-Карабахского конфликта в 1990–2020 годы // *Известия Саратовского университета. Серия: История. Международные отношения*. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 365–378. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378>.
- Aydin M.* Determinants of Turkish foreign policy: Historical framework and traditional inputs // *Seventy-five years of the Turkish Republic*. New York: Routledge, 2013. P. 152–186.
- Aras B.* Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47 № 3. P. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2000.11655783>.
- Barzegar K.* Iran's Regional Policy in Time. Tehran: Institute for Middle East Strategic Studies, 2019. 220 p.
- Çelikpala M.* Türkiye's Black Sea Policy for Energy Security // *RUDN Journal of International Relations*. 2023. Vol. 23. № 3. P. 367–384. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-367-384>.
- Davtyan V., Khachikyan S.* The US energy diplomacy in the condition of world energy markets transformation (South Caucasus Vector) // *Vectors of Social Sciences*. 2022. № 3 (14). P. 38–50.
- Gasumov E. et al.* Prospects for Azerbaijan's participation in the diversification of energy sources and reducing the risks of interruption in energy supplies to Europe // *Reliability: Theory and Applications*. 2023. Vol. 18 № SI 5 (75). P. 195–205.
- Hovsepyan L., Tonoyan A.A.* From alliance to 'soft conquest': the anatomy of the Turkish-Azerbaijani military alliance before and after the 2020 Nagorno-Karabakh war // *Small Wars & Insurgencies*. 2024. Vol. 35. № 4. P. 622–655.
- Kaleji V.* Iran and the South Caucasus Republics. Tehran: Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS), 2020. 180 p.
- Kamrava M.* How Islam Rules in Iran: Theology and Theocracy in the Islamic Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 320 p.
- Khalilzada J.* Religion as a 'threat' and 'instrument' in authoritarian regimes: state-religion relations in post-Soviet Azerbaijan // *Religion, State & Society*. 2024. № 52 (4). P. 1–22.
- Malikova Z.* Russia's policy in the South Caucasus in the context of geopolitical interests // *Georgian Scientists*. 2024. Vol. 6. № 3. P. 18–26.
- Pokalova E., Karosanidze T.* Neighbouring an insurgency: the case of radicalization in Georgia // *Central Asian Survey*. 2021. Vol. 40 № 2. P. 242–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1825287>.
- Putkaradze K.* Issues of Religious Fundamentalism and Radicalization in Georgia // *Балканистичен форум*. 2021. Vol. 30. № 2. P. 268–291.
- Royce D.P.* The History of Russian Diplomatic Opposition to NATO Expansion into the Baltics, Ukraine and Georgia // *Russian Politics*. 2024. Vol. 9 № 3. P. 366–401.

Sabbaghian A. Evolution of Mechanisms Regulating EU Relations with the Countries of the South Caucasus // *Central Eurasia Studies*. 2022. Vol. 15. № 1. P. 157–181. DOI: <https://doi.org/10.22059/jcep.2022.299331.449908>.

Salehi M. Pan Turkism and Baku-Ankara Strategic Alliance // *Central Asia and The Caucasus Journal*. 2023. Vol. 29. № 121. P. 55–78.

Şahin D. Turkey's Foreign Policy in Post-Soviet Eurasia // *Middle East Policy*. 2022. Vol. 29. № 2. P. 67–84.

Sikharulidze A. Islamic Radicalization in Georgia: Integration, Identity and Religion // *Politics and Religion Journal*. 2024. Vol. 18. № 2. P. 291–311. DOI: <https://doi.org/10.54561/prj1802290sRecei>.

Tanrısever O., Altunışık M.B. The South Caucasus: Security, Energy and Europeanization. London; New York: Routledge, 2018. 240 p.

REFERENCES

Aydin M. Determinants of Turkish foreign policy: Historical framework and traditional inputs // *Seventy-five years of the Turkish Republic*. New York: Routledge, 2013. P. 152–186.

Aras B. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options // *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47 № 3. P. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.1080/10758216.2000.11655783>.

Avatkov V.A., Kas'yanenko A.V. Voenno-politicheskiye otnosheniya na Yuzhnom Kavkaze v kontekste treugol'nika «Rossiya–Turtsiya–Iran» // *Mirovaya politika*. 2021. № 3. S. 1–18. (In Russ.) [*Avatkov V.A., Kasyanenko A.V.* Military-political relations in the South Caucasus in the context of the Russia-Turkey-Iran triangle // *World Politics*. 2021. № 3. P. 1–18.]

Bakhrami M.B. Rol' strategicheskikh vzaimootnosheniy mezhdu Islamskoy Respublikoy Iran i Rossiyskoy Federatsiyey v geopoliticheskoy bezopasnosti Yuzhnogo Kavkaza // *Rossiya i Iran: pyat' vekov sotrudnichestva*. M., 2022. S. 228–231. (In Russ.) [*Bakhrami M.B.* The role of strategic relations between the Islamic Republic of Iran and the Russian Federation in the geopolitical security of the South Caucasus // *Russia and Iran: Five centuries of cooperation*. M., 2022. P. 228–231.]

Bakhturidze Z.Z. Regional'nyy potentsial obespecheniya bezopasnosti Yuzhnogo Kavkaza // *Geopolitika i bezopasnost'*. 2017. № 4. S. 54–61. (In Russ.) [*Bakhturidze Z.Z.* Regional potential for security provision in the South Caucasus // *Geopolitics and Security*. 2017. № 4. P. 54–61.]

Barzegar K. Iran's Regional Policy in Time. Tehran: Institute for Middle East Strategic Studies, 2019. 220 p.

Çelikpala M. Türkiye's Black Sea Policy for Energy Security // *RUDN Journal of International Relations*. 2023. Vol. 23. № 3. P. 367–384. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-367-384>.

Cholakhyan V.A. Mezhdunarodnoye uchastiye v reshenii Nagorno-Karabakhskogo konflikta v 1990–2020 gody // *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnyye otnosheniya. 2021. T. 21. Vyp. 3. S. 365–378. (In Russ.) [*Cholakhyan V.A.* International participation in resolving the Nagorno-Karabakh conflict in 1990–2020 // *Izvestia of Saratov University*. Series: History. International Relations. 2021. № 21 (3). P. 365–378.] DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-365-378>.

Davtyan V., Khachikyan S. The US energy diplomacy in the condition of world energy markets transformation (South Caucasus Vector) // *Vectors of Social Sciences*. 2022. № 3 (14). P. 38–50.

Dudayti A.K. Geopoliticheskaya dinamika Yuzhnogo Kavkaza v postsovetскую epokhu // *Rossiya i Iran na Yuzhnom Kavkaze: opyt istoricheskogo vzaimodeystviya i sovremennyye problemy / otv. red. A.K. Dudayti*. Vladikavkaz: SOGU im. K.L. Khetagurova, 2024. S. 196–338. (In Russ.) [*Dudayti A.K.* Geopolitical dynamics of the South Caucasus in the post-Soviet era // *Russia and Iran in the South Caucasus: Experience of historical interaction and modern problems / ed. by A.K. Dudayti*. Vladikavkaz: K.L. Khetagurov North Ossetian State University, 2024. P. 196–338.]

Gasumov E. et al. Prospects for Azerbaijan's participation in the diversification of energy sources and reducing the risks of interruption in energy supplies to Europe // *Reliability: Theory and Applications*. 2023. Vol. 18 № SI 5 (75). P. 195–205.

Gobronidze G., Valiyev A., Guseynova G., Alizada A., Modebadze G. Kornii nasil'stvennogo ekstremizma i radikalizatsii v Azerbaydzhanе i Gruzii. Tbilisi: Fond im. Fridrikha Eberta, 2018. (In Russ.) [*Gobronidze G., Valiev A., Guseinova G., Alizade A., Modebadze G.* The roots of violent extremism and radicalization in Azerbaijan and Georgia. Tbilisi: Friedrich Ebert Foundation, 2018.]

Hovsepyan L., Tonoyan A.A. From alliance to 'soft conquest': the anatomy of the Turkish-Azerbaijani military alliance before and after the 2020 Nagorno-Karabakh war // *Small Wars & Insurgencies*. 2024. Vol. 35. № 4. P. 622–655.

Ibrakhim A.E. Voyennoye vzaimootnosheniya Rossii i Armenii v ramkakh ODKB v kontekste bezopasnosti na Yuzhnom Kavkaze // Postsovetskiye issledovaniya. 2022. T. 5. № 3. S. 257–262. (In Russ.) [*Ibrahim A.E.* Military relations between Russia and Armenia within the CSTO in the context of security in the South Caucasus // Post-Soviet Studies. 2022. № 5 (3). P. 257–262.]

Kaleji V. Iran and the South Caucasus Republics. Tehran: Institute for Iran-Eurasia Studies (IRAS), 2020. 180 p.

Kamrava M. How Islam Rules in Iran: Theology and Theocracy in the Islamic Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 320 p.

Khalilzada J. Religion as a ‘threat’ and ‘instrument’ in authoritarian regimes: state-religion relations in post-Soviet Azerbaijan // Religion. State & Society. 2024. № 52 (4). P. 1–22.

Karami D. Otnosheniya mezhdru Iranom i Rossiyey: novaya era sotrudnichestva. Tegeran: Izd-vo Ministerstva inostrannykh del Irana, 2009. 240 s. (In Russ.) [*Karami J.* Relations between Iran and Russia: A new era of cooperation. Tehran: Ministry of Foreign Affairs of Iran Publishing, 2009. 240 p.]

Linott D. Ekonomicheskiye aspekty terrorizma i bor'by s nim (K istorii voprosa, popytka analiza predlozheniy OBSE) // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2007. № 3 (51). S. 137–154. (In Russ.) [*Linott D.* Economic aspects of terrorism and counter-terrorism (a historical perspective, an attempt to analyze OSCE proposals) // Central Asia and the Caucasus. 2007. № 3 (51). P. 137–154.]

Malikova Z. Russia's policy in the South Caucasus in the context of geopolitical interests // Georgian Scientists. 2024. Vol. 6. № 3. P. 18–26.

Pokalova E., Karosanidze T. Neighbouring an insurgency: the case of radicalization in Georgia // Central Asian Survey. 2021. Vol. 40 № 2. P. 242–256. DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2020.1825287>.

Putkaradze K. Issues of Religious Fundamentalism and Radicalization in Georgia // Балканистичен форум. 2021. Vol. 30. № 2. P. 268–291.

Royce D.P. The History of Russian Diplomatic Opposition to NATO Expansion into the Baltics, Ukraine and Georgia // Russian Politics. 2024. Vol. 9 № 3. P. 366–401.

Sabbaghian A. Evolution of Mechanisms Regulating EU Relations with the Countries of the South Caucasus // Central Eurasia Studies. 2022. Vol. 15. № 1. P. 157–181. DOI: <https://doi.org/10.22059/jcep.2022.299331.449908>.

Şahin D. Turkey's Foreign Policy in Post-Soviet Eurasia // Middle East Policy. 2022. Vol. 29. № 2. P. 67–84.

Salehi M. Pan Turkism and Baku-Ankara Strategic Alliance // Central Asia and The Caucasus Journal. 2023. Vol. 29. № 121. P. 55–78.

Sanaei M. Musul'manskoye pravo i politika: istoriya i sovremennost'. M.: Sadra, 2016. 208 s. (In Russ.) [*Sanaei M.* Islamic law and politics: History and modernity. M.: Sadra, 2016.]

Sikharulidze A. Islamic Radicalization in Georgia: Integration, Identity and Religion // Politics and Religion Journal. 2024. Vol. 18. № 2. P. 291–311. DOI: <https://doi.org/10.54561/prj1802290sRecei>.

Sutyryn V.V. Politika Yevrosoyuza v sfere sodeystviya mezhdunarodnomu razvitiyu na post-sovetskom prostranstve: geopoliticheskiye faktory // Sovremennaya Yevropa. 2022. № 5. S. 5–18. (In Russ.) [*Sutyryn V.V.* European Union policy on international development assistance in the post-Soviet space: Geopolitical factors // Modern Europe. 2022. № 5. P. 5–18.] DOI: <https://doi.org/10.31857/S0201708322050011>.

Tanrısever O., Altunışık M.B. The South Caucasus: Security, Energy and Europeanization. London; New York: Routledge, 2018. 240 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудайти Альберт Константинович, доктор исторических наук, профессор Северо-Осетинского государственного университета им. Коста Левановича Хетагурова (Владикавказ, РСО-Алания, Российская Федерация).
E-mail: adudaiti@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Albert K. Dudayti, doctor of historical sciences of North Ossetian State University (Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation).
E-mail: adudaiti@mail.ru

**THE TRANSFORMATIONS OF THE HIERARCHICAL RELATIONSHIPS
OF RUSSIA WITH ARMENIA AND BELARUS
AND POLICY CONVERGENCE PRIORITIES: 2022–2024**

Research article

V.R. Aglyan

*Yerevan State University
Yerevan, Republic of Armenia
E-mail: aglyan@ysu.am*

The conceptual platform of hierarchy in International Relations (IR) rests upon both, analytical assumptions and empirical evidence of specifics and peculiarities of bilateral relations between the state-actors in IR after the dissolution of formal empires. One of the academic approaches in research and analysis of hierarchical systems in IR that provides a rather wide array of indicators and variables for «operationalizing» and understanding the hierarchy in its dynamics and transformative character explains the different aspects and key facets of the factual hierarchy with a major focus on the military and economic domains. One of the important indicators of variability in upholding hierarchy is the policy convergence scope and dynamics since the dominant hierarchic state are interested in stronger convergence practices. After 1945, the U.S. created and developed one of the most sustainable networks of bilateral hierarchies with the tens of states worldwide, yet those hierarchies and regional systems transformed over the decades after the WWII. Due to the comparable parametric capacities and power base in the post-Soviet space, Russia too have been mounting its own system of hierarchical relationships with those republics, however the patterns of hierarchy featured their most comprehensive character in relations of Russia with the allies, including Armenia and Belarus. The focus of this article is on the transformations that those hierarchical relations and policies undergone in the context and under the conditions of unprecedented geopolitical tension in this macro-region since the launch of the large scale military conflict in Ukraine, factors that impacted the variable level of hierarchy in relations of Russia with Yerevan and Minsk in the period after the 2022, given the war's catalyzing effect on the patterns of relations and its immense strategic impact on the continental geopolitical landscape.

Key words: *Hierarchy, International Relations, Convergence, Russia, Armenia, Belarus, Regional Security.*

For citation: *Aglyan V.R. The Transformations of the Hierarchical Relationships of Russia with Armenia and Belarus and Policy Convergence Priorities: 2022–2024 // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 245–254. (In English).*

**ТРАНСФОРМАЦИИ ИЕРАРХИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИИ С АРМЕНИЕЙ И БЕЛАРУСЬЮ
И ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОНВЕРГЕНЦИИ ПОЛИТИК: 2022–2024**

Научная статья

В.Р. Аглян

*Ереванский государственный университет
Ереван, Республика Армения
E-mail: aglyan@ysu.am*

Концептуальные основы существования иерархических моделей международных отношений базируются на постулатах как аналитического порядка, так и на эмпирическом

опыте изучения специфики развития двусторонних отношений в современной системе МО после исчезновения формальных империй. Один из подходов к изучению и анализу иерархических систем в МО, предполагающий достаточно полную «операционализацию» индикаторов и наиболее ключевых аспектов динамики, уровня и измерений иерархичности в военно-политической и экономической областях, исходит из предпосылки системного применения доминирующим государством не прямых, а опосредованных форм власти в двусторонних отношениях с субординированными государствами. В отличие от прямого принуждения, данная «парадигма» иерархических отношений предполагает признание своего рода контрактных взаимоотношений между двумя странами, в рамках которой относительно успешно нивелируются негативные аспекты анархичности в МО, а обе стороны признают легитимность фактической иерархии в межгосударственных отношениях, где каждая из сторон имеет свои обязательства и выгоды в военной и экономических сферах взаимодействия, а одним из важных индикаторов уровня иерархичности выступает степень конвергенции политик между двумя странами. Наиболее сильную, разветвленную и устойчивую систему иерархических двусторонних отношений с десятками различных стран после 1945 г. выстроили США. Обладая схожими параметрами влияния и ресурсами на постсоветском пространстве, Россия на протяжении последних десятилетий также выстраивала свою систему иерархических отношений с постсоветскими республиками, однако наиболее полное отражение иерархичные шаблоны отношений нашли в случае со странами – союзницами РФ, в числе которых – Армения и Беларусь. В статье рассматривается, каким образом модель иерархических отношений РФ с двумя союзными странами претерпела трансформации на фоне и после начала СВО в 2022 г., какие факторы повлияли на варьируемый уровень и сферу влияния Москвы в отношениях с Ереваном и Минском в контексте влияния стратегических региональных изменений после 2022 г.

Ключевые слова: иерархия и международные отношения, конвергенция, Россия, Армения, Беларусь, региональная безопасность.

Для цитирования: Аглян В.Р. Трансформации иерархических отношений России с Арменией и Беларусью и приоритетные направления конвергенции политик: 2022–2024 // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С.245–254.

The patterns and modes of hierarchy in International Relations (IR) and its empirical manifestations across the different sectors and levels of IR, its regional and global repercussions and impact on policy-making processes and decision-making dynamics is a rather interesting, yet somehow elusive and complex phenomenon. As an ordering principle institutionalized through the multiple and well-established domestic mechanisms, hierarchy is more typical to the internal politics and governance systems at the domestic level, whereas the existence of hierarchy in IR is premised more on its historically formed patterns of relationships between the dominant and subordinate states, though the degree of subordination varied significantly from one case to another. In contrast to the formalized legal understanding and acknowledgment of equality of inde-

pendent and sovereign states in international law and diplomatic practices, the hierarchical relationships between the state actors describe and explain the real picture and dynamics of bilateral relations and policy-making features [Aglyan, 2015: 47–60]. It should be noted though that the thesis of anarchy as structuring principle and a system-level phenomenon does not *a priori* presupposes the chaos in relations between the basic units of the world politics, the states, but just the fact there is no central and legitimate global government.

The conceptual platform of hierarchy in IR rests upon several basic analytical and evidence-based assumptions, yet the most important empirical features of this phenomenon are tied to the factual existence of hierarchy as prominently manifested first of all in the military, security and economic domains of dyadic

relationships between the dominant and subordinate state-actors. Far from the common historical practices of the colonial era, including the territorial conquests and subjugation via direct rule, the modern forms of hierarchical control and influence mechanisms are usually rooted in the mutually accepted political authority between the hierarch (dominant state) and the subordinate state and are usually endorsed through the informal contractual relationships in providing or supporting vital security and economic interests of the subordinate in exchange of accepting the legitimacy and long-standing engagement of the dominant state. In contrast to overt and open domination or subjugation relationships, the contemporary era hierarchical relations are based on authority and mutually acceptable obligations.

Semantically, hierarchy in international relations does not usually purport the outright hegemony by one country, but rather a continuum, a variable spectrum of power and authority that ranges from a complete independence (absence of hierarchy) to complete subordination (empire) [Lake, 2009]. At the same time, the modes of exerting hegemony in practice greatly influence the «status» of real hierarchy sustained/exercised by the dominant state. The main proposition here is pivoted around the assumption that different states yield different degrees of power and authority over the other states (group of states), however, the notion of power/authority in the international system, as D. Lake argues, rest on the relational logic that does not contradict directly the principle of sovereignty as a formalized legal norm of international life [Lake, 2009]. The subordination relations, in this context, are found upon mutually accepted obligations between the pair of states as the rightful rule of hierarch is acknowledged as legitimate authority. Authority is exercised without resort to coercion, though substantial coercive capabilities are kept in reserve. One of the «classical» cases of obtaining hierarchy in the modern times is the US-centered system of subordinate relationships scattered across the different parts of the world and ranging from the almost complete dependency on the US-preferred options to the moderate acceptance of the American primacy [Lake, 2007: 57–61].

In social theory, a hierarchy is approached as a system of stratification, yet in the interna-

tional system the basis for stratification rests on power and status that are unevenly distributed between its member states [Evans, Newham, 1998: 19]. In practice, the structure of international relations stipulates that some states possess greater potential to leverage their influence and power over the other participants of the system [Tammen et. al., 2000: 8–9], whereby «one country has governed a greater or lesser range of actions of a second but stopped short of overthrowing the latter's formal sovereignty» [Lake, 2008: 55].

Besides the social (contractual) character as an explanatory base, another explanation of international hierarchy existence rests on the econometric approach of structuring dualistic relations between the sovereign states. The major conceptual claim here is that security is the product, commodity, a kind of functional utility which is produced by the states; principle actors of the international community. And, as interpretation of historical evidence could helpfully suggest [Weber, 2000], the states are interested to collaborate in security realm not so much under the coercive arrangements of the single hegemonic state, but rather by analogy with private firms that are eager to reduce the transaction costs in competitive setting through the institutionalized formats of interactions. What is important in this context is the notion of transaction costs and governance costs; one of the major building blocks of the Williamson's model borrowed by the international affairs scholars for the conceptual and analytical framing of hierarchical pattern of relations among the sovereign states as among economic units (firms) [Williamson, 1985]. Moreover, «even small and weak states can exert significant bargaining leverage over sending powers if they host basing assets that are difficult or too expensive to substitute» [Cooley, 2017: 157].

In spite of its contested character as a theoretical notion, the phenomenon of hierarchy in international relations is manifested across the variety of institutional and political levels. From the empirical standpoint, the three broad aspects of hierarchy can be delineated: first, structural resources/power under the disposal of hegemonic power and the general parameters of regional order as predisposed for hierarchical leadership; secondly, the opera-

tional dimensions of the potential hegemony's engagement (into the regional security system) and upholding of hierarchy (including bargaining/contracting specifics, cost – benefit correlation); and, thirdly, the institutional dimensions of hierarchy.

One of the important, cost-related aspects of the hierarchical mode of interstate relations concerns the governance costs that dominant states incurs in assuming the responsibility for the subordinate state's policies. And the logic of the hierarchy here implies that the stronger the hierarchical relationships and more policy areas are «subordinated» to the joint planning and coordination, or directly controlled by the hierarchy the greater the governance and management costs will be. The military, security and economic policies are the primary policy domains that reflect the degree and the scope of international hierarchy.

After the Soviet demise, the post-Soviet Eurasia emerged as a geopolitical area predisposed towards the hierarchical structuring of interstate relations given the huge resource asymmetry and strong structural dependency links of the newly independent states on Russia in a variety of strategically important fields. As a major powerhouse in the post-Soviet Eurasia that gradually consolidated its powerbase in the region, Russia has long been exerting its influence over the former republics of the USSR as the major and preponderant power in this geopolitical milieu. The dynamics of structural dependency links and resource asymmetry between the all the CIS republics on the one hand and Russia, on the other, predisposed the post-Soviet macroregion towards the military, security and economic hierarchic regional system of IR [Aglyan, 2017].

The new stage of the strategic transformations in the post-Soviet Eurasia, after the launch of the large scale military operations in 2022 in Ukraine, ushered a crucial juncture point in the geopolitical landscape of this big macro-region. Over the conflict's initial period in 2022, Russia's bilateral relations with the other post-Soviet states had not been impacted politically or diplomatically, since the majority if not all the former Soviet republics (except for the Baltic republics) embraced the temporizing policy stance to figure out how the war might impact their substantial interests region-

ally and globally, but specifically with Russia¹. In this context, the initial war period did not produce any significant political or diplomatic effects on the regular and well-established bilateral relations between the post-Soviet states. Some of the CIS member countries refrained from openly criticizing any of the conflicting parties, taking one's side or displaying a firm political stance on the war, yet pragmatically preferred to selectively align their policies with the some of the Western sanctions directed against Russia as a kind of a remedy in protecting themselves from the potentially negative consequences of the sanctions war. Apparently, a preliminary calculus was based on the expectations that the military developments on the ground would culminate and reach the endgame rapidly to provide a more certain geopolitical setting to formulate political approaches towards this crisis and the two sides of the conflict respectively.

Yet, the transformation of the conflict into the long-term military standoff between the consolidated West supporting Ukraine and Russia reshaped and sharpened at the same time both, the patterns of the previously established hierarchical relations in the post-Soviet space and the military and security policy convergence/divergence dynamics between Russia and its formal allies. In this context, the changing modes of hierarchical relationships, including the ongoing transformations in the forms and features of subordination between Russia and its post-Soviet neighbors, the two cases deserve a special attention – Moscow's relationships with and policies towards Armenia and Belarus. The dynamics of Russian-Ukraine military conflict and the resignation of the open confrontation between West and Russia with all of the accompanying repercussions for the regional states had a different impact and divergent implications for the already established hierarchies on the post-Soviet space and specifically with regard to the subordinate relationships character of Russia with its two closest post-Soviet allies, Armenia and Belarus.

¹ Barber T. Post-Soviet neighbors navigate the orbit of Russian power // Financial Times. 5.03.2024. URL: <https://www.ft.com/content/deab4b2e-5769-4e0b-80e0-4fed8465388a> (дата обращения: 20.02.2025).

Since the 1990's onward, the two republics have been in close strategic partnership relations with Russia, pivoting their security policies and international orientations upon Moscow' regional and global policy-making priorities. Both republics have aligned their economic, social, military and military-political regional interests with the multilateral collaboration formats within Russia-led regional organizations. The well-established patterns of hierarchic collaboration rested upon the acknowledged understanding of the kind of a social contract whereby Russia indirectly backed and supported the domestic and external stability of its two allies, including provision of military and economic security, in response to the loyalty and acceptance of Russia's dominant role and control functions.

In spite of some similarities between Armenia and Belarus in upholding the hierarchical modes of interactions with Russia in the military-political and economic dimensions of strategic partnership (in terms of some overlapping experiences and practices of partnership with Russia over the past decades), the processes that started to unfold since the early 2020's, but particularly catalyzed in the light of the Russian-Ukrainian military conflict since 2022, pushed and transformed the previously established patterns of bilateral relationships into the markedly different ways in the case of Armenia and in the case of Belarus. If we lean on the empirically well grounded and investigated conceptual model of the kind of a social contract between the dominant hierarch and the subordinated state to provide military and economic assistance and keeping regional order, including military bases and alliance membership rules, in response to loyalty and limited control by the dominant state[Lake, 2009], then the tectonic shifts in the post-Soviet Eurasia and the developments after the 2022 revealed rather diverging patterns of hierarchy dynamics. The relationships of Belarus with Russia since 2021/2022 were driven towards much stronger policy convergence priorities as well as extended and institutionalized hierarchical modus operandi, whereas Armenia drifted away and loosened the previously exclusive hierarchical relations with Russia in military and military-political affairs, yet continued to be strongly anchored on the eco-

nomical and geo-economic dependency on Russia.

Furthermore, the modes of bilateral relationships with the two post-Soviet republics provided positive externalities regionally for both sides of this hierarchical cluster of relations in form of «shared» security and relative welfare as well as relatively limited governance costs for Moscow in sustaining the regional order and stability. This established state of affairs was premised upon mutually accepted obligations and «contract»-based political logic of close partnership between the sides including an acknowledgment of Russia's zone of the privileged interests.

However, complexity and volatility of the unfolding events and processes in the region have changed this previously stable modus, and the two major factors, among the others, challenged those established patterns of hierarchy in the post-Soviet Eurasia, and particularly the dyadic relations between Russia and its closest partners, Armenia and Belarus:

- 1) the new phase of political processes and generational change of political ruling elites and governments after the Soviet system break up more than 30 years ago with the subsequent shifts and reevaluation of national security essentials as contrasted to the erstwhile, more conservative outlook and understanding of security and regional development strategies;

- 2) the launch of the 2022 large scale military conflict in Ukraine that catalyzed the multivariate hierarchical orientations and patterns of interstate interactions on the post-Soviet space.

While the processes of generational change among the power elites in the post-Soviet Eurasia and the implications for the foreign policy-making is the topic of a separate research and investigation, however one of the important aspects worth to be noted here concerns the transforming perceptions of national security among those new elites and dominant discourses. Supported and guided by the Western ideas, logistical and the material backing, the political classes that formed the ruling elites started gradually to shun away from the traditional Russian-centered hierarchical practices of handling the regional and national security issues in favor of more dif-

fused and pluralistic approaches that framed the multivector foreign policies' rationale. These «differentiated» stances permeated into the real policy-making processes to a varying degrees largely depending on the scale of structural dependency on Russia, scope and volume of converging interests and the geopolitical risks emanating from the neighboring regions.

Although Armenia' foreign policy stance and political rhetoric have started to drift away from the exclusively Russia-centered model and dominantly pro-Russian political discourse after 2019–2020, Yerevan refrained from pushing too far and averted the radical and irreversible structural changes in its the bilateral relations with Russia. The waves of incremental changes in Armenia' foreign policy and international stance have played out differently on political and strategic dependency upon Russia, yet since the 2020's Armenia diversified its military procurement geography substantially in a clear show of its political discontent of Moscow's decision to suspend the already signed and paid Russian-Armenian bilateral contracts for the new weaponry and equipment acquisition. India and France were designated as the main partners for military and military-technical cooperation for Armenia, while Russia's share in military procurement and military equipment import dropped significantly: from around 94% to less than 10% of the total import¹.

Moreover, over the period since the start of the Russia' large scale military engagement into Ukraine, Armenia initiated withdrawal of the Russian border troops from the Armenia' international airport Zvartnots as well as, later on, from the Armenian-Iranian state border. In both of those cases, the Armenian border guards substituted the Russian troops. In line with this generic trend of distancing Yerevan from the Russian-centric international regional formats, including first of all the Collective Security Treaty Organization, Armenia pushed forward with a more multilateral and diversified approach in developing and enlarging bilateral ties with the other partners. As per the

Annual Global Threat assessment document by the U.S. intelligence community (2024), this relative decrease of Russia' influence and its hierarchical grip over Armenia's international and foreign policies were caused by several factors, while those «renewed efforts of Armenia, Moldova, and some Central Asian states to seek alternative partners highlight how the war has hurt Moscow's influence, even in the post-Soviet space. Russia's unwillingness to expend the resources and political capital to prevent Azerbaijan from reacquiring Nagorno-Karabakh from ethnic Armenians through a military offensive in September 2023 underscores how Moscow's war in Ukraine has weakened its role as a regional security arbiter»².

The withdrawal of the Russian border guards from Armenia' main international air gateway, Zvartnots airport, and from the Iran-Armenia border (previously the Soviet – Iranian) signified some decrease of the Russia' hierarchical authority over Armenia and the loosening the previously subordinated status of Armenia as politically and strategically aligned to Moscow' dominant regional posture. Those transformations in security hierarchy can significantly raise Armenia's defense and security costs on the one hand, while posing a substantial challenge to Armenia in terms of acquiring a degree of genuine efficiency in proving its own national security beyond the Russia-centric frameworks.

Yet, the Russian-Armenian alliance that was formed and sustained itself over the decades after the Soviet dissolution was driven and fostered by the myriad of the vested interests as mutually accepted by both of the sides. Given the structural dependence on Russia and the mutual interests to continue partnership in the other fields of cooperation, the full dismantling of allied relationships would hardly be possible to anticipate, and even the periodically declared intentions to cease the CSTO membership in the future will not affect the Armenia's bilateral military treaty with Russia that will remain in force until 2044 unless both

¹ Nersisyan L. Escaping Russia's Backyard: Armenia's Strategic Defense Shift. 18.12.2024. URL: <https://apri.institute/escaping-russias-backyard-armenias-strategic-defense-shift> (дата обращения: 20.02.2025).

² Annul Threat Assessment by the US Intelligence Community. 5.02.2024. URL: <https://www.dni.gov/files/ODNI/documents/assessments/ATA-2024-Unclassified-Report.pdf> (дата обращения: 20.02.2025).

sides agree to abandon it¹. The decades-long «integrationist logic» of the relationships that sustained the mutually accepted sets of the vested interests underlie the hierarchical *modus vivendi* between the two countries. In this context, the feasibility of the irreversible changes or institutionalized «divorce» with the full escape of Armenia from Russia's hierarchical orbit seemed doubtful and not in the interests of either Yerevan or Moscow. However, the stability of authority relations depends on whether the ruled, and the rulers, each uphold their part of the social contract: «If they do so for extended periods, both sides develop «vested interests», which significantly increases the stability of the authority relation» [Voelsen, Schettler, 2019: 550]. In this light, the Strategic Partnership Charter signed by the U.S. and Armenia on January 14, 2025, in Washington, DC², did not include any provisions for any American military or security engagement into the regional process related to the Armenian interests, although the signing of the document was called to flag Yerevan's political stance to enlarge a pool of potential foreign partnerships formats beyond the traditional circle.

The second important component underpinning the hierarchic relationships, the economic and trade dimension of Russian-Armenian interaction rose to the unprecedented level over the 3 years since the start of the military conflict, reaching to \$12 billion in 2024: Armenian exports to the Russian Federation amounted to more than \$2,95 billion (a 10,1% decline), while imports totaled over \$8,8 billion (a 2,4-fold increase)³. After the 2022 Russian-Ukrainian conflict eruption the volume

and scale of bilateral trade, remittances and services provision between Russia and Armenia dramatically raised: «In 2022, bilateral trade nearly doubled to USD 5,3 billion, with Armenian exports to Russia tripling from USD 850 million in 2021 to USD 2,4 billion (Statistical Committee of the Republic of Armenia, 2022), representing 51% of Armenia's total exports (Civilnet, 2023). In 2023, bilateral trade surged to USD 7,3 billion (Statistical Committee of the Republic of Armenia, n.d.), with Russia responsible for more than one-third of Armenia's foreign trade (Fitch Ratings, 2024)»⁴. According to the same analytical report, the Fitch rating agency and the World Bank identified those sectoral dependencies of Armenia on trade, energy supply and remittances with Russia as a key vulnerability of Armenia if the country decides at some point to diversify its overdependence on Russia (in 2023, Armenia imported 86,6% of its natural gas from Russia, totaling 2 725 280,3 cubic meters, with 2 360 426 cubic meters coming from Russia. Additionally, 70% of Armenia's petroleum oils were sourced from Russia)⁵. Armenia's substantial economic dependence and linkage to Russia was steadily increasing amounting to the greater hierarchy in economic domain: for instance, imports from Russia more than doubled to over \$9,4 billion in 2024, while imports from the EU decreased by 9,4%, amounting to \$2 billion⁶.

In contrast to the Armenian case, where the well established hierarchical pattern of relationships yielded notable changes and transformations towards the decreasing scope of hierarchical subordination, but still revealing more «mixed» picture of variable developments across the spectrum of stronger and weaker hierarchy in military, security and eco-

¹ Robert M. Cutler, Armenia's Enduring Military Dependence On Russia Resists Erosion // The Central Asia-Caucasus Analyst 12.09.2024. URL: <https://www.cacianalyst.org/publications/analytical-articles/item/13816-armenias-enduring-military-dependence-on-russia-resists-erosion.html> (дата обращения: 20.02.2025).

² The signing of the Strategic Partnership Charter between the Republic of Armenia and the United States of America took place in Washington // MFA RA. URL: <https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/14/the/13032> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Trade turnover between Armenia and Russia reaches record \$12 billion // Lavrov. 21.01.2025. URL: https://arka.am/en/news/economy/trade-turnover-between-armenia-and-russia-reaches-record-12-billion-lavrov/?sphrase_id=4424833 (дата обращения: 20.02.2025).

⁴ Armenia's Structural Dependency on Russia: Trade, Energy, Security // Arakelyan E., Avedissian E., Grigoryan T. Regional Center for Democracy and Security. P. 2. URL: <https://rcds.am/en/armenia-s-structural-dependence-on-russia-trade-energy-security.html> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵ Ibid.

⁶ Armenia's foreign trade in 2024 exceeded \$30 billion; growth had been slowing for six months // ARKA News Agency. 6.02.2025. URL: <https://arka.am/en/news/economy/armenia-s-foreign-trade-t2024-exceeded-30-billion-growth-has-been-slowing-for-six-months> (дата обращения: 20.02.2025).

conomic dimensions, the volume and the policy domains under the Russian hierarchical control in case of Belarus significantly enlarged after 2022. Russia's policies towards Belarus and the overall relationships between these two countries rested upon more consistent patterns of strengthening and expanding the hierarchical modalities in policy-making and bilateral relations, though president V. Putin in 2024 excluded any possibilities for the further development of the Union State between RF and Belarus without prior synchronization of the economic legislations¹.

Those developments were partly predetermined by Russia' political support provided to A. Lukashenko administration after the presidential elections to recover from the post-elective domestic tension of 2020, and «as of January 2023, Russia had achieved many of its key political objectives in relations with Belarus» [Massicot et al., 2024: 36], though the major driving forces and rationale behind the increased hierarchy level between the two allies, beyond Moscow staunch backing of the incumbent administration, were premised upon:

- well established patterns of hierarchical order of bilateral relations between the two countries, whereby Russia' provision of social order in Belarus meeting both, collective and elite expectations and needs;

- changing regional and international environment and the new geopolitical and strategic priorities of Minsk and Moscow after 2022, something that facilitated and induced the enlargement of the scope of interactions between the two countries;

- governance costs to sustain the order and stability in bilateral relationships were adequate and acceptable for Russia to continue to maintain and enlarge the hierarchical modes or the regional management, while the acquired benefits in security and economic areas were sufficiently high to offset the potential drawbacks;

- reinvigorated policy coordination as well as policy convergence dynamics in military and security fields of partnership proved their efficacy for both sides in conditions of full scale confrontation with the West.

¹ Союзное государство России и Белоруссии – цель и история создания // РБК. 17.09.2024. URL: <https://www.rbc.ru/base/17/09/2024/66e9a9269a794757a75f9ccd> (дата обращения: 20.02.2025).

The geopolitical and strategic environment transformations unfolding around Russia and Belarus after the 2022 events posed substantial challenges for both states in the mid- to longer term perspective, but Russia' resources and the regional power standing played a key role in sustaining and expanding the hierarchy in Moscow's relations with Belarus. Over the past few years since 2022, a bunch of factors, decisions, tangible changes and policy effects testify about the increased level of hierarchical control and expanded volume of fields under the indirect control of Russia in case of Belarus.

Specifically, one of the first manifestations of tightened grip of Russia over the military and military-political security of Belarus in the period of geopolitical tension with the West was the constitutional referendum in February 2022 that formally confirmed the removal of the clauses about maintaining non-nuclear status and striving for neutrality [Massicot et al., 2024: 36]. Foreign and strategic policy priorities started to converge along the Russia-set agenda even still months ago before the February 2022 start of the military campaign: Minsk abandoned its policy of non-recognition of Crimea as a part of Russia². Furthermore, the most palpable manifestation of this growing policy convergence dynamics was directly tied to the security and military-political areas of partnership where the two countries agreed to intensify the tempo of synchronization and integration. And one of the most salient manifestations of the increased scope of military and security hierarchy was the deepening and expanding the collaboration of the two parties in military and defense policies coordination and the wider Russian engagement into Belarus security and military-political governance system. In a same vein, another notable facet of the Russia's drive to increase its policy effectiveness concerned Moscow's aim to reach and cement the institutional similarities between the military and security practices and arrangements of Russia and Belarus. Those goals would certainly ser-

² *Alberque W.* Belarus seeks to amend its constitution to host Russian nuclear weapons // Online Analysis: International Institute for Strategic Studies. 4.02.2022. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2022/02/belarus-seeks-to-amend-its-constitution-to-host-russian-nuclear-weapons> (дата обращения: 20.02.2025).

ve and influence the dynamics of policy convergence between the two allies in a long run perspective [Knill, 2005: 770].

Particularly, in December 2022 the Russian and Belarusian ministers of defense signed a protocol amending the 1997 agreement on the joint provision of regional security in the military sphere. While the content of the amendment was confidential, some experts considered the signed document purpose was the establishment and operation of joint training centers, which would lead to the unification of the two sides' training systems and increase interoperability. On 19 December, 2022, the Russian and Belarusian presidents agreed that Belarus and Russia would create a «common defense space». Experts expected that such a space could potentially be transformed into even closer joint defense activities and planning, with a permanent Russian military presence in Belarus. Moreover, the bilateral defense cooperation was even more integrated after the launch of combat duty of Iskander-M missile systems on the Belarusian soil equipped, presumably, with the tactical nuclear warheads, though «Russia has reportedly begun sending nuclear capability to Belarus; Russia is near-certain to retain control of the weapons» [The Military Balance, 2024: 182]. In June of 2023, V. Putin confirmed that the first deployment of tactical nuclear weapons was stationed in Belarus [Strategic Survey, 2024: 77]. In addition, Russia deployed its advanced S-400 air defense system in Belarus effectively strengthening the control over the air space in the region¹.

Many aspects and dimensions of Russia regional policy-making while being not public, particularly those related to the military and security-related areas were confidential, yet the visible trends and processes reflect the overall dynamics and directions of changes. Specifically, an important political and operational-level shifts in Russia' approach in managing the bilateral or regional hierarchies in the Post-Soviet Eurasia was tied to the re-evaluation of modes of maintaining of those

systems of relations: from «path dependency» approach as based on the institutionalized and long time established patterns towards more policy-driven approach to respond to the rapidly changing strategic environment. In the case of Armenia and Belarus, those changes were mainly driven by the cardinal changes after the start of the large-scale military conflict between Russia and Ukraine in 2022 and the new regional strategic priorities of Russia diverting Moscow' attention from the South Caucasian region to the Ukrainian direction. Secondly, those variations in hierarchical control and efficiency of managing the regional problems via the hierarchical modes are directly concern the governance costs incurred by the hierarch and the «ratio» of mutual benefits reaped by both sides. Given the utmost importance of Belarus in relation to the Ukrainian conflict as well as a key role of the republic in strategic deterrence and defense of Russia in the western direction, governance costs and benefits received by Russia are much more cost-efficient and justified as compared to the other post-Soviet regions.

Moreover, since the beginning of the 2020 the Russia-Belarusian public contentions on economic and other issues have almost disappeared from the bilateral agenda. The final taught on this preliminary assessment of the changing and still on-going transformations of hierarchical relations modes between Russia and its post-Soviet neighbor countries concerns the potential «reversibility» of the hierarchy on the post-Soviet space. This macro-region has long been predisposed to be a hierarchical system of international relations through either dominant policy imposition with elements of coercion or some form of «contract»-based subordination. The structural setting for sustaining this hierarchical regional system still exists given the sheer size, resource asymmetry and political will to uphold the indirect hierarchical rule over the region by Russia. However, the key variable to influence the weakening or strengthening of the varieties of hierarchical patterns of relationships of Russia with the former Soviet republics will be the outcome of the military conflict between Russia and Ukraine.

---

¹ PRS, European Parliamentary Research Service. Glance: Russia-Belarus military cooperation, 2023. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739348/EPRS_ATA\(2023\)739348_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/ATAG/2023/739348/EPRS_ATA(2023)739348_EN.pdf) (дата обращения: 20.02.2025).

REFERENCES

- Aglyan V.* Dimensions of the Structural Power: Russia and the Post-Soviet Area // 21st century. 2017. № 1 (20). P. 1–22.
- Aglyan V.* On Some Structural Peculiarities of the Hierarchical International Systems // 21st Century. 2015. № 2. P. 47–60.
- Cooley A.* Command and Control? Hierarchy and the International Politics of Foreign Military Bases // Hierarchies in World Politics / ed. by A. Zarakol. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Evans G., Newnham J.* The Penguin Dictionary of International Relations. London: The Penguin Books, 1998.
- Knill Ch.* Introduction: Cross-national policy convergence: concepts, approaches and explanatory factors // Journal of European Public Policy. 2005. № 12. P. 764–774.
- Lake D.* Escape from the State of Nature: Authority and Hierarchy in World Politics // International Security. 2007. Vol. 32. № 1. P. 47–79.
- Lake D.* Hierarchy in International Relations (Cornell Studies in Political Economy). N.Y.: Cornell University Press, 2009.
- Lake D.* The State and International Relations // The Oxford Handbook of International Relations. . N.Y.: Oxford University Press, 2008.
- The Foreign Policies of the CIS countries: A Comprehensive Guide / ed. by D. Degtyarev, K. Kurylev. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2019.
- Massicot D., Gris  M., Jukneviute K. et al.* Cooperation and Dependence in Belarus-Russia Relations // RAND Corporation¹, 2024. URL: www.rand.org (дата обращения: 12.02.2025).
- Strategic Survey 2024 // IISS, 2024.
- The Military Balance 2024 // IISS, 2024.
- Tammen R.L., Kugler J., Lemke D. et al.* Power Transitions: Strategies for the 21st Century. N.Y.; London: Chatham House Publishers, 2000.
- Voelsen D., Schettler L. V.* International political authority: on the meaning and scope of justified hierarchy in international relations // International Relations. 2019. Vol. 33. № 4. P. 1–23.
- Weber K.* Hierarchy Amidst Anarchy: Transaction costs and Institutional Choice. N.Y.: State University of New York Press, 2000.
- Williamson O.* The economic institutions of capitalism: Firms, markets, relational contracting. N.Y.: Free Press, 1985.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ваагн Робертович Аглян, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного управления, директор Центра американских исследований Ереванского государственного университета (Ереван, Республика Армения).
E-mail: aglyan@ysu.am

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vahagn R. Aglyan, Ph.D. in History, associate professor, chair of Public Administration, director of American Studies Center of Yerevan State University (Yerevan, Republic of Armenia).
E-mail: aglyan@ysu.am

---

¹ The organization's activities are considered undesirable on the territory of the Russian Federation.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КАНАДОЙ И РЕСПУБЛИКОЙ АРМЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Научная статья

С.И. Грачев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-6600-481X
E-mail: sig-nur@mail.ru*

А.С. Петрунин

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского
Нижегород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-4709-4086
E-mail: sasha99_52@mail.ru*

Текущее состояние и тенденции развития армяно-канадских отношений являются весьма актуальной и современной проблематикой. В статье выявлены и проанализированы основные сферы и направления межгосударственных взаимоотношений Канады и Республики Армения на современном этапе. Определены мотивы и причины заинтересованности каждой из сторон для дальнейшего развития и поддержания двусторонних межгосударственных отношений. Для наилучшего понимания и анализа истории зарождения и современного состояния политико-экономических отношений между Канадой и Республикой Арменией были использованы цивилизационный подход, неофункционализм и метод контент-анализа. В рамках цивилизационного подхода были рассмотрены предыстория, история, специфика и особенности развития армяно-канадских отношений на основе изучения трех волн миграции армян в Канаду, включая период перед Первой мировой войной, временной отрезок с 1914 по 1950 г. и этап после 1950 г. На каждом историческом промежутке рассматривался и делался наибольший акцент на процессе взаимодействия различных культур, вопросах национальной идентичности, а также языковых, религиозных и культурных аспектах. Использование неофункционализма и контент-анализа обусловлено тем, что развитие межгосударственных армяно-канадских отношений на рубеже XX–XXI вв. в основе своей основано на комбинации возможностей межгосударственных взаимодействий в социальной, культурной, экономической и политической сферах. Особый упор был сделан на изучении и анализе двусторонних торговых соглашений между Канадой и Арменией в сферах торговли, инвестиций, налогообложения и развития социальных институтов. Несмотря на территориальную удаленность, культурную и языковую разницу, историческое прошлое, государства успешно развивают двусторонние отношения. Канада и Армения укрепляют геостратегическое партнерство в сферах дипломатии, экономики, торговли, развития социальных институтов. Тенденции указывают на высокий уровень расширения связей между державами. Результаты партнерства принесут политическую и экономическую выгоду обеим странам и будут использованы в целях дальнейшего расширения и углубления двусторонних отношений.

Ключевые слова: Армения, Канада, диаспора, дипломатические отношения, сотрудничество, развитие демократии, инвестиции, перспективы.

Для цитирования: Грачев С.И., Петрунин А.С. Политико-экономические отношения между Канадой и Республикой Армения: история и современность. // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 255–264.

**POLITICAL AND ECONOMIC RELATIONS
BETWEEN CANADA AND REPUBLIC OF ARMENIA:
HISTORY AND MODERNITY**

Research article

S.I. Grachev

*National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-6600-481X
E-mail: sig-nur@mail.ru*

A.S. Petrunin

*National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-4709-4086
E-mail: sasha99_52@mail.ru*

The current state and development trends of Armenian-Canadian relations are a very relevant and modern issue. The article identifies and analyzes the main areas and directions of interstate relations between Canada and the Republic of Armenia at the present stage. The motives and reasons for the interest of each of the parties for the further development and maintenance of bilateral interstate relations have been identified. A civilization approach, neofunctionalism, and the method of content analysis were used to better understand and analyze the history of the origin and current state of political and economic relations between Canada and the Republic of Armenia. Within the framework of the civilization approach, the prehistory, history, specifics and features of the development of Armenian-Canadian relations were considered based on the study of three waves of Armenian migration to Canada, including the period before the First World War, the time period from 1914 to 1950 and the stage after 1950. At each historical period, the greatest emphasis was placed on the process of interaction between different cultures, issues of national identity, as well as linguistic, religious and cultural aspects. The use of neofunctionalism and content analysis is due to the fact that the development of interstate Armenian-Canadian relations at the turn of the 20th and 21st centuries is based on a combination of opportunities for interstate interactions in the social, cultural, economic and political spheres. Special emphasis was placed on the study and analysis of the bilateral trade agreements between Canada and Armenia in the fields of trade, investment, taxation and the development of social institutions. Despite the territorial remoteness, cultural and linguistic differences, and the historical past, the states are successfully developing bilateral relations. Canada and Armenia are strengthening their geostrategic partnership in the fields of diplomacy, economics, trade, and the development of social institutions. The trends point to a high level of expansion of relations between the two powers. The results of the partnership will bring political and economic benefits to both countries and will be used to further expand and deepen bilateral relations.

Key words: *Armenia, Canada, diaspora, diplomatic relations, cooperation, development of democracy, investments, prospects.*

For citation: *Grachev S.I., Petrunin A.S. Political and Economic Relations between Canada and the Republic of Armenia: History and Modernity. Post-Soviet Studies // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 255–264. (In Russ.)*

Развитие армяно-канадских отношений является весьма значимой современной проблематикой, обусловленной тем, что после

выхода из состава СССР Армения столкнулась с проблемой поиска нового партнера в сферах развития политических и торгово-

экономических отношений, лавируя между традиционно преимущественным вектором направления внешней политики Республики Армения в виде ориентированности на Россию путем взаимодействия в рамках организаций СНГ, ОДКБ, ОБСЕ и т.д., необходимость активизации взаимодействия с другими центрами силы в лице США, ЕС, государствами Европы и странами Северной Америки, а также международными и региональными организациями становились необходимой константой. Безусловно, эти отношения не могли быть взаимозаменяемыми, и государство нуждалось в развитии обоих направлений развития внешней политики.

В рамках настоящего исследования основным инструментом анализа исследуемого материала выступил децизионный метод, позволивший сконцентрировать особое внимание на процессы принятия решений. Рассмотрены основные акторы политического планирования и отбора проектов, определены их предпочтения, интересы и задачи. Сетевой анализ позволили рассмотреть отношения между представителями элит государств и определить конфигурацию сил в процессе принятия решений, выделить инструменты воздействия акторов на расстановку приоритетов. При работе с эмпирическим материалом применялся контент-анализ, позволивший выделить ключевые темы обсуждения в области экономического формата и определения основных предпочтений, применимых в контексте внешней политики.

После развала СССР и обретения независимости Армения столкнулась с проблемой выбора нового внешнеполитического курса, а также ориентации на новых партнеров в сфере развития политических, экономических и культурных взаимоотношений.

Новые внешнеполитические вызовы и приоритеты более прикладного характера формировались не только исходя из стратегических реалий в региональном раскладе сил, но и учитывали ситуативные аспекты геополитического окружения Республики.

Концептуальные основы внешней политики государства претерпели ряд модернизаций и изменений. Так, одним из характерных концептуальных измерений внешней

политики государства стал принятый к действию «комплементарный подход», основанный на сбалансированности и многовекторности взаимоотношений с ведущими силовыми центрами мира, что предполагает совмещение взаимодействия с различными акторами международных отношений. Комплементарная политика нацелена, в частности, не только на поддержание стратегического равновесия либо обычного блокового участия с региональными или глобальными структурами, но и на обеспечение, во-первых, позитивного сотрудничества с выигрывающим результатом для всех вовлеченных сторон (вместо игры на противоречиях – так называемой «игры с нулевой суммой»), но и, во-вторых, на поддержание благоприятного с точки зрения национальных интересов Республики регионального расклада сил [Маркаров, 2017: 47].

Вовлеченность Еревана в международные процессы стала декларироваться по трем новым направлениям: международное, нацеленное на развитие отношений с международными акторами; региональное, направленное на восстановление и улучшение отношений с государствами региона, а также всеармянское, ориентированное на развитие и поддержание диаспоральной политики Республики Армения за рубежом [Айвазян, 2020: 102].

В ходе исторического развития одной из стран, где продолжительное время существовала армянская диаспора, пользующаяся заслуженным авторитетом, уважением и поддержкой в деловых кругах государства, стала Канада. Диаспора же явилась инициатором и координатором сближения двух держав.

Несмотря на то что появление первых армян на территории Канады датируется концом XIX в. и трех весьма крупных по своему масштабу волн армянской иммиграции в Северную Америку на протяжении XX столетия, а также существование армянской общины, официальное начало развития армяно-канадских политических отношений было положено лишь в 90-е гг. XX в. через подписание совместной декларации об установлении дипломатических отношений от 31 января 1992 г. в Праге

(Чехия), что открывало путь к дальнейшему развитию двусторонних отношений [Родионов, 2017: 24].

Реальным вдохновителем развития межгосударственных системных отношений явилась крупнейшая и очень влиятельная армяно-канадская общественная правозащитная организация Армянский национальный комитет Канады (АНК) (The Armenian National Committee of Canada (ANCC)), основанная в 1965 г. для решения проблем канадской армянской общины по обширному кругу вопросов и функционирующая в системе отделений по всей Северной Америке, а также офисов дочерних организаций по всему миру. ANCC активно продвигает интересы армяно-канадской общины по широкому кругу вопросов и работает, в том числе, над устранением нарушений прав человека не только в Канаде, но и по всему миру [Karielian-Churchill, 1990: 51–55]. Цели организации включают повышение осведомленности общественности в поддержку свободной, объединенной и независимой Армении; влияние и руководство канадской политикой по вопросам, представляющим интерес для армянской общины, а также представление коллективной армяно-канадской точки зрения по вопросам государственной политики, одновременно выступая в качестве связующего звена между общиной и ее избранными должностными лицами.

Так, значительными достижениями ANCC можно считать признание геноцида армян Сенатом и Палатой общин Канады, а также включение изучения геноцида армян в учебную программу школ Торонто и открытие мемориального леса в честь 100-летия геноцида в г. Маркем¹.

В январе 1995 г. Армения открыла свое посольство в Оттаве. Двумя годами позже Канадой в Ереване было организовано почетное консульство. Забегая вперед, следует отметить, что только через 26 лет после данного события (25 октября 2023 г.) в Ереване было открыто посольство Канады.

¹ Educate motivate activate – About the Armenian National Committee of Canada. URL: <https://www.acctoronto.ca/organizations/armenian-national-committee-of-canada> (дата обращения: 6.03.2025).

Двусторонние отношения между Арменией и Канадой в период 1990-х гг. и начала 2000-х гг. развивались в относительно низком темпе, обуславливаясь только визитами министров иностранных дел и делегаций в страны раз в 1–2 года. В 2004 г. произошло первое по своей масштабности событие в развитии двусторонних отношений, имеющее, в первую очередь, особое значение для Армении. В частности, 21 апреля 2004 г. Палата общин канадского Парламента приняла Предложение № 153-68 о признании геноцида армян, осуществленного в 1915 г. на территориях, контролируемых властями Османской империи. Поскольку Сенат уже утвердил Резолюцию о признании 13 июня 2002 г. «великого злодеяния» против армянского народа, принятие Закона № М-380 завершало полное признание законодательным органом Канады факта геноцида армян. В частности, в документе отмечалось: «...палата общин признает геноцид армян 1915 г. и осуждает этот акт как преступление против человечности» [Խոշորըրիւմ, 2020: 61–73].

Принятие Законопроекта М-380 является значительным успехом, отражающим результат десятилетий напряженной и упорной работы со стороны армянской общины Канады. Усилия многих влиятельных лиц, общественных деятелей и организаций позволили законодательному органу Канады принять резолюцию. Четко сформулированная позиция правительства Республики Армения по этому вопросу также способствовала признанию Канадой геноцида армян.

Период после 2004 г. характеризовался относительным затишьем в развитии двусторонних отношений. Новый вектор в эволюции контактов между государствами был инициирован историческим визитом премьер-министра Джастина Трюдо в Армению в октябре 12 октября 2018 г. В ходе официальной церемонии приветствия канадского премьер-министра Никол Пашинян отметил особую симпатию по отношению к Канаде и лично Джастину Трюдо и выразил надежду, что отношения в дальнейшем продолжат свое развитие и выйдут на более высокий уровень. Следует заметить, что Никол Пашинян подарил пре-

мьер-министру Канады написанную им книгу, что является давней традицией армянского народа, когда книги дарят только близким и родным людям. Джастин Трюдо, в свою очередь, поблагодарив за подарок, подчеркнул, что для него большая честь находиться в Армении; при этом он испытывает чувство дружбы между армянами и канадцами и надеется на дальнейшее развитие и укрепление двусторонних отношений. Следует отметить, что Джастин Трюдо является первым премьер-министром Канады, посетившим Армению с официальным визитом. Это свидетельствует о признании Канадой важности Армении как участника международных отношений, что указывает на развитие и углубление дальнейших отношений¹.

В ходе встречи глав правительств и делегаций двух государств был обсужден целый ряд вопросов, в том числе в области экономических процессов (привлечение инвестиций, улучшение инфраструктуры и развитие других направлений). Джастин Трюдо, говоря о гуманитарном развитии, подчеркнул, что демократические процессы в Армении делают честь не только армянам, но и всему миру. Никол Пашинян, в свою очередь, отметил, что целью правительства является превращение Армении в технологическую страну, и для этого есть необходимый потенциал, который будет способствовать улучшению бизнес-среды и экономическому прогрессу. В заключение главы правительств выразили надежду и готовность дальнейшего и плодотворного сотрудничества в различных сферах.

Армения и Канада поддерживают сотрудничество в рамках международных организаций. Среди них следует выделить Международную организацию франкоязычных стран (Франкофония). Канада – одна из стран-основательниц и активный участник Франкофонии, второй по величине инвестор организации, что позволяет ей лоббировать свои интересы, продвигать свои ценности и приоритеты развития государственной внешней политики (в частности)

¹ Радио Азатутюн (премьер-министр Канады). Я приехал в Армению также для того, чтобы показать готовность своей страны содействовать развитию Армении. 12.10.2018. URL: azatutyun.am (дата обращения: 06.03.2025).

и организации (в целом) во франкоязычном мире. Являясь реальным актором в системе межгосударственных отношений, объединение проповедует и направляет по всему миру четыре основные функции: продвижение французского языка и культурного разнообразия; содействие в продвижении мира, демократии и соблюдении прав человека; поддержка образования, обучения и различных направлений исследований; развитие экономического сотрудничества, направленного на поддержку устойчивого развития [Израелян, Евтихевич, 2013: 214].

В рамках указанного сотрудничества Канады и Армении и в качестве жеста демонстрации признания как нового союзника с 12 марта по 12 апреля 2018 г. в Ереване проходил ряд культурных мероприятий в рамках Франкофонии (народные гуляния, фестивали кино, музыки, театра и т.п.). Через полгода, 11 октября 2018 г., в Ереване прошел 17-й саммит Франкофонии, в работе которого приняли участие делегации свыше 40 стран и, как было запланировано, главы 26 государств. В коммюнике накануне форума заявлялось: «В Ереване ожидают президента Франции Эмманюэля Макрона, премьер-министра Канады Джастина Трюдо, принца Монако Альбера II, Президента Грузии Георгия Маргвелашвили, а также глав и представителей других государств»². По результатам бесед на высоком уровне было отмечено: «В ходе встреч участники обсудили и дали оценку проделанной работы в рамках объединения, а также обсудили новые заявки на членство в организации»³.

7 июля 2021 г. министр иностранных дел Канады Марк Гарно поручил специальному посланнику премьер-министра в Европе Стефану Диону изучить возможность оказания помощи в активизации процесса поддержки армянской демократии и подготовить специальный отчетный проект по осуществленной гуманитарной деятельности. Следует отметить, что данный проект не касался урегулирования Нагорно-Карабахского кризиса и иных региональных во-

² В Ереване открывается саммит Франкофонии с участием более 40 стран // ТАСС. 11.10.2018. URL: tass.ru (дата обращения: 25.11.2024).

³ Там же.

просов [Ushurjshí, 2015: 106–122]. Он был сосредоточен на выборочной поддержке и поощрении усилий армянского народа по развитию и укреплению внутригосударственной демократии. В окончательном варианте документ включал 11 пунктов, компоненты которых содержали (в значительной мере) рекомендательный характер для дальнейшего развития демократических принципов в Армении. В частности, первым элементом данной стратегии декларировалось создание консультационного стола с участием высокопоставленных государственных чиновников из Канады и Армении, которые будут встречаться 1–2 раза в год в целях обмена информацией, анализа и принятия предлагаемых проектов сотрудничества оценки результатов совместной деятельности по укреплению демократии в Армении. Далее документ регламентировал и указывал направления по оптимальной поддержке армянской демократии; необходимости улучшения и модернизации Национального собрания Армении по образцу Парламента Канады; поддержке Армении в борьбе с коррупцией путем изучения и перенимания канадского опыта в области законодательства, направленного на предотвращение факта коррупции и привлечение государственных служащих к ответственности за ее распространение; внедрению с последующим применением кодексов и правил поведения государственных служащих; продвижению принципа защиты свободы слова, а также прав людей с ограниченными возможностями; сотрудничеству в области окружающей среды; защите и восстановлению рек и озер, уделяя особое внимание озеру Севан; открытию посольства Канады в Армении, так как в связи с возросшим темпом развития двусторонних отношений Канаде требуется постоянное дипломатическое присутствие в Армении; созданию специального фонда развития и поддержки демократий; оказанию дальнейшей помощи Армении [Knowles, 2007: 93]. В заключительной части доклада указывается, что «...на сегодняшний день Канада может многое предложить миру, однако ей также есть, чему поучиться, особенно у тех стран, которые менее развиты как в экономическом,

так и в политическом аспектах. В развитии демократии Армения занимает лидирующую позицию, однако следует признать, что ее текущие достижения в демократизации пока не завершены, а результаты хрупки и необратимы. Поэтому Армении нужна поддержка Канады» [Ohanian, 2012: 24–29].

Рассматривая фактор экономических отношений между Канадой и Арменией, следует заметить, что они, по сути, находятся на этапе становления и дальнейшего развития. Начало 2000-х гг. было обусловлено подписанием ряда основополагающих соглашений, определивших дальнейший вектор и форму развития торгово-экономических отношений между государствами. Первым документом было соглашение между правительствами Армении и Канады «О поощрении инвестиций и взаимной защите», подписанное 8 мая 1997 г. в Оттаве. Согласно договору, стороны осознавали, что «...поощрение и защита денежных вложений инвесторов одной стороны на территории другой договаривающейся стороны будет способствовать стимулированию деловой инициативы и развитию экономического сотрудничества между ними»¹. Так, например, по данным Статкомитета Республики Армении, внешнеторговый оборот между Арменией и Канадой в январе–сентябре 2022 г. составил 27,8 млн долл., превысив показатель годовой давности на 52,5%. При этом экспорт снизился на 34,9% (до 2,2 млн долл.), импорт же возрос на 72,8% (до 25,6 млн долл.)².

Следующим соглашением была договоренность «О торговле и коммерческой деятельности», подписанным также 8 мая 1997 г., целью которого стало установление системы сбалансированных прав и обязанностей, а также согласованных правил ведения торговых и коммерческих отношений между Канадой и Республикой Арменией.

Третьим договором была Конвенция между правительствами Армении и Канады «Об устранении двойного налогообложения доходов и имущества, а также предот-

¹ Армения и Канада намерены расширить торгово-экономические связи // Arm Info. 25.10.2022. URL: https://finport.am/full_news.php?id=47250 (дата обращения: 6.03.2025).

² Там же.

вращение уклонения от уплаты налогов» от 29 июня 2004 г. По мнению экспертов, данный документ был подписан как фактор дальнейшего развития экономических, научных, технических и культурных отношений между обоими государствами, а также с целью воспрепятствования двойному налогообложению и уклонению от уплаты налогообложения на доходы и капитал.

После этого практически 6 лет длилось относительное затишье в политико-экономических отношениях между двумя государствами, которое закончилось официальным 3-дневным визитом в Армению парламентской группы Канады 6 сентября 2010 г. во главе с Гарольдом Альбрехтом (председателем Парламентской группы дружбы Канада–Армения). Во время встречи парламентариев был обсужден целый круг вопросов, среди которых были отмечены такие аспекты, как: достижения Канады в сфере защиты прав человека и демократии для стран, идущих по пути демократизации, и развитие межпарламентских и экономических отношений между двумя странами. Руководитель группы Гарольд Альбрехт обсудил целый ряд вопросов с представителями бизнеса Республики, включая тематику инвестиций в экономику Армении. В заключение парламентской встречи глава канадской делегации пригласил коллег посетить Канаду с взаимным визитом и высказал уверенность в открытии в ближайшее время посольства Канады в Армении [Duugu, 2018: 401–405].

Эта встреча стала своего рода импульсом развития экономических отношений между двумя странами. Так, в 2012–2013 гг. Канада вложила в качестве инвестиций в горнодобывающую промышленность Армении 174 млн долл., став тем самым в тот период крупнейшим инвестором в экономику Республики. В результате в 2016 г. Армения поставляла в Канаду драгоценных и полудрагоценных камней и металлов на 137 млн долл. Двумя же годами ранее экспорт Республики в Канаду составлял 95 млн, а импорт из Канады – 44 млн долл. [Соколов, 2017: 432]. Следует заметить, что значительным спросом на канадском рынке пользуется ювелирная продукция из Армении. В начале 2000-х гг. армянские масте-

ра были приглашены в Канаду и стояли у истоков организации ювелирного дела в г. Йеллоунайфе, обучая канадцев данному виду ремесла.

Существуют реальные надежды на расширение межгосударственного сотрудничества в области информационных технологий. Для Армении разработка программного обеспечения может стать важным активом экономики Республики. Пионером канадско-армянского сотрудничества в области высоких технологий является компания Macadamian Technology Inc, специализирующаяся на разработке программного обеспечения, в частности, приложения для BlackBerry. В Республике также функционируют такие компании, как Microsoft, Synopsys, Synergy. IT-образование является важным и востребованным направлением в просветительской системе ведущих университетов Армении. К тому же в 2011 г. в Ереване был создан Центр креативных технологий «Тумо», обеспечивающий бесплатное IT-обучение детей в возрасте от 12 до 18 лет. Неиного позже был открыт филиал Центра в г. Дилижан. Понимая важность данной проблематики, правительство Армении приняло решение, в котором декларировалось, что IT-стартапы со штатом до 15 сотрудников могут осуществлять свою деятельность без уплаты налогов в течение 3 лет. Специалисты Республики и иностранные партнеры, включая сотрудников канадских компаний, данное решение приняли с одобрением. Власти государства освободили также от налогов так называемые «свободные экономические зоны» с уверенностью в том, что они будут благоприятствовать увеличению экспортных поставок в страну, обеспечивать устойчивое экономическое развитие за счет интеграции прямых иностранных инвестиций, внедрения передовых технологий, а также способствовать созданию дополнительных рабочих мест [Амирьянц, 2024: 640].

Следующим масштабным событием, способствующим развитию двусторонних отношений, был визит канадского премьер-министра в Ереван 12 октября 2018 г. В ходе переговоров на высшем уровне между Николом Пашиняном и Джастином Трюдо был обсужден широкий круг политических, экономических и гуманитарных вопросов, в

том числе вопросы установления воздушного сообщения между Арменией и Канадой. В своем выступлении Никол Пашинян отметил, что Республика заинтересована в привлечении иностранных инвестиций и всесторонне поддерживает аутсорсинг, настроена на сотрудничество в области управления водными и природными ресурсами, нуждается в изучении опыта Канады в области лицензирования, управления и надзора в горнодобывающей деятельности. Одновременно он высказал просьбу о доведении до представителей канадских деловых кругов логики процессов, которые происходят в Армении. В свою очередь, премьер-министр Канады приветствовал реформы, проводимые в Армении, и выразил готовность к сотрудничеству по обозначенным премьер-министром Республики проектам, представляющим взаимный интерес и расширяющим армяно-канадские экономические связи [Соколов, 2013: 235].

В настоящее время Канада и Армения поддерживают прочные двусторонние отношения, основанные на идеалах взаимного уважения, международного сотрудничества, почтения к правам человека и демократии. Армянский национальный комитет Канады и вся армяно-канадская община уделяют большое внимание этим отношениям и продолжают выступать за укрепление канадско-армянских связей. Реальным фактором этого было открытие посольство Канады в Ереване 25 октября 2023 г.

В контексте исследуемой нами проблемы следует отразить позицию Канады по Нагорно-Карабахскому кризису. Оттава, следуя своей приверженности концепции мягкой силы, продолжает поддерживать направление по политическому урегулированию конфликта в Нагорном Карабахе через переговоры и диалог между сторонами, выступая при этом «...за принципы неприменения силы, территориальной целостности и самоопределения»¹. На официальном сайте правительства Канады указано,

¹ Canada provides additional humanitarian assistance funding in response to Nagorno-Karabakh crisis. 25.10.2023. URL: <https://reliefweb.int/report/armenia/canada-provides-additional-humanitarian-assistance-funding-response-nagorno-karabakh-crisis> (дата обращения: 29.04.2025).

что государство призывает к прекращению боевых действий в регионе. В 2023 и 2024 гг. министр иностранных дел Канады Мелани Жולי неоднократно заявляла «...об обеспеченности государства текущей ситуацией в Нагорном Карабахе, осуждая действия Азербайджана и призывая к немедленному прекращению военных действий, чтобы избежать угрозы безопасности, жертв среди гражданского населения и разрушения инфраструктуры»². Министр призывала стороны противостояния к урегулированию конфликта через использование возможностей многостороннего диалога, продвижения принципа нераспространения оружия и смягчения последствий военных действий. Она выразила солидарность с армянами и указала на необходимость оказания финансовой поддержки Армении³. Вместе с тем, как показывает анализ практической деятельности, правительство Канады, кроме заявлений, не инициирует пока более радикальные действия, как-то: введение экономических санкций против Азербайджана; помощь Армении в вооружении и т.п. Следует заметить, что в 2023 г. обсуждалось возможное применение подобных мер и мероприятий. Однако, как отметил посол Канады в Армении Эндрю Тернер, «...санкции могут помешать усилиям по достижению мира между Арменией и Азербайджаном»⁴.

Таким образом, Канада традиционно пытается усидеть на «двух стульях», не прибегая к радикальным действиям. Стараясь всячески поддерживать Армению и публично осуждая политику и агрессивные действия Азербайджана, при этом придерживаясь политики либеральных ценностей,

² Canada calls for cessation of hostilities in the Nagorno-Karabakh region. 12.01.2023. URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2023/09/canada-calls-for-cessation-of-hostilities-in-the-nagorno-karabakh-region.html> (дата обращения: 29.04.2025).

³ Statement by Minister Joly one year after Azerbaijan military operation in the Nagorno-Karabakh region. 22.09.2024. URL: <https://www.canada.ca/en/global-affairs/news/2024/09/statement-by-minister-joly-one-year-after-azerbajians-military-operation-in-the-nagorno-karabakh-region.html> (дата обращения: 29.04.2025).

⁴ Canada, allies have discussed sanctioning Azerbaijan, committee hears. 31.10.2023. URL: <https://www.cbc.ca/news/politics/armenia-nagorno-karabakh-refugees-1.7013145> (дата обращения: 29.04.2025).

страна стремится делать так, чтобы сохранить при этом нормальные дипломатические отношения с Азербайджаном и Турцией.

За последние 30 лет Канада и Армения предприняли важные шаги в укреплении своих отношений посредством различных соглашений и обязательств, которые укрепили и постепенно расширили экономические, политические, культурные и дипломатические отношения между Оттавой и Ереваном. Ряд двусторонних визитов на высоком уровне, кульминацией которых стал официальный визит премьер-министра Джастина Трюдо в Армению и открытие посольства Канады в Ереване, сыграли ключевую роль в развитии партнерства между двумя странами. Обе стороны убеждены, что впереди их ждут су-

щественные возможности для дальнейшего расширения отношений, которые будут использованы в целях взаимных интересов государств и народов Канады и Армении.

Отслеживая текущие тенденции укрепления геостратегического партнерства и развития двусторонних отношений государств в сферах дипломатии, экономики, торговли и развития социальных институтов, можно с уверенностью сказать, что они ориентированы на развитие дальнейших перспектив по расширению и углублению долгосрочных двусторонних связей, которые в будущем принесут выгоду обеим странам и будут использованы в целях дальнейшего расширения и углубления двусторонних отношений.

ЛИТЕРАТУРА

- Айвазян А.С.* Особенности внешней политики современной Армении // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 2. С. 98–103.
- Амирьянц Г.А.* Армения. Впереди новые века. Т. 2. М.: VegaPrint, 2024. 640 с.
- Израелян Е.В., Евстигевич Н.С.* Гуманитарные аспекты внешней политики Канады. М.: ИСКРАН, 2013. 214 с.
- Маркаров А.А.* Концептуальные подходы и особенности внешнеполитического процесса: основные направления и задачи внешней политики Армении // Постсоветский материк (Институт стран СНГ). 2017. № 4 (16). С. 40–57.
- Родионов А.* СССР–Канада. Записки последнего советского посла. М.: Алгоритм, 2017.
- Соколов И.А.* Политическая история Канады: взгляд из России: сборник статей. М.: Директ-Медия, 2013. 325 с.
- Соколов В.И. и др.* Канада: современные тенденции развития: к 150-летию государства / отв. ред. В.И. Соколов; Институт США и Канады Российской академии наук. М.: Весь Мир, 2017. 432 с.
- Kaprielian-Churchill I.* Armenian Refugees and Their Entry into Canada, 1919–1930 // Canadian Historical Review. 1990. Vol. 71. № 1. P. 51–55.
- Kaya D.G.* Memory and citizenship in diaspora: remembering the Armenian Genocide in Canada // Citizenship Studies. 2018. № 22. P. 401–405.
- Knowles V.* Strangers at Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–2006. Revised edition. Toronto: Dundurn Press, 2007.
- Ohanian D.* Armenian-Ontarian Migration and Community: Life Before and After the Armenian Genocide, 1887–1930. Toronto, 2012.
- Մարդարյան Ս.* Հայոց ցեղասպանության միջազգային ճանաչման հարցը Հայաստան-Միջուկը գործակցության հոլովույթում (1991–2015թթ.) // 21-րդ դար. 2015. № 6 (64). P. 106–122.
- Խաչատրյան Անի.* Հայրենիք-սփյուռք մշակութային փոխառնչություններն արվեստի բնագավառում 1980-ական թվականներին // Գիտական Արցախ [Научный Арцах; Scientific Artsakh]. 2020. № 1 (4). P. 61–73.

REFERENCES

- Ayvazyan A.S.* Osobennosti vneshney politiki sovremennoy Armenii // Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN. 2020. № 2. S. 98–103. (In Russ.) [*Ayvazyan A.S.* Features of the foreign policy of modern Armenia // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. 2020. № 2. P. 98–103.]
- Amir'yants G.A.* Armeniya. Vpered novyye veka. T. 2. M.: VegaPrint, 2024. 640 s. (In Russ.) [*Amir'yants G.A.* Armenia. New centuries ahead. Vol. 2. M.: VegaPrint 2024. 640 p.]

Israyelyan Ye.V., Yevtikhevich N.S. Gumanitarnyye aspekty vneshney politiki Kanady. M.: ISKRAN, 2013. 214 s. (In Russ.) [*Israelyan E.V., Evtikhevich N.S.* Humanitarian aspects of Canada's foreign policy. M.: ISKRAN, 2013. 214 p.]

Kaya D.G. Memory and citizenship in diaspora: remembering the Armenian Genocide in Canada // *Citizenship Studies*. 2018. № 22. P. 401–405.

Kaprielian-Churchill I. Armenian Refugees and Their Entry into Canada, 1919–1930 // *Canadian Historical Review*. 1990. Vol. 71. № 1. P. 51–55.

Khachatryan A. Homeland-diaspora cultural exchanges in the field of art in the 1980s // *Scientific Artsakh*. 2020. № 1 (4). P. 61–73. (In Armenian.)

Knowles V. Strangers at Our Gates: Canadian Immigration and Immigration Policy, 1540–2006. Revised edition. Toronto: Dundurn Press, 2007.

Markarov A.A. Kontseptual'nyye podkhody i osobennosti vneshnepoliticheskogo protsessa: osnovnyye napravleniya i zadachi vneshney politiki Armenii // *Postsovetskiy materik (Institut stran SNG)*. 2017. № 4 (16). S. 40–57. (In Russ.) [*Markarov A.A.* Conceptual approaches and features of the foreign policy process: the main directions and tasks of Armenia's foreign policy // *Post-Soviet Continent (Institute of CIS Countries)*. 2017. № 4 (16). P. 40–57.]

Ohanian D. Armenian-Ontarian Migration and Community: Life Before and After the Armenian Genocide, 1887–1930. Toronto, 2012.

Rodionov A. SSSR–Kanada. Zapiski poslednego sovetskogo posla. M.: Algoritm, 2017. 24 s. (In Russ.) [*Rodionov A.* USSR–Canada. Notes of the last Soviet ambassador. M.: Algorithm 2017. 24 p.]

Sardaryan S. The issue of international recognition of the Armenian Genocide in the context of Armenia-Diaspora cooperation (1991–2015) // *21st Century*. 2015. № 6 (64). P. 106–122. (In Armenian.)

Sokolov I.A. Politicheskaya istoriya Kanady: vzglyad iz Rossii: sbornik statey. M.: Direkt-Mediya, 2013. 325 s. (In Russ.) [*Sokolov I.A.* Political history of Canada: a view from Russia: collection of articles. M.: Direct-Media, 2013. 325 p.]

Sokolov V.I. i dr. Kanada: sovremennyye tendentsii razvitiya: k 150-letiyu gosudarstva / otv. red. V.I. Sokolov; Institut SSHA i Kanady Rossiyskoy akademii nauk. M.: Ves' Mir, 2017. 432 s. (In Russ.) [*Sokolov V.I. et al.* Canada: Modern Development Trends. On the 150th Anniversary of the State / ed. by V.I. Sokolov; Institute of the USA and Canada of the Russian Academy of Sciences. M.: Ves Mir, 2017. 432 p.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грачев Сергей Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры политологии, профессор Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Российская Федерация).

E-mail: sig-nur@mail.ru

Петрунин Александр Сергеевич – аспирант кафедры политологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Ниžний Новгород, Российская Федерация).

E-mail: sasha99_52@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey I. Grachev – doctor of political sciences, professor of the Department of Political Science, professor of the Institute of International Relations and World History of National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: sig-nur@mail.ru

Alexander S. Petrunin – postgraduate student of the Department of Political Science of the Institute of International Relations and World History of National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation).

E-mail: sasha99_52@mail

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ВОПРОСЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В РЕГИОНЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Научная статья

Д.А. Борисов

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: denisborisov@mail.ru*

М.Д. Назаров

*Новосибирский государственный университет экономики и управления
Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: nazarov.somi@mail.ru*

Статья посвящена исследованию внешней политики Российской Федерации, проводимой в отношении стран Центральной Азии, в контексте оценки межгосударственного взаимодействия, роли и места региона в стратегии российской внешней политики. Перед авторами стоит задача: исследовать роль доктринальных и концептуальных документов (стратегий) как один из элементов проецирования международной власти государства в международных отношениях. Доктринальная активность других акторов международных отношений в регионе актуализирует вопрос о разработке собственного стратегического подхода для внешней политики РФ со странами Центральной Азии. В статье уделяется внимание тому, как страны Центральной Азии отражают в своих внешнеполитических документах отношений с РФ и какие направления сотрудничества выделяются в качестве ключевых. Главной целью исследования является аргументация необходимости дальнейшего развития доктринальной силы международной власти РФ. Современные условия актуализируют переход от общих стратегических подходов во внешней политике государства к более детальным концепциям, адаптированным под конкретный регион и/или государство. Исследование отталкивается от макросоциологического подхода, который рассматривает международные отношения как макросоциальную систему взаимоотношений, где множество взаимодействий между людьми, группами и массами концентрируются вокруг экономических, политических, идеологических и силовых институциональных форм. В работе проводится сравнительный анализ стратегических подходов центрально-азиатского вектора внешней политики Турции, Китая, ЕС, США, чтобы наглядно показать развитость стратегического инструментария в дипломатической практике этих государств. Таким образом, исследование подчеркивает важность изучения концептуальных внешнеполитических документов для оценки региональной системы международных отношений и выявления перспектив дальнейшего сотрудничества между Российской Федерацией и странами Центральной Азии.

Ключевые слова: стратегия, концепция, доктринальные документы, внешняя политика, приоритетные направления, Российская Федерация, Центральная Азия, традиционные партнеры, стратегическое партнерство.

Для цитирования: Борисов Д.А., Назаров М.Д. Вопросы стратегического сопровождения внешней политики России в регионе Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 265–275.

ISSUES OF STRATEGIC SUPPORT FOR RUSSIA'S FOREIGN POLICY IN THE CENTRAL ASIA REGION

Research article

D.A. Borisov

*Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: denisborisov@mail.ru*

M.D. Nazarov

*Novosibirsk State University of Economics and Management
Novosibirsk, Russian Federation
E-mail: nazarov.somi@mail.ru*

The article investigates the foreign policy of the Russian Federation toward Central Asian countries within the context of assessing interstate interactions, as well as the role and position of the region in the strategy of Russia's foreign policy. The authors aim to examine doctrinal and conceptual documents (strategies) as one of the elements of projecting a foreign power of state in international relations. The doctrinal activity of non-region actors in CA underscores the need to develop a dedicated strategic approach for Russia's foreign policy toward Central Asia. The study explores how Central Asian countries reflect their relations with the Russian Federation in their foreign policy documents and identifies key areas of cooperation emphasized by these states. The main goal of the study is to argue for the need for further development of the doctrinal force of the foreign power of the Russian Federation. Modern conditions actualize the transition from general strategic approaches in the foreign policy of the state to more detailed concepts adapted to a specific region and/or state. The study employs a macrosociological approach, which interprets international relations as a macrosocial system of interactions where numerous exchanges between individuals, groups, and populations coalesce around economic, political, ideological, and power-related institutional frameworks. A comparative analysis is conducted of the strategic approaches to Central Asia adopted by Turkey, China, the EU, and the United States, illustrating the sophistication of strategic tools in diplomatic practices of this countries. The research highlights the importance of analyzing conceptual foreign policy documents to evaluate the regional system of international relations and to identify prospects for deepening cooperation between the Russian Federation and Central Asian countries.

Key words: *strategy, concept, doctrinal documents, foreign policy, priority areas, Russian Federation, Central Asia, traditional partners, strategic partnership.*

For citation: *Borisov D.A., Nazarov M.D. Issues of strategic support for Russia's foreign policy in the Central Asia region // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 265–275. (In Russ.)*

Для России Центральная Азия (ЦА) – регион с совместной исторической общностью, где со всеми странами региона сформировались режимы стратегического сотрудничества в торгово-экономической, военно-политической, оборонной и культурно-гуманитарной сферах.

Подтверждением важности региона Центральной Азии для внешней политики РФ являются действующие институциональные механизмы межгосударственного взаимодействия: по линии администраций президентов, МИДов, органов правопорядка и юстиции, парламентов, а также функцио-

нирующий саммит в формате «Центральная Азия + Россия». Президент РФ В.В. Путин неоднократно заявлял о приоритете региона для России и о необходимости наращивания политического диалога и развития сотрудничества в таких областях, как безопасность, экономика, торговля, сельское хозяйство, энергетика, экология, здравоохранение, миграция, информационные технологии и массовые коммуникации¹.

Несмотря на накопленный опыт взаимодействия между РФ и странами Центрально-Азиатского региона (ЦАР), внешнеполитический курс РФ остается без специального стратегического обеспечения по этому направлению, что объективно снижает эффективность внешней политики РФ в регионе, формируя потребность в создании отдельного доктринального документа – условно «Стратегия РФ в Центральной Азии».

Исследование отталкивается от макросоциологического подхода, который рассматривает международные отношения как макросоциальную систему взаимоотношений, где множество взаимодействий между людьми, группами и массами концентрируются вокруг экономических, политических, идеологических и силовых институциональных форм [Hall, Schroeder, 2006]. В свою очередь, институциональные формы реализуются через социальные практики, которые отражают функциональную специфику выделенных институциональных форм международной власти [Проценко, 2023: 12].

В рамках теоретико-концептуального подхода мы выделяем такую институциональную форму международной власти, как доктринальную силу – вид властного взаимодействия в политической сфере между государствами через публикацию специальных внешнеполитических документов (концепция, стратегия, книга, закон), где публично озвучиваются потребности государства и подходы к их обеспечению в текущей международной обстановке.

Таким образом, государство заявляет о своих интересах другим участникам международных отношений, обеспечивая влияние на формирование враждебных, конкурентных, нейтральных, партнерских и союзнических взаимоотношений с другими участниками на основе озвученных потребностей. При этом если раньше стратегия внешней политики использовалась как инструмент во внешней политике, прежде всего, великих государств, то сегодня подобная дипломатическая практика вошла в стандартный набор внешней политики многих государств [Gleason, 2021: 22–23].

Немаловажными факторами, подвигающими к особому вниманию РФ к Центральной Азии как отдельного направления внешнеполитической деятельности, являются активные действия в этом направлении со стороны других акторов международных отношений. Китай, Турция, США, Европейский союз (ЕС) и другие страны последовательно расширяют свое взаимодействие со странами региона, в том числе по линии доктринальной силы, сопровождая свое присутствие в Центральной Азии отдельными доктринальными документами.

Внерегиональные акторы в ЦА широко используют стратегии внешней политики в целях продвижения своих инициатив и расширения влияния [Земсков, 2013: 28–29].

Высокую внешнеполитическую активность в Центральной Азии ведет Турция, которая через сеть двусторонних, трехсторонних и многосторонних связей (на базе Организации тюркоязычных государств) выстраивает свою дипломатию со странами региона [Притчин, 2024]. Однако в дипломатии Анкары нет специального стратегического документа, посвященного Центрально-Азиатскому региону. При этом некоторые заходы на концептуализацию и стратегирование внешней политики Турции можно увидеть в таких инициативах, как «Век Турции»² и «Тюркское видение –

¹ Интервью В.В. Путина газете «Казахстанская правда» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/72682> (дата обращения: 23.07.2024).

² Национальная внешняя политика в «Век Турции» // Официальный сайт МИД Турции. URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy-ru.ru.mfa> (дата обращения: 12.11.2024).

2040»¹. Последний документ был представлен в рамках Саммита Тюркского совета в 2021 г. В этом контексте Турция использует стратегические инструменты во внешней политике, но на базе не конкретного регионального подхода, а формирует политическую линию поведения на основе этнического фактора, который, безусловно, затрагивает тюркские государства Центральной Азии (все, кроме Таджикистана).

Стратегические инструменты Китая опираются на экономическую мощь государства. Известная с 2013 г. инициатива «Пояс и путь» (ПиП) является на данный момент важнейшим проектом для Центральной Азии [Гончаренко, Манойло, 2023: 194; Юйфэй, 2023]. Инициатива является фактически экономической стратегией, которая формирует единое хозяйственное будущее между Китаем и всеми странами ЦАР. Китайское руководство делает ставку на экономико-политическое сближение [Борисов, Карманова, 2024: 102]. Основной стратегический текст, связанный с ПиП, представлен в формате Белой книги «Совместное строительство “Пояса и пути”»: основные практики построения Единой судьбы человечества»². Стратегический стиль внешней политики КНР не использует региональные паттерны, но вписывает страны Центральной Азии в свое амбициозное видение мирового будущего через концепцию «Единой судьбы человечества».

В 2019 г. в Бишкеке на июньской региональной встрече министров иностранных дел Европейского Союза и Центральной Азии была официально представлена новая европейская стратегия «Европейский Союз и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства»³.

¹ Turkic World Vision – 2040 // Центр Евразийских исследований (Турция, Анкара). URL: <https://avim.org.tr/public/images/uploads/files/turkic-world-vision-2040-2396-97.pdf> (дата обращения: 12.11.2024).

² Белая книга // Официальный сайт Правительства КНР. URL: https://www.gov.cn/zhengce/202310/content_6907994.htm (дата обращения: 12.11.2024).

³ The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership // Официальный сайт Дипломатической службы Европейского Союза. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/joint_communication_-_the_eu_and_central_asia_-_new_opportu

Данная Стратегия выделяет три приоритетные области: устойчивость, процветание и улучшение сотрудничества [Гегелашвили, 2023]. Миграция учитывается в категории устойчивости, при этом необходимость «наращивать сотрудничество в области миграции» четко указывается в качестве одной из всеобъемлющих целей стратегии. Стратегический подход ЕС акцентирует внимание на развитие отношений в области миграции, мобильности и управления границами в Центральной Азии.

Важно отметить, что общеевропейская стратегия стала опорным нормативно-правовым документом для обновления соглашений о расширенном партнерстве и сотрудничестве между ЕС и странами региона: с Казахстаном (ратифицирована в 2020 г.), Кыргызстаном (обновлено в 2024 г.), Таджикистаном (планируется на 2025 г.), Туркменистаном (обновлено в 2024 г.) и Узбекистаном (обновлено в 2022 г.)⁴. Европейский стратегический подход по внешней политике оперирует непосредственно региональным и страновым целеполаганием, публично транслируя конкретные потребности для конкретного региона и государства.

США не являются исключением, влияние Вашингтона в регионе носит многофакторный и многоуровневый характер, включая политический, военно-стратегический

nities_for_a_stronger_partnership.pdf (дата обращения: 18.11.2024).

⁴ Информация о статусе соглашений о расширенном партнерстве между ЕС и странами региона были взяты авторами на следующих информационных ресурсах: Казахстан // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: https://www.eeas.europa.eu/kazakhstan/evropeyskiy-soyuz-i-kazakhstan_ru?s=222 (дата обращения: 18.11.2024); Кыргызстан // Официальный сайт Европейской службы внешних связей. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/kyrgyzskaya-respublika-podpisano-soglaseniye-o-rasshirenno-partnerstve-i-sotrudnichestve-srps_ru (дата обращения: 18.11.2024); Таджикистан // Ислам сегодня. URL: <https://islam-today.ru/novosti/2024/07/18/tadzikistan-i-es-podpisut-soglasenie-o-rasshirenno-partnerstve> (дата обращения: 18.11.2024); Туркменистан // Туркменистан. Золотой век. URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/81612/turkmenistan-i-es-podpisali-protokol-k-soglasheniyu-o-partnerstve-i-sotrudnichestve> (дата обращения: 18.11.2024); Узбекистан // Газета.уз. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/07/eu> (дата обращения: 18.11.2024).

ческий, экономический и идеологический аспекты. Страны Центральной Азии со дня обретения независимости испытывают на себе американское влияние [Давыдов, 2022]. В настоящее время власти США реализуют в Центральной Азии стратегию, рассчитанную на период с 2019 по 2025 г.¹ В документе Вашингтон четко обозначает шесть основных приоритетов в отношении со странами региона, в которых декларируется поддержка независимости стран региона и важности доступа для американских инвестиций. Более того, стратегирование США не останавливается на региональном масштабе, в дипломатическую практику внедрен такой механизм, как «Интегрированная страновая стратегия» (ИСС). Данный вид документов развивает положения общих внешнеполитических и региональных стратегий в отношении конкретной страны. Соответственно, имеются ИСС для всех стран Центральной Азии².

Важно отметить, что это достаточно развитые стратегические инструменты во внешней политике США, средний размер текста ИСС для стран ЦАЯ составляет около 32 тыс. знаков с пробелами. Как и в случае с ЕС, американская сторона также придерживается регионального и конкретно странового подхода в своих стратегиях.

Таким образом, мы видим, что, так или иначе, доктринальная сила как инструмент внешней политики присутствует в дипломатии основных нерегionalных субъектов в центрально-азиатской подсистеме международных отношений. Сила доктрины позволяет государствам формировать определенный политический фарватер, который оказывает влияние на характер межгосударственных отношений в будущем как на двустороннем, так и на многостороннем уровнях.

¹ Стратегия США на 2019–2025 гг. // Официальный сайт Посольства США в Узбекистане. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity-ru> (дата обращения: 12.11.2024).

² Integrated Country Strategy // Официальный сайт Государственного департамента США. URL: <https://2021-2025.state.gov/integrated-country-strategies> (дата обращения: 12.11.2024).

Очевидно, что доктринальная сила третьих стран если не прямо, то косвенно формирует альтернативные варианты внешнеполитической линии поведения в будущем как минимум без учета России. Силу стратегии других стран необходимо рассматривать как противовес внешней политике РФ со странами Центральной Азии, которая выступает элементом, сдерживающим внешнеполитическую активность Москвы. При этом внешняя политика РФ, игнорируя доктринальную силу, лишает себя одного из элементов воздействия на отношения со странами региона, что формирует неопределенность в политической повестке взаимодействия между РФ и центральноазиатскими странами.

На сегодня доктринальная сила РФ представлена только общим концептуальным документом – Концепцией внешней политики (КВП). Сама Концепция как инструмент внешней политики является системой взглядов на национальные интересы, вектором развития страны на международной арене и основой для определения стратегии действий. Указанный инструмент имеет основополагающее значение для выстраивания межгосударственных отношений: определяет стратегические цели, задачи внешней политики и национальные интересы, а также внешние функции государства (оборона, дипломатия, поддержание миропорядка, внешнеэкономическая деятельность, культурное сотрудничество и др.).

Политические перемены на мировой арене и усиливающееся нарастание многополярных тенденций побуждают государства формулировать новые приоритеты и векторы развития своей внешней политики. С момента распада СССР российскими властями принято 6 КВП страны (от 23 апреля 1993 г., от 28 июня 2000 г., от 12 июля 2008 г., от 12 февраля 2013 г., от 30 ноября 2016 г., от 31 марта 2023 г.), в каждой из которых государством выработаны ключевые подходы к решению проблем международных отношений в конкретный исторический период [Сироткин, Баженова 2024].

При этом за всю историю доктринальной силы РФ Центрально-Азиатский ре-

гион не имел отдельного целеполагания. В КВП 1993, 2000, 2008, 2013 и 2016 гг. страны Центральной Азии рассматриваются в качестве бывших республик СССР, объединенных в формате Содружества Независимых Государств (СНГ).

Так, в рамках указанных КВП выделены следующие ключевые сюжеты, с которыми РФ связывает свои интересы со странами СНГ: обеспечение соответствия многостороннего и двустороннего сотрудничества с государствами – участниками СНГ задачам национальной безопасности страны; нейтрализация террористической угрозы и наркоугрозы, исходящих с территории Афганистана; недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии; развитие взаимодействия государств – участников СНГ в гуманитарной сфере на базе сохранения и приумножения общего культурно-цивилизационного наследия; углубление и расширение интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в целях повышения жизненного уровня населения стран, входящих в его состав.

В 2023 г. принята новая КВП, в которой регион Центральной Азии учитывается во внешней политике России в составе стран ближнего зарубежья. Так, в целях дальнейшего преобразования ближнего зарубежья в зону мира, добрососедства, устойчивого развития и процветания Россия намерена уделять внимание углублению отвечающих интересам России интеграционных процессов и сопряжению потенциалов СНГ и ЕАЭС, а также развитию дополнительных многосторонних форматов, включая механизм взаимодействия между Россией и государствами Центрально-Азиатского региона¹.

Вышеуказанные КВП РФ включают Центральную Азию в общие региональные направления: пространство СНГ, постсоветское пространство, ближнее зарубежье. Несмотря на то что наше «ближнее зарубе-

жье» традиционно рассматривается в качестве главного приоритета внешней политики России, постсоветское пространство как единый регион фактически не существует, разбившись на три субрегиона: восточно-европейский (Белоруссия, Украина, Молдова), южнокавказский (Азербайджан, Армения, Грузия, Абхазия, Южная Осетия) и центральноазиатский (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) [Бобров, 2022: 110].

Постсоветское пространство как региональное направление внешней политики России в КВП объединяет страны Центральной Азии в следующих форматах межгосударственных отношений: Россия и СНГ (страны из числа ЦА: Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан); Россия и ЕАЭС (страны из числа ЦА: Казахстан, Киргизия), Россия и ОДКБ (страны из числа ЦА: Казахстан, Киргизия и Таджикистан); Россия и «Каспийская пятерка» (страны из числа ЦА: Казахстан и Туркменистан). Единственный формат, который объединяет почти все страны ЦА и РФ, это Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), но этот институциональный формат сложно назвать инклюзивным институтом развития только российско-центрально-азиатских отношений.

Российский стратегический подход вписывает страны Центральной Азии в совместные многосторонние политические институциональные форматы, предлагая общую политическую идентичность на базе ЕАЭС, СНГ, ОДКБ. Однако тут просматриваются явные смысловые разрывы для проецирования международной власти в отношениях между РФ и странами Центральной Азии, которые связаны с неоднородностью членства центрально-азиатских государств в представленных выше организациях.

На наш взгляд, российские традиции стратегирования исторически находятся ближе к европейской традиции. РФ открыто публикует свои стратегические и концептуальные документы общего характера по международной проблематике. Однако предыдущие и действующая КВП избегают региональной и страновой детализации по отношению к центрально-азиатскому вектору. Отсутствие как отдельных региональ-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. // Официальный сайт Аппарата Президента Российской Федерации. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcM AycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 19.11.2024).

ных блоков в рамках КВП, так и специальных документов, которые бы формировали общее смысловое пространство для внешней политики России со странами Центральной Азии, на наш взгляд, формирует смысловую неопределенность в межгосударственном взаимодействии между РФ, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном.

Мы видим очень разнообразное и интенсивное взаимодействие между РФ и странами региона. Более того, страны ЦА значительно вплетены в международную политику Москвы, но КВП не дает ответы на ключевые вопросы для сохранения и дальнейшего развития: что первично для РФ, а что вторично в отношениях со странами региона? Какова цель РФ в регионе? Как РФ оценивает и ранжирует значение внешних и внутренних детерминант безопасности и развития в Центральной Азии? В социальных отношениях, если нет согласованности, то все, что не запрещено, то разрешено.

С другой стороны, важно отслеживать и изучать стратегические документы внешнеполитической направленности стран Центральной Азии с точки зрения оценки их международных условий и то, какое место в них занимает российское направление.

В Республике Узбекистан (РУ) стратегические акценты внешнеполитической деятельности определены в Указе Президента РУ от 11 сентября 2023 г. о Стратегии «Узбекистан–2030», который был разработан после принятия Конституции РУ в новой редакции 30 апреля 2023 г.¹ Указанный документ содержит главу, освещающую планируемые реформы, направленные на проведение открытой, прагматичной и активной внешней политики. В указанной Стратегии озвучены приоритетные цели внешней политики Республики: дальнейшее развитие отношений с традиционными партнерами. В открытом доступе Концепции внешней политики Узбекистана нет, поэтому мы можем только косвенно говорить,

¹ Указ Президента Республики Узбекистан о Стратегии «Узбекистан–2030» // Информационно-поисковая система Национальной базы данных законодательства Узбекистана. URL: <https://lex.uz/docs/6600404> (дата обращения: 20.11.2024).

что за формулировкой «традиционные партнеры» подразумевается, в том числе, ориентация на РФ в силу исторической общности, активной дипломатической деятельности и высокому уровню развития экономических отношений между Москвой и Ташкентом.

Стоит отметить, что в настоящее время Узбекистан проводит активную внешнюю политику в отношении РФ и других участников международных отношений [Казимир, 2024: 495].

В ближайшей перспективе ожидается дальнейшее развитие стратегического планирования внешней политики РУ: в конце 2024 г. прошла информация, что Узбекистан планирует обновить концепцию своей внешней политики, сделав ее публичной².

Концепция внешней политики Республики Таджикистан непосредственно учитывает роль и место РФ во внешней политике страны, акцентируя внимание на расширении и укреплении традиционно дружественных отношений и стратегического партнерства. РФ упоминаются в тексте непосредственно 2 раза, Китай и США – 1 раз³. Развитие отношений рассматривается на основе равенства и взаимовыгодного сотрудничества в политической, военной, военно-технической, экономической, торговой, инвестиционной областях, сферах трудовой миграции, культуры, информации, науки и образования и других направлениях и является важным фактором обеспечения регионального мира и стабильности [Наими, Абдурахмонова, 2024; Майтдинова, 2024].

В Концепции внешней политики Республики Казахстан учитываются отношения с РФ и отмечаются приоритетные сферы (области, задачи и др.) развития сотруд-

² Узбекистан примет новую редакцию Концепции внешней политики // Информационный портал. URL: [UzDaily.uz](https://uzdaily.uz) <https://uzdaily.uz/uzbekistan-primet-novuiu-redaktsiiu-kontseptsii-vneshnei-politiki> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Концепция внешней политики Республики Таджикистан // Сайт МИД Таджикистана. URL: https://mfa.tj/ru/main/view/4255/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 21.11.2024).

ничества: в области экономической дипломатии (развитие торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества); в области региональной и многосторонней дипломатии (дальнейшее развитие союзнических отношений с Российской Федерацией). РФ прямо упоминается дважды в тексте, Китай и США – 1 раз¹.

Концепция внешней политики Киргизской Республики не является самостоятельным документом, он, скорее, схематично описывает общую концептуальную рамку внешнеполитических приоритетов государства [Гарбузарова, 2023]. В этом документе российское направление только косвенно можно распознать в общих формулировках «союзники и стратегические партнеры», а также в перечислении многосторонних форматов в следующем порядке: ООН, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СНГ, ОБСЕ, ОИС, СТГ².

Туркменистан, как Узбекистан и Киргизия, очень ограниченно использует такой инструмент во внешней политике, как концепция внешней политики. Ашхабад имеет КВП от 1995 г. под названием «Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства», который нарочито нейтрален без каких-либо региональных и/или внешних приоритетов³. Единственный источник, где дается внешнеполитическое позиционирование, – это аналитическая справка «Внешняя политика» на сайте МИД Туркменистана, где среди многосторонних инициатив упоминаются только диалоги с внерегиональными государ-

ствами в формате «С5 + 1» в следующем порядке: ЕС, РФ, США, КНР, Индия, Япония, Республика Корея⁴.

Дополнительно анализ публичных выступлений президентов стран Центральной Азии по международной проблематике фиксирует приоритетность российского направления во внешней политике государств ЦАР.

В октябре 2023 г. по результатам российско-узбекистанских переговоров в Москве Президент Узбекистана Ш. Мирзиёев озвучил свою позицию об укреплении отношений дружбы, стратегического партнерства и союзничества между государствами⁵.

В январе 2024 г. Президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев в интервью газете «Egemen Qazaqstan» озвучил приоритеты внешнеполитического курса страны. Россия названа ключевым партнером Казахстана, с которым поддерживаются масштабные и интенсивные политические, экономические и гуманитарные взаимодействия. Президент Токаев дал такую характеристику отношений между нашими странами: «Россия – стратегический партнер и союзник»⁶.

В декабре 2024 г. на совместной пресс-конференции Президента Таджикистана и Российской Федерации Э. Рахмон заявил, что Россия является главным стратегическим партнером Таджикистана⁷. Данная позиция практически слово в слово повторила оценку российско-таджикистанских отно-

⁴ Туркменистан. Внешняя политика. URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/3> (дата обращения: 18.11.2024).

⁵ Российско-узбекистанские переговоры // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/82/events/72448> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ Интервью К.-Ж. Токаева газете «Egemen Qazaqstan» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-respubliki-kazahstan-kasym-zhomart-tokaev-kak-progressivnaya-naciya-my-dolzhy-smotret-tolkovpered-302415> (дата обращения: 11.11.2024).

⁷ Э. Рахмон выразил удовлетворение динамикой развития отношений с Россией // Авеста. URL: https://avesta.tj/2024/12/25/emomali-rahmon-vyrazil-udovletvorenije-dinamikoje-razvitiya-otnoshenij-s-rossiej/?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 10.11.2024).

¹ О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 гг. // Сайт Президента Казахстана. URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-konceptcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazahstana-2020-2030-gody (дата обращения: 20.11.2024).

² Концепция внешней политики Кыргызской Республики // Официальный сайт Министерства Юстиции Кыргызстана. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Концепция внешней политики Туркменистана как нейтрального государства (декабрь 1995 г.) // База данных законодательства стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx/show_doc.fwx?rgn=9356 (дата обращения: 10.11.2024).

шений в большом интервью Э. Рахмона 2021 г.¹

Президент Киргизии Садыр Жапаров с момента своего избрания в 2021 г. публично фиксирует стратегический и союзнический характер российско-киргизских отношений. Более того, в ходе своего первого интервью С. Жапаров оценил отношения с Россией даже больше, чем просто союзнические: «...с Россией нас связывает многовековая история... Мы присоединились к Российской империи еще в 1850 г., с этого времени мы вместе с Россией... В течение 70 лет мы жили в одном доме, который назывался СССР...»².

Таким образом, Россия для Центральной Азии – стратегический партнер. Свидетельством этого, прямо или косвенно, выступают доктринальные документы внешнеполитической направленности стран региона, а также высокий уровень взаимодействия на личном уровне между руководством РФ и стран ЦА. Высокая динамика и плотность двусторонних и многосторонних межгосударственных взаимодействий между РФ и странами ЦАР в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах не вызывает сомнения. Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Узбекистан во многом поддерживают международные инициативы России. Особым маркером доверительных отношений можно считать личное участие глав государств региона в Параде Победы в Москве или непосредственное лидеров Центральной Азии в саммите БРИКС в Казани.

Однако масштабность российско-центрально-азиатского межгосударственного взаимодействия требует более системного и инклюзивного внимания. Учитывая изменения политической обстановки на мировой арене, назрела необходимость в стратегическом планировании развития взаимо-

действия РФ со странами региона в рамках отдельного доктринального документа с целью гармонизации этих отношений и выработке более эффективных механизмов взаимодействия. Появление такого доктринального документа создаст необходимое смысловое пространство для дальнейшего выстраивания отношений между РФ и странами региона и будет непосредственным маркером многополярности.

В настоящее время следующие вопросы имеют приоритетное значение для развития сотрудничества РФ со странами Центральной Азии в рамках отдельного стратегического документа:

– целеполагание РФ и стран ЦА в развитии, укреплении потенциала и повышении международной роли межгосударственных объединений СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и других совместных институтов и международных организаций;

– значение внутрирегиональной интеграции для многостороннего и двустороннего взаимодействия в отношениях между РФ и странами региона;

– коллективные угрозы и вызовы региональной безопасности и возможности РФ в предотвращении локальных и региональных кризисов;

– возможности содействия межрегиональной торговле и инвестициям в условиях расширения международной нестабильности;

– совместные подходы к сохранению культурно-исторической памяти не только в контексте памяти о Великой Отечественной войне, результатов Второй Мировой войны и вклада в общую победу советского народа, но и в целом недопущение искажения истории развития отношений между народами Большой Евразии.

Таким образом, анализ эволюции региональных направлений КВП РФ свидетельствует о необходимости рассмотрения Центральной Азии в качестве отдельного направления российской внешней политики на основе специальной Стратегии РФ в регионе с целью повышения уровня транспарентности в отношениях между РФ и странами региона, что повысит уровень прогнозируемости и устойчивости межгосударственных отношений в будущем.

¹ Интервью с Э. Рахмоном, Президентом Республики Таджикистан // Официальный сайт Евразийского юридического журнала. URL: <https://eurasianlaw-journal.ru/2021g/7-158-2021g.html> (дата обращения: 10.11.2024).

² Садыр Жапаров высказался о статусе русского языка в Киргизии // Официальный сайт «Вести 24». URL: <https://www.vesti.ru/article/2509336> (дата обращения: 20.11.2024).

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров А.К.* Концептуальные основы внешней политики России. М.: Аспект-Пресс, 2022. 224 с.
- Борисов Д.А., Карманова Л.А.* Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-Азиатского региона (1990–2024 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 2 (62). С. 97–108.
- Гарбузарова Е.Г.* Кыргызстан и Россия: «привилегированное партнерство»? // Вестник КРСУ. 2023. Т. 23. № 3. С. 133–140.
- Гегелашвили Н.* Роль США и ЕС в Центральной Азии в новых геополитических реалиях // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2. С. 112–126.
- Глейсон Г.* Принципы сравнительной внешней политики // Вестник КазНУ. Серия: Международные отношения и международное право. 2021. № 95 (3). С. 18–25.
- Гончаренко А.Р., Манойло А.В.* Стратегия Китая в Центральной Азии на современном этапе // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2023. № 3 (76). С. 189–200.
- Давыдов А.* О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4. С. 60–77.
- Земсков В.Н.* Стратегия США в Центральной Азии // Вестник МГИМО. 2013. № 2. С. 28–32.
- Казимир Л.А.* Внешнеполитическое развитие Узбекистана: новые ориентиры // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. № 3. С. 491–501.
- Майтдинова Г.М.* Таджикистан во внешнеполитическом процессе России и Китая в условиях становления нового мироустройства // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 7. С. 703–714.
- Наими И.Н., Абдурахмонова Н.Т.* Республика Таджикистан в концептуальных документах стран Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2024. № 7. С. 725–736.
- Притчин С.А.* Турецкая стратегия в отношении Центральной Азии на современном этапе: сильные стороны и ограничители // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 2. С. 52–62.
- Проценко Н.П.* Источники социальной власти, разновидности капитала и типы стратификации: эвристический потенциал многофакторного макроанализа социального конфликта // Социология власти. 2023. № 1. С. 11–20.
- Сироткин М.С., Баженова М.В.* Сравнительный контент-анализ концепций внешней политики РФ: 1993–2023 гг. // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 321–329.
- Юйфэй В.* Политика Китая в Центральной Азии: концептуальный контекст // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 95–110.
- Hall J., Schroeder R.* An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

REFERENCES

- Bobrov A.K.* Kontseptual'nyye osnovy vneshney politiki Rossii. M.: Aspekt-Press, 2022. 224 s. (In Russ.) [*Bobrov A.K.* Conceptual Foundations of Russia's Foreign Policy. M.: Aspect-Press, 2022. 224 p.]
- Borisov D.A., Karmanova L.A.* Periodizatsiya vneshney politiki KNR v otnoshenii Tsentral'no-Aziatskogo regiona (1990–2024 gg.) // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2024. № 2 (62). S. 97–108. (In Russ.) [*Borisov D.A., Karmanova L.A.* Periodization of China's foreign policy towards the Central Asian region (1990–2024) // Oriental Institute Journal. 2024. № 2 (62). P. 97–108.]
- Davydov A.* O strategicheskoy znachimosti Tsentral'noy Azii dlya SSHA // Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii. 2022. № 4. S. 60–77. (In Russ.) [*Davydov A.* On the Strategic Importance of Central Asia for the USA // Russia and the New States of Eurasia. 2022. № 4. P. 60–77.]
- Garbuzarova Ye.G.* Kyrgyzstan i Rossiya: «privilegirovannoye partnerstvo»? // Vestnik KRSU. 2023. T. 23. № 3. S. 133–140. (In Russ.) [*Garbuzarova E.G.* Kyrgyzstan and Russia: «Privileged Partnership»? // Bulletin of KRSU. 2023. № 23 (3). P. 133–140.]
- Gegelashvili N.* Rol' SSHA i YES v Tsentral'noy Azii v novykh geopoliticheskikh realiyakh // Rossiya i novyye gosudarstva Yevrazii. 2023. № 2. S. 112–126. (In Russ.) [*Gegelashvili N.* The Role of the USA and the EU in Central Asia in New Geopolitical Realities // Russia and the New States of Eurasia. 2023. № II. P. 112–126.]
- Gleyson G.* Printsipy sravnitel'noy vneshney politiki // Vestnik KazNU. Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya i mezhdunarodnoye pravo. 2021. № 95 (3). S. 18–25. (In Russ.) [*Gleason G.* Principles of comparative foreign policy // Vestnik KazNU. Series: International relations and international law. 2021. № 95 (3). P. 18–25.]
- Goncharenko A.R., Manoylo A.V.* Strategiya Kitaya v Tsentral'noy Azii na sovremennom etape // Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura. 2023. № 3 (76). S. 189–200. (In Russ.) [*Goncharenko A.R.,*

Manoylo A.V. China's Strategy in Central Asia at the Present Stage // Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2023. № 3 (76). P. 189–200.]

Hall J., Schroeder R. An Anatomy of Power: The Social Theory of Michael Mann. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Kazimir L.A. Vneshnepoliticheskoye razvitiye Uzbekistana: novyye oriyentiry // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2024. № 3. S. 491–501. (In Russ.) [*Kazimir L.A.* Foreign Policy Development of Uzbekistan: New Guidelines // RUDN Bulletin. Series: Political Science. 2024. № 3. P. 491–501.]

Maytdinova G.M. Tadzhikistan vo vneshnepoliticheskom protsesse Rossii i Kitaya v usloviyakh stanovleniya novogo miroustroystva // Postsovetskiye issledovaniya. 2024. T. 7. № 7. S. 703–714. (In Russ.) [*Maitdinova G.M.* Tajikistan in the Foreign Policy Process of Russia and China in the Context of the New World Order Formation // Post-Soviet Studies. 2024. № 7 (7). P. 703–714.]

Naimi I.N., Abdurakhmonova N.T. Respublika Tadzhikistan v kontseptual'nykh dokumentakh stran Tsentral'noy Azii // Postsovetskiye issledovaniya. 2024. № 7. S. 725–736. (In Russ.) [*Naimi I.N., Abdurakhmonova N.T.* The Republic of Tajikistan in the Conceptual Documents of Central Asian Countries // Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. № 7. P. 725–736.]

Pritchkin S.A. Turetskaya strategiya v otnoshenii Tsentral'noy Azii na sovremennom etape: sil'nyye storony i ogranichiteli // Oykumena. Regionovedcheskiye issledovaniya. 2024. № 2. S. 52–62. (In Russ.) [*Pritchkin S.A.* Turkish strategy towards Central Asia at the present stage: strengths and constraints // Oikumena. Regional Studies. 2024. № 2. P. 52–62.]

Protsenko N.P. Istochniki sotsial'noy vlasti, raznovidnosti kapitala i tipy stratifikatsii: evristicheskiy potentsial mnogofaktornogo makroanaliza sotsial'nogo konflikta // Sotsiologiya vlas-ti. 2023. № 1. S. 11–20. (In Russ.) [*Protsenko N.P.* Sources of Social Power, Varieties of Capital, and Types of Stratification: The Heuristic Potential of Multifactorial Macroanalysis of Social Conflict // Sociology of Power. 2023. № 1. P. 11–20.]

Sirotkin M.S., Bazhenova M.V. Sravnitel'nyy kontent-analiz kontseptsiy vneshney politiki RF: 1993–2023 gg. // Vlast'. 2024. T. 32. № 5. S. 321–329. (In Russ.) [*Sirotkin M.S., Bazhenova M.V.* Comparative Content Analysis of the Concepts of the Foreign Policy of the Russian Federation: 1993–2023 // Vlast'. 2024. № 32 (5). P. 321–329.]

Yuyfey V. Politika Kitaya v Tsentral'noy Azii: kontseptual'nyy kontekst // Rossiya i novyye go-sudarstva Yevrazii. 2023. № 4. S. 95–110. (In Russ.) [*Yuyfey V.* China's Policy in Central Asia: Conceptual Context // Russia and the New States of Eurasia. 2023. № 4. P. 95–110.]

Zemskov V.N. Strategiya SSHA v Tsentral'noy Azii // Vestnik MGIMO. 2013. № 2. S. 28–32. (In Russ.) [*Zemskov V.N.* US Strategy in Central Asia // MGIMO Bulletin. 2013. № 2. P. 28–32.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисов Денис Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Российская Федерация).

E-mail: denisborisov@mail.ru

Назаров Мухаммад Давлатович – преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления (Новосибирск, Российская Федерация).

E-mail: nazarov.somi@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Denis A. Borisov – candidate of historical sciences, associate professor of the Department of World Economy, International Relations and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: denisborisov@mail.ru

Mukhammad D. Nazarov – lecturer of the Department of World Economy, International Relations and Law of Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: nazarov.somi@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ И США В 1991–2022 ГГ.

Научная статья

Д.Б. Турусбеков

Дипломатическая академия МИД России
Москва, Российская Федерация
E-mail: daniyar.t@mail.ru

Настоящее исследование посвящено рассмотрению основных приоритетов кыргызско-американских отношений в политической и экономической сферах в 1991–2022 гг. Целью статьи является выявление и анализ ключевых направлений взаимодействия между сторонами, а также факторов, влияющих на развитие кыргызско-американского сотрудничества. В исследовании отмечается, что нормативно-правовая и концептуальная база отношений между Кыргызской Республикой и США была в основном сформирована в течение первого десятилетия после распада Советского Союза, а затем эпизодически дополнялась отдельными межгосударственными и межведомственными соглашениями. Международно-правовой фундамент двустороннего сотрудничества представляется не очень обширным, но все же достаточным для регламентации и развития политического и экономического диалога между сторонами. Подробно анализируются особенности и ключевые этапы становления и последующего расширения кыргызско-американского сотрудничества в политической сфере, выделяются его приоритеты: обеспечение региональной безопасности в Центральной Азии, борьба с международным терроризмом (в том числе в контексте военной операции США в Афганистане в 2001–2021 гг.), укрепление демократии и развитие гражданского общества в Кыргызстане, многостороннее взаимодействие в рамках дипломатической платформы «С5 + 1». Также отмечается значимость гуманитарной, финансовой и технической помощи Кыргызской Республике со стороны США. Отдельно рассматриваются ключевые аспекты экономического сотрудничества между государствами, приводятся данные по взаимному товарообороту и инвестициям. Всесторонне оценивается политическая и экономическая деятельность Агентства США по международному развитию (USAID) на территории Кыргызстана. В заключении делается вывод о значимости развития диалога с США с точки зрения национальных интересов Кыргызской Республики, в том числе в контексте ее стремления придерживаться многовекторного подхода к выстраиванию взаимоотношений с ведущими акторами на международной арене.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, США, политическое сотрудничество, региональная безопасность, борьба с международным терроризмом, экономика, экономическое сотрудничество, торговля, инвестиции, гуманитарная помощь, USAID.

Для цитирования: Турусбеков Д.Б. Основные направления и особенности политических и экономических взаимоотношений Кыргызской Республики и США в 1991–2022 гг. // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 276–287.

MAIN DIRECTIONS AND FEATURES OF POLITICAL AND ECONOMIC RELATIONS BETWEEN KYRGYZ REPUBLIC AND THE USA IN 1991–2022

Research article

D.B. Turusbekov

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
Moscow, Russian Federation
E-mail: daniyar.t@mail.ru

The study is devoted to the consideration of the main priorities of Kyrgyz-American relations in the political and economic spheres in 1991–2022. The purpose of the article is to identify and analyze the key areas of interaction between the parties, as well as the factors influencing the development of Kyrgyz-American cooperation. The study notes that the legal and conceptual framework of relations between the Kyrgyz Republic and the United States was mainly formed during the first decade after the collapse of the Soviet Union, and then occasionally supplemented by individual interstate and interagency agreements. The international legal basis for bilateral cooperation does not seem to be very extensive, but still sufficient to regulate and develop political and economic dialogue between the parties. The article analyzes in detail the features and key stages of the formation and subsequent expansion of Kyrgyz-American cooperation in the political sphere, highlights its priorities: ensuring regional security in Central Asia, combating international terrorism (including in the context of the U.S. military operation in Afghanistan in 2001–2021), strengthening democracy and development of civil society in Kyrgyzstan, multilateral cooperation within the «C5 + 1» diplomatic platform. The importance of humanitarian, financial and technical assistance to the Kyrgyz Republic from the United States is also noted. Key aspects of economic cooperation between the states are considered separately, data on mutual trade turnover and investments are provided. A comprehensive assessment of the political and economic activities of the United States Agency for International Development (USAID) in Kyrgyzstan is also given in the article. The conclusion is made about the importance of developing a dialogue with the United States from the point of view of the national interests of the Kyrgyz Republic, including in the context of its desire to pursue a multi-vector approach to building relationships with the leading actors in the international arena.

Key words: *Kyrgyzstan, U.S., political cooperation, regional security, combating international terrorism, economy, economic cooperation, trade, investment, humanitarian assistance, USAID.*

For citation: *Turusbekov D.B. Main Directions and Features of Political and Economic Relations between Kyrgyz Republic and the USA in 1991–2022 // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 276–287. (In Russ.)*

Введение. Наряду с Россией и Китаем, США являются одним из ключевых международных акторов в Центральной Азии, влияние которого на текущую ситуацию в регионе трудно переоценить. Из региональных государств в постсоветский период наиболее устойчивые и интенсивные отношения у США сформировались с Казахстаном и Узбекистаном, однако значимость кыргызского вектора внешней политики США также быстро растет. Это объясняется целым рядом факторов.

Во-первых, геополитическим положением Кыргызской Республики, являющейся важным транспортным узлом и транзитным коридором в рамках реализации китайской экономической инициативы «Один пояс, один путь» (и, в частности, ее сухопутной составляющей – проекта «Экономический пояс Шелкового пути»). В контексте американской политики стратегического сдер-

живания Китая отношения с Кыргызстаном приобретают первостепенную роль, особенно учитывая тот факт, что Кыргызская Республика является соседом первого порядка для КНР – через ее территорию проходят важные авто- и железнодорожные магистрали, которые затем ветвятся в северном, западном и юго-западном направлениях. Соответственно, поддерживая привилегированные отношения с Кыргызстаном, США в перспективе могут обеспечить наблюдение или даже частичный контроль над транспортными узлами, критически важными для реализации инициативы «Один пояс, один путь», что могло бы стать серьезным конкурентным преимуществом в геополитическом противостоянии с КНР.

Во-вторых, развитие отношений с Кыргызстаном значимо для США и с точки зрения регионального соперничества с Россией. Последовательно наращивая интен-

сивность политического и экономического диалога с Республикой, США получают возможность минимизировать влияние России как на территории Кыргызстана, так и на пространстве всего Центрально-Азиатского региона. В частности, речь может идти о постепенном вытеснении российского (а также китайского) капитала из ключевых отраслей кыргызской экономики, а также об ограничении политического и военного присутствия РФ в регионе [Казанцев, 2012: 160]. На сегодняшний день данная цель выглядит труднодостижимой, однако само по себе стремление США к наращиванию собственного присутствия в Центральной Азии представляется очевидным.

И, наконец, в-третьих, интенсификация кыргызского вектора внешней политики США обусловлена встречным движением со стороны Кыргызстана, заинтересованного в привлечении американских и – шире – западных инвестиций и в диверсификации собственного внешнеполитического курса. Многовекторный подход к выстраиванию взаимоотношений с ведущими региональными и международными акторами (США, КНР, РФ, Индия, ЕС) объективно отвечает национальным интересам и экономическим потребностям Кыргызстана.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ кыргызско-американских отношений во всей совокупности их политических и экономических аспектов.

Хронологические рамки статьи ограничены периодом 1991–2022 гг. – с момента распада Советского Союза и установления дипломатических отношений между Кыргызской Республикой и США и до резкого изменения геополитической ситуации и обострения международной напряженности в 2022 г.

Нормативно-правовая и концептуальная база кыргызско-американских отношений. Дипломатические отношения между Кыргызской Республикой и США были официально установлены 27 декабря 1991 г., а в следующем, 1992 г., были открыты посольства США в Бишкеке, Кыргызстана – в Вашингтоне [Абытов, 2024: 6–7]. Тогда же был подписан первый основополагающий документ, касавшийся политического

и экономического взаимодействия между сторонами – Меморандум о взаимопонимании между Правительствами Кыргызской Республики и США от 26 августа 1992 г. [Наматбекова, 2018: 22].

Спустя 10 лет, в июне 2002 г., он был обновлен и дополнен новым Меморандумом о взаимопонимании между государствами¹. Согласно этому документу, США обязались предоставить Кыргызстану безвозмездную «гуманитарную... помощь, экономическое и техническое содействие»². Кроме того, обе стороны провозгласили желание «сотрудничать в области привлечения инвестиций и содействие экономическому росту»³, а также выступили за «упрощение инвестиционных процедур и увеличение восприимчивости административных органов к потребностям инвесторов»⁴.

Другим ключевым документом, регламентирующим принципы взаимодействия между сторонами, стало Соглашение о сотрудничестве по облегчению оказания содействия США Кыргызстану⁵, подписанное в мае 1993 г. в Вашингтоне. Данный нормативный акт уточнял некоторые положения Меморандума о взаимопонимании 1992 г. [Vokonbaeva, 2024: 390] и касался режима налогообложения американских организаций, занимающихся оказанием экономической, технической и гуманитарной помощи Кыргызстану, а также статуса гражданского и военного персонала США на территории Республики и иных частных вопросов⁶.

Еще одним значимым нормативно-правовым актом, заложившим фундамент экономического взаимодействия Кыргызстана и США, стало подписанное в Вашингтоне

¹ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Соединенных Штатов Америки. Бишкек, 20 июня 2002 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17098/edition/297188/tu> (дата обращения: 26.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Соглашение между Правительством Соединенных Штатов Америки и Правительством Кыргызской Республики относительно сотрудничества по облегчению оказания содействия. Вашингтон, 19 мая 1993 г. URL: https://www.icnl.org/wp-content/uploads/Kyrgyzstan_coglashanne.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

⁶ Там же.

Соглашение о взаимном стимулировании инвестиций от 8 мая 1992 г.¹ В соответствии с этим документом американские компании и организации, осуществляющие инвестиции в кыргызскую экономику, получили существенные фискальные и административные преференции. Кроме того, им был гарантирован режим наибольшего благоприятствования и всемерная поддержка со стороны правительства Республики. Аналогичные обязательства в отношении кыргызских компаний взяли на себя и США.

Спустя 8 месяцев это соглашение было дополнено Договором о поощрении и взаимной защите капиталовложений, подписанным 19 января 1993 г.² Текст Договора фиксировал, что «ни одна из Сторон не будет никоим образом препятствовать путем принятия произвольных и дискриминационных мер управлению, функционированию, содержанию, пользованию, приобретению, расширению или распоряжению капиталовложениями»³.

В ст. 3 гарантировалось, что «капиталовложения не будут экспроприированы или национализированы, прямо или косвенно, путем принятия мер, равнозначных экспроприации или национализации»⁴. Также, согласно ст. 11, еще раз подтверждались взаимные фискальные преференции: «В отношении своей политики в области налогообложения каждая из Сторон будет стремиться предоставить справедливый режим в отношении капиталовложений граждан и компаний другой Стороны»⁵.

На сегодняшний день нормативно-правовая база кыргызско-американских отношений составляет 41 международный и 22 межведомственных договора⁶. Общее

количество соглашений представляется достаточно внушительным, однако проблема заключается в том, что с момента подписания в 2002 г. обновленного Меморандума о взаимопонимании между Сторонами⁷ фундаментальных международно-правовых актов между США и Кыргызстаном заключено не было (не говоря уж о том, что сам по себе Меморандум как дипломатический документ не имеет нормативной и юридической силы). Кроме того, многие положения экономических соглашений первой половины 1990-х гг. явно устарели и не соответствуют современным реалиям. А отдельные статьи Соглашения о взаимном стимулировании инвестиций 1992 г. и Договора о поощрении и взаимной защите капиталовложений 1993 г.⁸ де-факто были денонсированы последующими межведомственными соглашениями.

Политический диалог Кыргызстан–США в 1991–2022 гг. В течение трех десятилетий после распада Советского Союза политические взаимоотношения США и Кыргызстана развивались достаточно неравномерно. Период первоначального становления и формирования нормативно-правовой базы взаимодействия (1991–1993 гг.) продолжился дальнейшим укреплением двустороннего сотрудничества в 1993–2001 гг., достигшего своего пика в 2001–2014 гг., однако впоследствии, в 2014–2022 гг., наблюдалось значительное охлаждение взаимоотношений между сторонами [Наматбекова, 2018: 22–24] (о его причинах см. далее). Тем не менее даже на последнем этапе интенсивность кыргызско-американского политического взаимодействия никогда не опускалась ниже определенного достаточно высокого уровня.

¹ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное информационное агентство Kabar. 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-neprepyvnoi-druzhbystoriiia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

² Договор между Республикой Кыргызстан и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Вашингтон, 19 января 1993 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17175/edition/297260/ru> (дата обращения: 26.02.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное ин-

формационное агентство Kabar. 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-neprepyvnoi-druzhbystoriiia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

⁷ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Соединенных Штатов Америки. Бишкек, 20 июня 2002 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17098/edition/297188/ru> (дата обращения: 26.02.2025).

⁸ Договор между Республикой Кыргызстан и Соединенными Штатами Америки о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Вашингтон, 19 января 1993 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/17175/edition/297260/ru> (дата обращения: 26.02.2025).

Одним из ключевых направлений политического сотрудничества между Кыргызстаном и США является взаимодействие в области обеспечения региональной безопасности. США объективно заинтересованы в сохранении и даже наращивании собственного военно-политического присутствия в Центральной Азии, позволяющего, с одной стороны, сдерживать рост влияния России и Китая, а с другой – эффективно продвигать интересы американской экономики и капитала [Казанцев, 2012: 161].

Важнейшим приоритетом кыргызско-американского сотрудничества в сфере обеспечения региональной безопасности является борьба с международным терроризмом. Особенно интенсивно взаимодействие в этой области развивалось в период 2001–2014 гг. после террористических актов 11 сентября 2001 г. и инициированной в октябре того же года военной операции США против Афганистана [Parpiyev, Mukhametzhan, Zhekenov, 2024: 9].

В свете изменившейся международной ситуации и активизации борьбы с терроризмом Кыргызстан стал комплексным транзитным пунктом для доставки американских военных грузов и снаряжения на театр боевых действий в Афганистане. Ключевым логистическим звеном в цепочке американских военных поставок стала авиабаза на территории международного аэропорта «Манас» неподалеку от Бишкека. Соглашение об ее эксплуатации в качестве опорного пункта возглавляемой США антитеррористической коалиции было подписано в декабре 2001 г.¹

Значимость американской аренды авиабазы «Манас» в 2001–2014 гг. с экономической точки зрения трудно переоценить: ежегодно США выплачивали Кыргызстану более 60 млн долл. в качестве арендной платы, еще столько же перечислялось по гуманитарным каналам, а общий доход аэропорта «Манас» от функционирования авиабазы составил порядка 600 млн долл.²

¹ Авиабаза Манас на территории Киргизии // ТАСС. 14.11.2013. URL: <https://tass.ru/info/751517> (дата обращения: 26.02.2025).

² Там же.

Велика была и косвенная прибыль кыргызской экономики от использования авиабазы в качестве центра американских транзитных перевозок³.

В рамках сотрудничества Кыргызстана и США в сфере борьбы с международным терроризмом осуществлялась совместная подготовка миротворческих сил, обмен разведывательными данными и практическим опытом, военно-техническая экспертиза в области охраны государственных границ и обучение соответствующего гражданского и военного персонала (так, за последние два десятилетия в рамках одной лишь Международной программы США по подготовке военнослужащих обучение прошли более 500 граждан Кыргызстана)⁴. Часть данных мероприятий проводилась под эгидой программы НАТО «Партнерство ради мира»⁵. Интенсивно развивалось и американо-кыргызское сотрудничество в области борьбы с наркотрафиком (в первую очередь, с территории Афганистана)⁶.

Однако по мере того, как операция США и их союзников в Афганистане все более затягивалась, присутствие американского военного контингента на территории авиабазы «Манас» стало вызывать нарастающее недовольство местного населения, а также порождало трения и негативную реакцию со стороны России и Китая [Крыжко, Пашковский, 2021: 68]. В 2006 г. Жогорку Кенеш (парламент) Кыргызстана выступил с инициативой о пересмотре условий эксплуатации авиабазы «Манас», и в феврале 2009 г. соглашение о пребывании американского военного персонала на территории авиабазы было денонсировано⁷.

³ Там же.

⁴ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное информационное агентство Kabar 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-nepreryvnoi-druzhyby-istoriia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

⁵ Там же.

⁶ Трафик афганских опиатов через территорию Кыргызстана. Отчет Национального института стратегических исследований Кыргызской Республики. 2014 г. URL: https://ecuo.org/mvdev/wp-content/uploads/sites/4/2016/09/narcotra_f_report_14.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

⁷ Авиабаза «Манас» на территории Киргизии // ТАСС. 14.11.2013. URL: <https://tass.ru/info/751517> (дата обращения: 26.02.2025).

С этого момента «Манас» стала использоваться исключительно в качестве транзитного пункта для доставки американских военных грузов в Афганистан.

Окончательное закрытие авиабазы «Манас» произошло в 2014 г. Это событие в сочетании с целым рядом иных факторов, таких как обвинения Кыргызстана со стороны США в нарушении прав человека и откате от демократии, вступление Кыргызстана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в 2015 г. и общее укрепление связей с Россией [Musa kuzy, 2023: 110], активное участие Республики в реализации китайской экономической инициативы «Один пояс, один путь» и др., привели к серьезному охлаждению отношений между двумя государствами, продолжающемуся вплоть до настоящего времени.

Однако, несмотря на общий негативный фон и существенное сокращение военно-технической и гуманитарной помощи США в 2014–2022 гг., многие программы сотрудничества продолжили успешно функционировать. Сохранились регулярные контакты и политические консультации между государствами, хотя часть их была перенесена с двустороннего на многосторонний уровень. Более того, в 2015 г. возник новый формат взаимодействия – региональная дипломатическая платформа «С5 + 1», в деятельности которой принимают участие 5 центральноазиатских государств (Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) и США¹. На первой встрече в рамках данного формата, состоявшейся в ноябре 2015 г. в Самарканде (Узбекистан), были определены три приоритетных направления кооперации: обеспечение региональной безопасности, стимулирование торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества и защита окружающей среды [Гарбузарова, 2020: 100; Давыдов, 2022: 72]. Особую значимость для развития кыргызско-американского политического диалога платформа «С5 + 1» приобрела в контексте принятия новой Стратегии США для Центральной Азии на 2019–2025 гг.: продвижение суве-

ренитета и экономического процветания (United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity²). Данная доктрина дополнила список ключевых приоритетов регионального сотрудничества еще тремя направлениями: укреплением государственного суверенитета стран Центральной Азии, взаимодействием в сфере обеспечения безопасности на территории Афганистана (впрочем, этот аспект утратил свою актуальность после вывода воинского контингента США из этой страны в 2021 г.) и кооперацией в области защиты прав человека³.

На сегодняшний день формат «С5 + 1» продолжает развиваться, свидетельством чего является учреждение в 2022 г. постоянного Секретариата платформы⁴.

Важную роль в укреплении кыргызско-американских связей в 1991–2022 гг. играло Агентство США по международному развитию (USAID). Основными приоритетами его политической деятельности на территории Республики были поддержка демократии и развитие институтов гражданского общества (так, советники и наблюдатели от USAID принимали участие в 17 выборах и референдумах в Кыргызстане); реформирование и оптимизация системы муниципальной власти и местного самоуправления; борьба с коррупцией и содействие проведению судебной реформы; модернизация правоохранительной системы и, наконец, поддержка частных и независимых СМИ, освещающих ситуацию в Республике и на международной арене⁵.

Динамика и основные направления экономического сотрудничества США и Кыргызстана. Подобно политическим от-

² United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. URL: <https://tj.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/143/United-States-Strategy-for-Central-Asia-2019-2025-1.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

³ Там же.

⁴ Посольство и консульство США в Казахстане. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/c51> (дата обращения: 26.02.2025).

⁵ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное информационное агентство Kabar. 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-nepreeryvnoi-druzhby-istoriia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

¹ Посольство и консульство США в Казахстане. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/c51> (дата обращения: 26.02.2025).

ношениям, экономическое взаимодействие между Кыргызстаном и США в 1991–2022 гг. также было подвержено значительным колебаниям. Это объяснялось, с одной стороны, флуктуацией уровня и качества политического диалога между странами [Притчин, 2023: 109], а с другой – социально-

экономической и политической нестабильностью как в самой Республике, так и за ее пределами (мировой экономической кризис 2008–2013 гг., война в Афганистане, пандемия COVID-19 и т.д.). Особенно ярко этот тренд заметен при анализе взаимного товарооборота между государствами (табл. 1).

Таблица 1

Динамика товарооборота Кыргызстана и США в 2006–2022 гг.

Товарооборот, млн долл. США	Год, млн долл.				
	2006	2010	2015	2019	2022
Экспорт	6,0	90,3	1,1	2,6	4,8
Импорт	97,5	191,3	122,1	90,1	242,0
Общий объем товарооборота между странами	103,5	281,6	123,2	92,7	246,8

Источник: данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики за 2006–2022 гг.

Так, в 2006 г. общий объем торговли между Кыргызстаном и США составлял всего лишь 103,5 млн долл., причем наблюдался существенный дисбаланс – импорт из США (97,5 млн долл.) более чем в 16 раз превышал экспорт из Кыргызстана (чуть более 6 млн долл.)¹. Впоследствии товарооборот между странами начал быстро расти и по итогам 2010 г. достиг показателей в 281,6 млн долл.² (почти в 3 раза выше уровня 2006 г.). Во многом этот успех был достигнут за счет резкого повышения кыргызского экспорта в США – в 2010 г. он составил 90,3 млн долл.³ Подобные аномальные показатели, резко выбивающиеся из значений других лет, ни разу не наблюдались ни до, ни после 2010 г. вплоть до настоящего времени.

В последующее десятилетие рост объемов взаимной торговли Кыргызстана и США сменился падением, и в 2015 г. товарооборот между странами составил всего 123,2 млн долл.⁴ (примерно в 2,3 раза

меньше аналогичных показателей 2010 г.). Это произошло на фоне рекордного снижения кыргызского экспорта в США, едва превысившего 1 млн долл.⁵ (в 82 раза (!) меньше уровня 2010 г.). Далее спад продолжился, хотя и не столь быстрыми темпами, и по итогам 2019 г. совокупный товарооборот Кыргызской Республики и США снизился до 92,7 млн долл.⁶ Судя по всему, столь заметное снижение объемов взаимной торговли в 2011–2019 гг. стало следствием мирового экономического кризиса 2008–2013 гг., а также резкого охлаждения взаимоотношений между государствами после закрытия авиабазы «Манас» и присоединения Кыргызстана к китайской инициативе «Один пояс, один путь» и Евразийскому экономическому союзу, которое повлекло за собой постепенную переориентацию Республики на приоритетное торговое-экономическое взаимодействие с партнерами по ЕАЭС (в первую очередь, с Россией с Казахстаном) и Китаем.

Впоследствии, несмотря на пандемию COVID-19, товарооборот между Кыргызстаном и США вновь заметно вырос и по

¹ Внешняя торговля Кыргызской Республики. 2006–2010 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/a0ac03b6-7910-487f-b385-a836dc493d95.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Внешняя торговля Кыргызской Республики. 2011–2015 // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/43b7c0ce-f35a-41ea-b40a-ec254bfb57c7.pdf> (дата обращения: 26.02.2025).

⁵ Там же.

⁶ Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики (уточненные данные) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Январь–декабрь 2019 г. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/ea815973-205c-4e91-9ddd-06c200a35524.xlsx> (дата обращения: 26.02.2025).

итогам 2022 г. составил 246,8 млн долл.¹ (увеличение почти в 2,7 раза по сравнению с уровнем 2019 г.), однако так и не достиг рекордных показателей 2010 г.

Как видно из данных табл. 1, отличительной особенностью кыргызско-американского товарооборота является резко отрицательное сальдо торгового баланса Кыргызстана, т.е. многократное преобладание импорта над экспортом. Это объясняется как общей несопоставимостью масштабов экономик двух стран, так и глубокими структурными проблемами в народном хозяйстве Кыргызстана. Основными статьями кыргызского экспорта в США, по итогам 2022 г., стали текстильные изделия, продукты животного происхождения, редкоземельные металлы, табак и продукция машиностроения (газовые турбины)². В свою очередь, главными категориями американского импорта в Кыргызстан были электротехника, химическая продукция и пластмассы, фармацевтические препараты, пищевые продукты и алкоголь, продукция машиностроения, каучук, резина и изделия из черных металлов³.

Важным направлением экономического сотрудничества США и Кыргызстана является инвестиционное взаимодействие. Общий объем прямых иностранных инвестиций США в экономику Республики за три постсоветских десятилетия составил около 3,8 млрд долл., из которых на территории Кыргызстана остались лишь 66 млн⁴. Это кажется довольно небольшой суммой, особенно учитывая, что совокупный объем американских инвестиций в экономику всех стран Центральной Азии за тот же пе-

риод достиг, по самым скромным оценкам, порядка 45–50 млрд долл. (большую часть этих средств получил Казахстан)⁵. Однако необходимо принимать во внимание, что значительные объемы американских капиталовложений направлялись в Кыргызстан по иным каналам: в виде гуманитарной, технической и финансовой помощи; арендной платы за эксплуатацию авиабазы и центра транзитных перевозок «Манас»; безвозмездных грантов на социальные, инфраструктурные, энергетические и гражданские проекты.

Так, только за период 1992–2005 гг. США выделили Кыргызстану в качестве финансовой и материальной помощи более 590 млн долл., став самым крупным внешним грантодателем Республики⁶. Общий объем безвозмездных средств, направленных за последние три десятилетия США Кыргызстану в рамках различных программ содействия международному развитию, превысил 2 млрд долл.⁷

Выше мы уже говорили о значительной роли Агентства по международному развитию (USAID) в укреплении политического диалога США и Кыргызстана. Однако не менее важна и экономическая составляющая деятельности USAID на территории Республики. В 2019–2022 гг. Агентство оказало финансовую помощь более чем 100 кыргызским малым и средним компаниям, что позволило создать свыше 8 тыс. новых рабочих мест⁸. Особенно активно USAID взаимодействует с предприятиями аграрного сектора Кыргызстана. Результат – открытие более чем 30 тыс. вакансий в сельскохозяйственном производстве. Велик вклад Агентства и в развитие туристического сектора Республики, причем речь идет не только о материальной, но и о PR-поддержке: благодаря сотрудничеству с USAID многие зарубежные СМИ (например, CNN

¹ Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики в 2022 г. (уточненные итоги) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/media/publicationarchive/2029270f-5c67-4245-a432-dde9865c2352.xlsx> (дата обращения: 26.02.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ За 30 лет инвестиции США в Центральную Азию составили около 44–51 млрд долл. // ИА «24.kg» 24.10.2024. URL: https://24.kg/ekonomika/309243_zh30let_investitsii_ssha_vtsentralnuyu_aziyu_sostavili_okolo_44-51_milliarda (дата обращения: 26.02.2025).

⁵ Там же.

⁶ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное информационное агентство Kabar 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-nepriyryvnoi-druzhby-istoriia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

⁷ Там же.

⁸ Там же.

и Bloomberg) включили Кыргызстан в список государств, которые обязательно надо посетить. И, конечно, нельзя не упомянуть финансовую и техническую помощь USAID и иных гуманитарных фондов США, направленную на преодоление тяжелых последствий пандемии COVID-19 в Кыргызстане¹.

Агентство USAID также выступило инициатором создания ежегодного Центрально-азиатского торгового форума в 2011 г. Целью этой площадки является интенсификация торгово-экономического, инвестиционного, финансового, социального и культурно-гуманитарного сотрудничества между государствами региона, а также укрепление их связей с внерегиональными акторами, в первую очередь, с США. Тематика Форума меняется каждый год и выбирается, исходя из актуальных запросов участников и текущих экономических реалий. Так, в 2020 г. Форум был посвящен влиянию COVID-19 на ситуацию в регионе², в 2021 г. – восстановлению после пандемии посредством расширения экономического сотрудничества³, в 2022 г. – цифровизации таможенных услуг как драйверу экономического роста⁴.

Заключение. Кыргызстан точно так же, как и иные государства Центральной Азии, стремится проводить сбалансированный внешнеполитический курс, в основе которого лежит концепция многовекторности. Традиционное стратегическое партнерство с Россией сочетается с динамич-

ным развитием отношений с иными региональными и внерегиональными акторами – Китаем, Турцией, Индией, ЕС, Японией, Южной Кореей. В контексте этого подхода выстраивание конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия с США представляется в полной мере отвечающим национальным интересам Кыргызстана как в политической, так и в экономической плоскости.

Анализ целей, задач, императивов и конкретного содержания кыргызско-американских отношений в 1991–2022 гг. позволяет сделать вывод, что, несмотря на все трудности и препятствия, связи между двумя государствами постепенно крепнут и расширяются. Разумеется, сотрудничество между столь непохожими и неравноценными по международному весу и размеру экономик странами не может развиваться безоблачно: периоды очевидного взаимного интереса и интенсификации взаимодействия чередуются с дипломатическими конфликтами и охлаждением отношений, этапы поступательного наращивания инвестиций и товарооборота – экономической стагнацией и разрывом уже имеющихся связей.

Тем не менее за три постсоветских десятилетия в кыргызско-американских отношениях был достигнут немалый прогресс: сформирована хрупкая, по-прежнему недостаточно устойчивая и обширная, но все же функционирующая нормативно-правовая база двустороннего и многостороннего взаимодействия; заложен фундамент политического диалога, сотрудничества в области обеспечения региональной безопасности и борьбы с международным терроризмом; определены приоритеты экономической кооперации и налажен регулярный обмен мнениями (пускай и зачастую несовпадающими) по самому широкому кругу вопросов.

Разумеется, с точки зрения внешнеполитической стратегии США, отношения с Кыргызстаном занимают далеко не первое место. Однако и недооценивать их значимость также не стоит. Кыргызстан важен для США как в контексте геополитического соперничества с Россией и Китаем, так и с позиции продвижения собственных экономических интересов в Центральной Азии.

¹ 30 лет непрерывной дружбы. История отношений КР и США // Кыргызское национальное информационное агентство Kabar 25.12.2021. URL: <https://ru.archive.kabar.kg/news/30-let-nepreryvnoi-druzhyb-istoriia-otnoshenii-kr-i-ssha> (дата обращения: 26.02.2025).

² 10-й Центрально-азиатский торговый форум «Центральная Азия – развитие и процветание». 16–20 ноября 2020 г. URL: <https://2020.catradeforum.org/ru> (дата обращения: 26.02.2025).

³ При содействии USAID открылся 11-й Центрально-азиатский торговый форум // Посольство США в Узбекистане. URL: <https://uz.usembassy.gov/ru/usaid-11th-annual-central-asia-trade-forum-begins-today-ru> (дата обращения: 26.02.2025).

⁴ USAID проводит 12-й ежегодный Центрально-азиатский торговый форум в Казахстане // Посольство и консульство США в Казахстане. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/usaid-hosts-the-12th-annual-central-asia-trade-forum-in-kazakhstan> (дата обращения: 26.02.2025).

В частности, создание платформы «С5 + 1» – это не что иное, как попытка институционализации американского влияния в регионе, придания ему конкретной материальной формы и дипломатической оболочки; это утверждение нового формата, в перспективе призванного составить конкуренцию уже действующим в Центральной Азии инициативам и интеграционным объединениям – как политическим (ШОС, ОДКБ), так и экономическим (ЕАЭС, «Один пояс, один путь»).

В свою очередь, для Кыргызстана балансирование между центрами силы – «великими державами» – может быть одновременно и рискованным, и крайне выгодным – все зависит от дипломатического искусства и чувства меры. Чрезмерное сближение с каждым из ведущих акторов мировой политики – будь то Россия, США или КНР – чревато попаданием в его сферу влияния или, мягче говоря, «зону гравитации», выбраться из которой впоследствии будет непросто. А это – прямая угроза суверенитету и независимости Кыргызстана.

С другой стороны, грамотное лавирование между гигантами, сохранение равноудаленности от всех «великих держав» открывает перед Республикой широкие перспективы – она могла бы стать своеобразным мостом между конкурирующими акторами, точкой соприкосновения их интересов, посредником в разрешении региональных (а в перспективе – и глобальных) противоречий. Кроме того, роль медиатора и одновременно транзитно-буферного государства сулит немалые экономические выгоды как благодаря выстраиванию долгосрочных, стабильных и не подверженных чрезмерным флуктуациям отношений с каждой из «великих держав», так и путем диверсификации собственного экономического курса и укрепления торговых, хозяйственных и инвестиционных связей одновременно со всеми этими государствами. Именно поэтому отношения с США представляют для Кыргызстана исключительную ценность не только сами по себе, но и в контексте расширяющегося сотрудничества с Россией и Китаем.

ЛИТЕРАТУРА

- Абытов Б.К.* Кыргызская Республика и США: начало, этапы дипломатических отношений, сферы сотрудничества // Вопросы востоковедения. 2024. № 1. С. 1–15. DOI: https://doi.org/10.52754/16948653_2024_1_1.
- Гарбузарова Е.Г.* Приоритеты внешней политики Д. Трампа в Центральной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 97–103. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/455/14>.
- Давыдов А.* О стратегической значимости Центральной Азии для США // Россия и новые государства Евразии. 2022. № IV (LVII). С. 60–77. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>.
- Казанцев А.А.* Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 155–164. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-155-164>.
- Крыжко Е.В., Пашковский П.И.* Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (1). С. 65–81. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>.
- Наматбекова Н.М.* Кыргызско-американские политические отношения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 1. С. 22–25.
- Пономарев В.А.* Об основных направлениях политики США в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7 (4). С. 445–459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>.
- Притчин С.* Многовекторность как основная модель внешней политики стран Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 104–115. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115>.
- Рыжов И., Бородина М.* Основные приоритеты внешней политики Кыргызстана // Россия и новые государства Евразии. 2019. № III (XLIV). С. 142–157. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-142-157>.

Atif M., Kashif M., Jahangir M., Saqib M. Impact of Shanghai Cooperation Organization on the US Interests in Central Asia // *Perennial Journal of History*. 2022. Vol. III. № II. P. 298–318. DOI: <https://doi.org/10.52700/pjh.v3i2.124>.

Barkmann U. Central Asia as a Continental Bridge or Thucydides Trap? // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2024. Vol. 25. P. 9–45. DOI: <https://doi.org/10.5564/mjia.v25i1.3614>.

Bokonbaeva J. The History of the First Official Visit of the Kyrgyz Delegation to the USA and the Further Development of the Foreign Policy of the Young Republic // *Alatoo Academic Studies*. 2024. Vol. 24. P. 388–396. DOI: <https://doi.org/10.17015/aas.2024.242.31>.

Makhammaduly S., Raev D. Geopolitical and Economic Interests of the USA and PRC in Central Asia // *Central Asia's Affairs*. 2022. Vol. 86. P. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.52536/2788-5909.2022-2.05>.

Musa kzy A. Implementation of Russian «Soft power» Foreign Policy Strategy in Kyrgyzstan // *Governance and Politics*. 2023. Vol. 1 (3). P. 101–115. DOI: <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2022-1-3-101-115>.

Parpiyev S., Mukhametzhana A., Zhekenov D. Analyzing the Foreign Policy of a Small State in the Context of Realism: The Case of Kyrgyzstan // *International Relations and International Law Journal*. 2024. Vol. 107. P. 4–29. DOI: <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v107.i3-01>.

Starkin S., Ryzhov I. The Strategic «Reversal» of the USA in Asia: Evolution of the Approaches // *World Economy and International Relations*. 2014. № 10. P. 49–56. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-10-49-56>.

REFERENCES

Abytov B.K. Kyrgyzskaya Respublika i SSHA: nachalo, etapy diplomaticheskikh otnoshenij, sfery so-trudnichestva // *Voprosy vostokovedeniya*. 2024. № 1. S. 1–15. (In Russ.) [*Abitov B.K.* The Kyrgyz Republic and the United States: the beginning, stages of diplomatic relations, areas of cooperation // *Questions of Oriental Studies*. 2024. № 1. P. 1–15.] DOI: https://doi.org/10.52754/16948653_2024_1_1.

Atif M., Kashif M., Jahangir M., Saqib M. Impact of Shanghai Cooperation Organization on the US Interests in Central Asia // *Perennial Journal of History*. 2022. Vol. III. № II. P. 298–318. DOI: <https://doi.org/10.52700/pjh.v3i2.124>.

Barkmann U. Central Asia as a Continental Bridge or Thucydides Trap? // *Mongolian Journal of International Affairs*. 2024. Vol. 25. P. 9–45. DOI: <https://doi.org/10.5564/mjia.v25i1.3614>.

Bokonbaeva J. The History of the First Official Visit of the Kyrgyz Delegation to the USA and the Further Development of the Foreign Policy of the Young Republic // *Alatoo Academic Studies*. 2024. Vol. 24. P. 388–396. DOI: <https://doi.org/10.17015/aas.2024.242.31>.

Davydov A. O strategicheskoy znachimosti Central'noj Azii dlya SSHA // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2022. № IV (LVII). S. 60–77. (In Russ.) [*Davydov A.* On the strategic importance of Central Asia for the United States // *Russia and the new states of Eurasia*. 2022. № IV (LVII). P. 60–77.] DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-60-77>.

Garbuzarova E.G. Priorityty vneshnej politiki D. Trampa v Central'noj Azii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020. № 455. S. 97–103. (In Russ.) [*Garbuzarova E.G.* Priorities of D. Trump's foreign policy in Central Asia // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. № 455. P. 97–103.] DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/455/14>.

Kazancev A.A. Politika SSHA v postsovetsoj Central'noj Azii: harakter i perspektivy // *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2012. № 4 (25). S. 155–164. (In Russ.) [*Kazantsev A.A.* US Policy in Post-Soviet Central Asia: Character and Prospects // *Bulletin of MGIMO-University*. 2012. № 4 (25). P. 155–164.] DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-155-164>.

Kryzhko E.V., Pashkovskij P.I. Osobennosti vneshnepoliticheskogo kursa SSHA v otnoshenii gosudarstv Central'noj Azii // *Problemy postsovetского prostranstva*. 2021. № 8 (1). S. 65–81. (In Russ.) [*Kryzhko E.V., Pashkovsky P.I.* Features of the US Foreign Policy towards the States of Central Asia // *Problems of the Post-Soviet Space*. 2021. № 8 (1). P. 65–81.] DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-1-65-81>.

Makhammaduly S., Raev D. Geopolitical and Economic Interests of the USA and PRC in Central Asia // *Central Asia's Affairs*. 2022. Vol. 86. P. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.52536/2788-5909.2022-2.05>.

Musakzy A. Implementation of Russian «Soft power» Foreign Policy Strategy in Kyrgyzstan // *Governance and Politics*. 2023. Vol. 1 (3). P. 101–115. DOI: <https://doi.org/10.24833/2782-7062-2022-1-3-101-115>.

Namatbekova N.M. Kyrgyzsko-amerikanskije politicheskie otnosheniya // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2018. № 1. S. 22–25. (In Russ.) [*Namatbekova N.M.* Kyrgyz-American political relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. № 1. P. 22–25.].

Parpiyev S., Mukhametzhana A., Zhekenov D. Analyzing the Foreign Policy of a Small State in the Context of Realism: The Case of Kyrgyzstan // International Relations and International Law Journal. 2024. Vol. 107. P. 4–29. DOI: <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2024.v107.i3-01>.

Ponomarev V.A. Ob osnovnyh napravleniyah politiki SSHA v Central'noj Azii // Problemy postsovet-skogo prostranstva. 2020. № 7 (4). S. 445–459. (In Russ.) [*Ponomarev V.A.* On the main directions of US policy in Central Asia // Problems of the post-Soviet space. 2020. № 7 (4). P. 445–459.]. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>.

Pritchins S. Mnogovektornost' kak osnovnaya model' vneshnej politiki stran Central'noj Azii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. № 12. S. 104–115. (In Russ.) [*Pritchins S.* Multi-vectorism as the main model of foreign policy of the Central Asian countries // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. № 12. P. 104–115.]. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-12-104-115>.

Ryzhov I., Borodina M. Osnovnye priority vneshnej politiki Kyrgyzstana // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2019. № III (HLIV). S. 142–157. (In Russ.) [*Ryzhov I., Borodina M.* The Main Priorities of Kyrgyzstan's Foreign Policy // Russia and the New States of Eurasia. 2019. № III (XLIV). P. 142–157.]. DOI: <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2019-3-142-157>.

Starkin S., Ryzhov I. The Strategic «Reversal» of the USA in Asia: Evolution of the Approaches // World Economy and International Relations. 2014. № 10. P. 49–56. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2014-10-49-56>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Турусбеков Данияр Бактыбекович, аспирант
Дипломатической академии МИД России (Москва,
Российская Федерация).
E-mail: daniyar.t@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniyar B. Turusbekov, postgraduate student of
The Diplomatic Academy of the Russian Foreign
Ministry (Moscow, Russian Federation).
E-mail: daniyar.t@mail.ru

ТАДЖИКИСТАН НА ПУТИ ЗЕЛЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ: ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Научная статья

М.М. Курбонов

*Научно-исследовательский институт устойчивого развития и зеленой экономики
при Международном университете туризма и предпринимательства Таджикистана
Душанбе, Республика Таджикистан
E-mail: mustafam30@mail.ru*

Статья посвящена роли Таджикистана в сфере зеленой дипломатии и его внешнеполитическим стратегиям в контексте устойчивого развития и охраны окружающей среды. В условиях глобальных экологических вызовов, таких как изменение климата, загрязнение воздуха и воды, Таджикистан активно развивает концепцию зеленой дипломатии, направленную на решение экологических проблем и продвижение устойчивого развития. Особое внимание уделяется вопросам управления водными ресурсами, развитию возобновляемых источников энергии и сотрудничеству с международными партнерами. Рассматриваются стратегические направления внешней политики Таджикистана в области экологии, включая участие в международных экологических инициативах, таких как Парижское соглашение по климату и укрепление двустороннего и многостороннего сотрудничества с соседними странами и международными организациями. Основной акцент делается на важности водных ресурсов для Центральной Азии, а также на значении зеленой дипломатии как инструмента обеспечения экологической безопасности региона и устойчивого развития. Кроме того, подчеркивается, что Таджикистан, обладая значительными запасами пресной воды, имеет уникальную возможность стать лидером в области устойчивого управления водными ресурсами, что особенно актуально в условиях растущего спроса на воду из-за изменения климата и увеличения населения. Анализируя влияние зеленой дипломатии Таджикистана на его международные отношения и внешнюю политику, авторы исследуют примеры успешного сотрудничества с другими государствами в области охраны окружающей среды, а также участие в региональных форумах и конференциях, направленных на решение экологических проблем. В статье также рассматриваются вызовы, с которыми сталкивается Таджикистан на пути к реализации своей зеленой дипломатии, включая внутренние экономические и социальные факторы, отсутствие современных технологий и недостаток финансирования. В заключение подчеркивается, что успешная реализация стратегии зеленой дипломатии не только способствует улучшению экологической ситуации в стране, но и открывает новые возможности для экономического роста и укрепления позиций Таджикистана на международной арене, что, в свою очередь, может привести к более устойчивому и безопасному будущему для всего региона.

Ключевые слова: Таджикистан, зеленая дипломатия, устойчивое развитие, изменение климата, охрана окружающей среды, водные ресурсы, международное сотрудничество, возобновляемая энергия, экология, международные инициативы.

Для цитирования: Курбонов М.М. Таджикистан на пути зеленой дипломатии: внешнеполитические стратегии и международное сотрудничество // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 288–296.

TAJIKISTAN ON THE PATH OF GREEN DIPLOMACY: FOREIGN POLICY STRATEGIES AND INTERNATIONAL COOPERATION

Research article

M.M. Qurbonov

*State Institution «Research Institute for Sustainable Development and Green Economy»
at the International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan
Dushanbe, Republic of Tajikistan
E-mail: mustafam30@mail.ru*

The article is devoted to the role of Tajikistan in the field of green diplomacy and its foreign policy strategies in the context of sustainable development and environmental protection. In the context of global environmental challenges such as climate change, air and water pollution, Tajikistan is actively developing the concept of green diplomacy aimed at solving environmental problems and promoting sustainable development. Particular attention is paid to water resources management, development of renewable energy sources and cooperation with international partners. The article examines the strategic directions of Tajikistan's foreign policy in the field of ecology, including participation in international environmental initiatives such as the Paris Climate Agreement and strengthening bilateral and multilateral cooperation with neighboring countries and international organizations. The main emphasis is placed on the importance of water resources for Central Asia, as well as the significance of green diplomacy as a tool for ensuring environmental security in the region and sustainable development. In addition, the article emphasizes that Tajikistan, with significant reserves of fresh water, has a unique opportunity to become a leader in the field of sustainable water resources management, which is especially important in the context of growing demand for water due to climate change and population growth. In analyzing the impact of Tajikistan's green diplomacy on its international relations and foreign policy, the authors also examine examples of successful cooperation with other states in the field of environmental protection, as well as participation in regional forums and conferences aimed at addressing environmental issues. The article also examines the challenges that Tajikistan faces in implementing its green diplomacy, including internal economic and social factors, lack of modern technologies and insufficient funding. In conclusion, it is emphasized that the successful implementation of the green diplomacy strategy not only contributes to improving the environmental situation in the country, but also opens up new opportunities for economic growth and strengthening Tajikistan's position in the international arena, which in turn can lead to a more sustainable and secure future for the entire region.

Key words: *Tajikistan, green diplomacy, sustainable development, climate change, environmental protection, water resources, international cooperation, renewable energy, ecology, international initiatives.*

For citation: *Qurbonov M.M. Tajikistan on the path of green diplomacy: foreign policy strategies and international cooperation // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 288–296. (In Russ.)*

Введение. В современном мире почти все страны вовлечены в глобализационные процессы, являющиеся объективным явлением в современном мире. Начав с экономических отношений, глобализационные процессы охватили все сферы жизни, включая экологическую дипломатию [Хижняк, 2020], и с каждым годом этот процесс уси-

ливается. Экологическая дипломатия и зеленая дипломатия очень похожие друг на друга явления.

Т.В. Колпакова считает, что экологическая дипломатия – это различного рода деятельность, осуществляемая субъектами международных отношений посредством переговоров и других мирных способов для

регулирования международных отношений по охране окружающей среды [Колпакова, 2010: 68–73]. С каждым годом на мировой арене роль экологической дипломатии расширяется. Экологическая дипломатия становится важным инструментом в достижении устойчивого развития и укрепления международного сотрудничества [Constantinou, Christodoulou, 2024].

Давайте определим, что же такое зеленая дипломатия. По словам Н. Боголюбовой и Ю. Николаевой, зеленая дипломатия – «деятельность государств по осуществлению своих внешних связей, связанных с проблематикой экологии, окружающей среды и устойчивого развития и природоохранной деятельностью [Боголюбова, Николаева, 2014: 189–198]. А.В. Малько и А.В. Соловьев так характеризуют зеленую дипломатию: «зеленая дипломатия представляет собой совокупность международно-правовых средств и механизмов, направленных на обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития в условиях глобализации» [Малько, Соловьев, 2020: 164–170]. Зеленая дипломатия – относительно новый тренд и новое направление для активного сотрудничества между странами для реализации своих национальных интересов. Мировое сообщество в лице супердержав старается по-своему трактовать и следовать зеленой дипломатии. В США, например, сторонниками зеленой дипломатии выступает демократическая партия. Но с приходом к власти Дональда Трампа, республиканца, большинство «зеленых инициатив» было отменено. Дональд Трамп называет глобальное потепление фикцией и не верит в это¹. Отмечая важность зеленой дипломатии, Д. Савельев утверждает: «наиболее актуальные направления в зеленой дипломатии – сохранение природных водных источников, контроль качества воздуха, охрана биоразнообразия и среды обитания животных, переработка мусора и изучение альтернативных источников энергии» [Савельев, 2021: 1–2]. Тад-

жикистан, расположенный в Центральной Азии, активно развивает концепцию зеленой дипломатии с момента обретения независимости в 1991 г., уделяя особое внимание решению экологических проблем, снижению воздействия изменения климата и защите природных ресурсов. За последние десятилетия страна достигла значительного прогресса в продвижении зеленой дипломатии как ключевой части своей внешней политики.

Для того чтобы вникнуть в суть зеленой дипломатии, следует обратиться к мнению ученых, занимающихся исследованиями в области экологической и зеленой дипломатии.

По мнению А.А. Алимова и А.И. Шестакова, само возникновение зеленой дипломатии связано с необходимостью предотвратить глобальную экологическую катастрофу, что требует широкомасштабных мероприятий на общесистемном уровне [Алимов, Шестаков, 2017: 97–101]. А, например, Т.В. Колпакова предлагает понимать под ней «деятельность, осуществляемую субъектами международных отношений посредством переговоров и других мирных способов для регулирования международных отношений по охране окружающей среды» [Колпакова, 2010: 68–73]. По мнению Р.А. Исмаилова, зеленая дипломатия – «мягкая сила» при использовании экологических проблем².

В действительности в современном мире больше всего эффективности для реализации своих национальных интересов играет мягкая сила. Республика Таджикистан как миролюбивая страна для достижения своих национальных интересов привержена к мягкой силе. Зеленая дипломатия представляет собой согласованные усилия государств по поиску эффективных решений экологических проблем, являясь неотъемлемой частью глобального управления [Boisson de Chazournes, 1994: 45]. Таким образом, на фоне глобальных проблем, таких как изменение климата, загрязнение

¹ «Они уродливые, дорогие и вредные». Трамп подписал целую стопку скандальных указов. Как его решения отразятся на планете? URL: <https://lenta.ru/articles/2025/01/26/buri-detka-buri> (дата обращения: 27.01.2015).

² Восканян Е. Рашид Исмаилов: «Россия недостаточно использует мягкую силу зеленой дипломатии // Эковестник. 28.05.2019. URL: <http://ekovestnik.ru/article/377701> (дата обращения: 15.05.2020).

воздуха и воды, а также утрата биоразнообразия, зеленая дипломатия стала важнейшим компонентом стратегии внешних отношений Таджикистана.

Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон направляет все свои усилия для скорейшего перехода экономики страны к зеленой экономики. Как отмечают А. Ориф и Н. Курбон, «Республика Таджикистан с первых дней своей независимости под мудрой политикой лидера нации постоянно прилагает усилия в решении глобальных проблем, в том числе по вопросам тенденции изменения климата, рационального и эффективного использования водных ресурсов» [Ориф, Курбон, 2022: 79]. В стране была принята зеленая стратегия 2023–2037 гг.¹

Одним из основных направлений внешней политики Таджикистана является его внимание к природным ресурсам, которые, в свою очередь, играют значимую роль для развития экономики страны. Республика Таджикистан имеет важные водные ресурсы (река Амударья, а особенно река Сырдарья, которые являются основными источниками водоснабжения для стран Центральной Азии). С учетом горных территорий и с гидроэнергетической возможностью Республика стремится развивать данную отрасль, тем самым укрепляя сотрудничество с соседями, особенно с Узбекистаном. Сохранение и управление водными ресурсами может играть жизненно важную роль в общей стабильности Центральной Азии. Вопросы, касающиеся водных ресурсов, могут также вызывать некоторые трения и конфликты в регионе и требуют осторожной и осмотрительной дипломатической стратегии. Таджикистан пытается укрепить сотрудничество с соседними странами в поиске надлежащих решений водного спора и повышении устойчивости к изменению климата.

¹ Стратегия развития зеленой экономики на 2023–2037 гг. На заседании Общественного Совета Республики Таджикистан рассмотрена ее реализация. URL <https://khover.tj/rus/2023/11/strategiya-razvitiya-zelyonoy-ekonomiki-na-2023-2037-gody-na-zasedanii-obshhestvennogo-soveta-respubliki-tadzhikistan-rassmotrena-eyo-realizatsiya> (дата обращения: 28.11. 2023).

Зеленая дипломатия как инструмент развития сотрудничества и повышения имиджа страны на глобальном уровне. Для решения вопросов экологии все страны мира должны направить свои усилия на укрепление международных связей. Устойчивые международные отношения требуют, чтобы зеленая дипломатия стала центральной в переговорах по глобальным экологическим соглашениям [Maxwell, 2016: 56]. Таджикистан активно участвует в международных форумах, например, в Конференции ООН по изменению климата (COP) и Всемирном водном форуме. Это не только обеспечивает стране возможность заявлять о своих приоритетах экологической направленности, но и дает возможность найти партнеров для реализации совместных проектов. Интеграция экологических проблем в дипломатическую практику знаменует собой существенный сдвиг в международных отношениях, прокладывая путь к тому, что называется зеленой дипломатией [Chasek, Downie, 2010: 102]. В действительности в условиях угрозы изменения климата и последовательного уничтожения биоразнообразия человечеству необходимо сотрудничать между собой. В сфере международных отношений зеленая дипломатия стала ключевой стратегией, связывающей экологическую устойчивость с интересами национальной безопасности [Litfin, 1998: 78]. Государственное управление Таджикистана поддерживает программу «Зеленого роста», которая организует внедрение экологически чистых технологий, развитие зеленой экономики и повышение осведомленности населения о вопросах устойчивого развития. Зеленая дипломатия Таджикистана также осуществляется в виде регионального сотрудничества. Для глубокого сотрудничества с Центрально-Азиатским регионом страна активно взаимодействует со своими ближайшими соседями, разрабатывая совместные проекты по охране окружающей среды и разумной эксплуатации природных ресурсов. Важной составляющей подобной дипломатии является продвижение инициативы по организации международного центра водных ресурсов в Таджикистане, который будет площадкой для обмена знаниями и урегулирования трансграничных экологических проблем.

Для Таджикистана как молодого государства необходимо, чтобы на мировой арене страну знали как стремящуюся улучшить мир и предложить что-то новое на глобальном уровне. Зеленая дипломатия направлена не только на сохранение окружающей среды, но и на изменение международной расстановки сил в эпоху изменения климата [Murphy, 2012: 89]. Ввиду того, что страна обладает огромными ледниками, правительство предложило несколько инициатив по сохранению и разумному использованию воды как основному источнику жизни. Для этого, начиная с 2000-х гг., страна предложила несколько инициатив на мировом уровне. В сентябре 2000 г. на Саммите тысячелетия Организации Объединенных Наций мировые лидеры обещали уменьшить в 2 раза количество населения, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде, до 2015 г.; кроме того, на Йоханнесбургском Всемирном саммите по устойчивому развитию 2002 г. было поставлено задание уменьшить в 2 раза количество населения, не имеющего доступа к надлежащей санитарии, до 2015 г. Данная инициатива направлена на решение проблемы нехватки питьевой воды в мировом масштабе. В 2003 г. в Резолюции ООН было принято решение объявить этот год Международным годом пресной воды. Цель Международного года пресной воды заключается в мобилизации мирового сообщества для достижения устойчивого управления водными ресурсами, повышении осведомленности об этой важной проблеме, а также в разработке эффективных подходов и стратегий ее решения. В рамках этой инициативы Организация Объединенных Наций организовала ряд мероприятий, среди которых ключевая роль отводилась Международному форуму по вопросам пресной воды, проведенному с 29 августа по 1 сентября 2003 г. в г. Душанбе.

В 2003 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 58/217, провозгласив период с 2005 по 2015 г. Международным десятилетием под названием «Вода для жизни». Эта инициатива была направлена на координацию глобальных усилий по

реализации договоренностей, связанных с сохранением водных ресурсов и решением сопутствующих проблем, установленных на международном уровне.

Ключевой задачей проекта стало достижение к 2015 г. целей, закрепленных в Декларации тысячелетия ООН. Среди них – сокращение на 50% количества людей, лишенных доступа к чистой питьевой воде и базовым санитарно-гигиеническим услугам. Помимо этого, в рамках Десятилетия акцент делался на создании стратегий комплексного управления водными ресурсами, а также на внедрении технологий рационального водопользования. Особое внимание уделялось поддержке развивающихся государств, для которых разрабатывались специализированные программы и механизмы международной помощи.

В 2010 г. Генеральная Ассамблея ООН на своей 65-й сессии приняла Резолюцию 65/154, согласно которой 2013 г. был провозглашен Международным годом водного сотрудничества. Эта инициатива, выдвинутая Республикой Таджикистан и единогласно поддержанная мировым сообществом, подчеркнула важность совместных усилий в решении глобальных водных проблем.

Учитывая растущие вызовы, связанные с дефицитом водных ресурсов, ООН признала сотрудничество между странами и регионами ключевым инструментом для преодоления этих трудностей. Водное партнерство рассматривалось как основа для укрепления международной безопасности, борьбы с бедностью, продвижения социальной справедливости и обеспечения гендерного равенства. Кроме того, совместные действия в этой сфере были признаны экономически эффективными и необходимыми для устойчивого управления водными ресурсами и защиты окружающей среды.

Провозглашение 2013 г. Международным годом водного сотрудничества стало важным шагом для привлечения внимания мировой общественности к водным проблемам. Это событие способствовало активизации глобальных усилий по налаживанию диалога между странами, обмену опы-

том и разработке стратегий, направленных на улучшение управления водными ресурсами и укрепление международного сотрудничества в этой области. Также по инициативе Таджикистана Организация Объединенных Наций провозгласила 2025 г. Международным годом сохранения ледников¹. В рамках этой инициативы в 2025 г. на территории Таджикистана запланировано проведение международной конференции, посвященной данной проблематике. Для Республики вопрос сохранения ледников имеет особую актуальность, так как их стремительное таяние напрямую угрожает экологической и экономической стабильности региона.

Согласно данным, озвученным Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном в ходе его выступления на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2024 г., из 14 тыс. ледников страны, которые служат основным источником пресной воды для Центральной Азии, уже полностью исчезли более тысячи. При этом процесс таяния ледников продолжает ускоряться, что вызывает серьезные опасения. Ледники и атмосферные осадки Таджикистана формируют до 60% водных ресурсов всего региона, что подчеркивает их стратегическое значение для обеспечения водной безопасности Центральной Азии.

Таким образом, инициатива Таджикистана направлена на привлечение внимания мирового сообщества к проблеме сохранения ледников, которые играют ключевую роль в поддержании экологического баланса и обеспечении миллионов людей доступом к чистой воде.

Зеленая энергетика как способ привлечения инвестиций и повышения экономики. Как уже было отмечено ранее, Таджикистан обладает большим количеством ледников, которые очень удобны для генерации электроэнергии путем создания гидроэлектростанций. За последние годы Таджикистан активно сотрудничает со

многими странами, заинтересованными в создании в регионе больших и малых электростанций, в том числе с Российской Федерацией и Ираном. В Таджикистане были построены 2 большие электростанции: Сангтуда-1 с помощью финансирования российской госкорпорацией «Росатом» (60,1% акций у правительства Таджикистана, 14,8% – у компании «Интер» РАО²) и Сангтуда-2, построенная совместно с Ираном (Iranian Water and Power Resources Development Company) (владеет 51% акций, у правительства Таджикистана – 49% акций) в основном за счет инфраструктуры, земельных участков и логистики. Также Республика Таджикистан строит огромную электростанцию под названием «Рогунская ГЭС». Строительство Рогунской гидроэлектростанции стартовало еще в 1976 г., но из-за сложной экономической и политической ситуации процесс был приостановлен в начале 1990-х гг. В 2007 г. проект прошел международную оценку под контролем Всемирного банка, по итогам которой его признали технически осуществимым и экономически оправданным. Важным этапом стало введение в эксплуатацию первого гидроагрегата, которое состоялось 16 ноября 2018 г. Второй агрегат заработал в сентябре 2019 г. Полное завершение строительства и достижение проектной мощности запланировано к 2029 г. Основной задачей Рогунской ГЭС является устранение дефицита электроэнергии в Таджикистане, особенно в зимний период. Также станция позволит стране значительно нарастить экспорт электроэнергии. Правительству страны стоит поставлять электроэнергию в соседние страны Центральной и Южной Азии, тем самым страна постепенно станет энергетическим хаббом. Вдобавок к этому ГЭС сыграет важную роль в управлении водными ресурсами, что снизит риск наводнений и поможет справляться с засухами. Тем не менее проект вызывает споры, связанные с потенциальным экологическим и социальным воздействием. Специалисты отмечают,

¹ По инициативе Таджикистана 2025 г. объявлен Международным годом сохранения ледников. URL: <https://news.un.org/ru/story/2024/12/1459761> (дата обращения: 26.12.2024).

² Акционеры Сангтудинской ГЭС-1. URL: <https://avesta.tj/2021/07/02/aktionsery-sangtudinskoj-ges-1-kto-oni> (дата обращения: 2.07.2020).

что изменения в водном режиме могут негативно сказаться на экосистемах ниже по течению. Также строительство требует переселения множества местных жителей. Среди предложенных решений рассматривается снижение высоты плотины, что позволило бы уменьшить масштаб переселения и минимизировать экологический ущерб. В целом Рогунская ГЭС представляет собой важный элемент стратегии энергетической безопасности и устойчивого развития Таджикистана, несмотря на сопутствующие вызовы и возникающие разногласия.

Вызовы и проблемы зеленой дипломатии Таджикистана. Столкнувшись с немалыми трудностями зеленая дипломатия Республики Таджикистан сегодня сталкивается с поверхностными экономическими проблемами и международной обстановкой, которые вызывают свои сложности. Возможные проблемы могут касаться, прежде всего, распределения воды в пределах стран Центральной Азии.

Г.Ч. Акунова отмечает, что мировое население в последние 100 лет продолжает неуклонно расти со скоростью 1% в год [Акунова, 2021: 229–241]. Такими темпами мир может столкнуться с 40%-ным глобальным дефицитом воды к 2030 г. Дефицит воды усиливается в основном в результате двух основных факторов – потепление климата и увеличения населения Земли. Ограниченность бюджетных средств и недостаточность координации между государственными структурами, не говоря уже о кадровом голоде, серьезно затрудняют выполнение зеленых инициатив. Сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и денежные переводы создают экономическую зависимость от государства и тормозят переход к устойчивой экономике. Проблемы таяния ледников и постепенное нехватка воды вынуждает правительство как можно скорее найти пути решения данных проблем.

Связь между экологической безопасностью и внешней политикой привела к появлению зеленой дипломатии – стратегического инструмента управления трансна-

циональными экологическими рисками [Roberts, 2015: 23–45]. При этом низкая экологическая грамотность населения по-прежнему затрудняется национальной стратегией помощи и продвижения зеленой политики.

На международной арене стоят проблемы, связанные с политической нестабильностью в регионе, конкуренцией за водные ресурсы и ограниченным доступом к международным рынкам. Таджикистан как страна, расположенная у верховьев рек, сталкивается с разногласиями с соседями по поводу распределения воды, что вредит региональному сотрудничеству. Кроме того, изменение климата, таяние ледников, участвовавшие засухи и наводнения увеличивают экологические риски, требуя активной дипломатической работы.

Заключение. В заключении стоит отметить, что зеленая дипломатия Таджикистана является важным направлением внешней политики страны. Она также отражает стремление Республики к эффективному природопользованию и устойчивому развитию. Несмотря на ограничения, вызванные недостатком технологий, денег, экологическими угрозами и региональными конфликтами, Таджикистан продолжает принимать активное участие в международных инициативах по спасению окружающей среды и эффективному природопользованию. Успешная реализация зеленой дипломатии требует укрепления международного сотрудничества, привлечения инвестиций, развития инноваций и повышения экологической грамотности на местном и международном уровне.

Также Республика Таджикистан пытается сохранять дипломатическое сотрудничество со всеми странами Центральной Азии, в том числе укреплять отношения в сфере энергетики.

Таким образом, зеленая дипломатия помогает в решении экологических проблем, способствует укреплению авторитета Таджикистана за рубежом и создает новые возможности для социального и экономического развития и устойчивого будущего страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Акунова Г.Ч.* Особенности водной дипломатии в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 8 (2). С. 229–241.
- Алимов А.А., Шестаков А.И.* Экологическая дипломатия в XXI веке // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 2. С. 97–101.
- Амирзода О., Курбон Н.* Инициативы Таджикистана, связанные с водными вопросами и обеспечением целей устойчивого развития. Душанбе: Дониш, 2022.
- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Феномен «зеленой дипломатии»: Международный опыт // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2014. № 36. С. 189–198.
- Колпакова Т.В.* Китайская «экологическая дипломатия» и формирование международного механизма охраны окружающей среды // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 123. С. 68–73.
- Малько А.В., Соловьев А.В.* Зеленая дипломатия как средство реализации международно-правовой политики в экологической сфере в условиях глобализации // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 164–170.
- Савельев Д.* Зеленая дипломатия в России и за рубежом // Эковестник. 2021. № 2. С. 1–2.
- Хижняк В.С.* «Зеленая дипломатия» как средство реализации международно-правовой политики в экологической сфере в условиях глобализации // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 3. С. 164–170.
- Boisson de Chazournes L.* Environmental Diplomacy: Negotiating More Effective Global Agreements. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Chasek P.S., Downie D.L.* Global Environmental Politics. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Constantinou C.M., Christodoulou E.* On making peace with nature: visions and challenges towards an ecological diplomacy // Review of International Studies. 2024. Vol. 50. Special issue 3. P. 579–599.
- Maxwell E.R.* Sustainable International Relations: Rethinking Global Governance through Green Diplomacy. Stanford: Stanford University Press, 2016.
- Murphy M.D.* Green Foreign Policy: The New Frontier of International Relations. Abingdon: Routledge, 2012.
- Roberts D.L.* Environmental Security and Green Diplomacy // Journal of International Affairs. 2015. № 68 (2). P. 23–45.

REFERENCES

- Akunova G.Ch.* Osobennosti vodnoy diplomatii v Tsentral'noy Azii // Problemy postsovetского prostranstva. 2021. Vol. 8 № 2. S. 229–241. (In Russ.) [*Akunova G.Ch.* Features of Water Diplomacy in Central Asia // Problems of the Post-Soviet Space. 2021. Vol. 8. № 2. P. 229–241.]
- Alimov A.A., Shestakov A.I.* Ekologicheskaya diplomatiya v XXI veke // Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana). 2017. № 2. S. 97–101. (In Russ.) [*Alimov A.A., Shestakov A.I.* Ecological Diplomacy in the 21st Century // Society. Environment. Development (Terra Humana). 2017. № 2. P. 97–101.]
- Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V.* Fenomen «zelenoy diplomatii»: mezhdunarodnyy opyt // Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo gidrometeorologicheskogo universiteta. 2014. № 36. S. 189–198. (In Russ.) [*Bogolyubova N.M., Nikolaeva Yu.V.* The Phenomenon of Green Diplomacy: International Experience // Scientific Notes of the Russian State Hydrometeorological University. 2014. № 36. P. 189–198.]
- Boisson de Chazournes L.* Environmental Diplomacy: Negotiating More Effective Global Agreements. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Chasek P.S., Downie D.L.* Global Environmental Politics. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Constantinou C.M., Christodoulou E.* On making peace with nature: visions and challenges towards an ecological diplomacy // Review of International Studies. 2024. Vol. 50. Special issue 3. P. 579–599.
- Khizhnyak V.S.* «Zelenaya diplomatiya» kak sredstvo realizatsii mezhdunarodno-pravovoy politiki v ekologicheskoy sfere v usloviyakh globalizatsii // Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya. 2020. № 3. S. 164–170. (In Russ.) [*Khizhnyak V.S.* «Green diplomacy» as a means of implementing international legal policy in the environmental sphere in the context of globalization // Humanitarian and legal studies. 2020. № 3. P. 164–170.]
- Kolpakova T.V.* Kitayskaya «ekologicheskaya diplomatiya» i formirovanie mezhdunarodnogo mekhanizma okhrany okruzhayushchey sredy // Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo uni-

versiteta im. A.I. Gertsena. 2010. № 123. S. 68–73. (In Russ.) [*Kolpakova T.V.* Chinese «Ecological Diplomacy» and the Formation of an International Environmental Protection Mechanism // Bulletin of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2010. № 123. P. 68–73.]

Malko A.V., Solov'ev A.V. Zelënaya diplomatiya kak sredstvo realizacii mezhdunarodno-pravovoj politiki v èkologicheskoj sfere v usloviyah globalizacii // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2020. № 3. S. 164–170. (in Russ.) [*Malko A.V., Solovyov A.V.* Green Diplomacy as a Means of Implementing International Legal Policy in the Environmental Sphere under Globalization // Humanitarian and Legal Research. 2020. № 3. P. 164–170.]

Maxwell E.R. Sustainable International Relations: Rethinking Global Governance through Green Diplomacy. Stanford: Stanford University Press, 2016.

Murphy M.D. Green Foreign Policy: The New Frontier of International Relations. Abingdon: Routledge, 2012.

Roberts D.L. Environmental Security and Green Diplomacy // Journal of International Affairs. 2015. № 68 (2). P. 23–45.

Savelyev D. Zelënaya diplomatiya v Rossii i za rubezhom // Èkovestnik. 2021. № 2. S. 1–2. (In Russ.) [*Savelyev D.* Green Diplomacy in Russia and Abroad // Ecovestnik. 2021 № 2. P. 1–2.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Курбонов Маруф, научный сотрудник Научно-исследовательского института устойчивого развития и зеленой экономики, соискатель кафедры международных отношений и политологии Международного университета туризма и предпринимательства Таджикистана (Душанбе, Республика Таджикистан).

E-mail: mustafam30@mil.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maruf Qurbonov, researcher of the Research Institute for Sustainable Development and Green Economy, applicant of the Department of International Relations and Political Science of International University of Tourism and Entrepreneurship of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan).

E-mail: mustafam30@mil.ru

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

РОССИЙСКО-ЕГИПЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ АБДУЛ-ФАТТАХА АС-СИСИ

Научная статья

У.И. Мордвинцев

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3150-5487>
E-mail: ustin.mordvincev1@gmail.com*

М.М. Агазаде

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-5129-5553>
E-mail: agazade-mm@rudn.ru*

В статье анализируются российско-египетские отношения с начала правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси в Арабской Республике Египет (АРЕ). Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях формирования новой региональной архитектуры безопасности на Ближнем Востоке возрастает значимость изучения темпа и развития российско-египетских отношений. В этой связи цель статьи заключается в выявлении особенностей развития двусторонних отношений между Российской Федерацией (РФ) и АРЕ. В основе данного исследования лежит описательно-аналитический подход, так как необходимая информация была собрана путем изучения научных и аналитических публикаций, документов, материалов СМИ и т.д. В статье также использованы такие методы научного исследования, как историко-аналитический метод для выявления приоритетных направлений и основных тенденций в российско-египетских отношениях, а также метод контент-анализа, который позволил проанализировать заявления и выступления официальных лиц двух стран, в том числе материалы СМИ. В статье проводится анализ проблем и событий, которые повлияли на меры в сотрудничестве между РФ и АРЕ в области торговых отношений и борьбы против терроризма, а также взаимоотношения в военной сфере. Авторы уделяют внимание дипломатическим отношениям между РФ и АРЕ, а также визитам глав государств на высшем уровне. Изучив все факторы, влияющие на российско-египетские отношения в эпоху правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси, делаются выводы о роли двух государств друг для друга после всех существенных изменений, которые произошли в последнее десятилетие. В результате исследования авторы пришли к выводу о том, что отношения между странами развивались посредством взаимных визитов официальных лиц, заключения соглашений и увеличения товарооборота. В целом российско-египетские отношения характеризуются гармонией, что способствует их развитию.

Ключевые слова: *Россия, Египет, российско-египетские отношения, Абдул-Фаттах ас-Сиси, Владимир Владимирович Путин, зона свободной торговли, проект Дабаа, сотрудничество, терроризм, ИГИЛ, «Росатом».*

Для цитирования: *Мордвинцев У.И., Агазаде М.М. Российско-египетские отношения в эпоху правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 297–309.*

RUSSIAN-EGYPTIAN RELATIONS DURING THE REIGN OF ABDUL-FATTAH AL-SISI

Research article

U.I. Mordvintsev

RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3150-5487>

E-mail: ustin.mordvincev1@gmail.com

M.M. Aghazada

RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/my-orcid?orcid=0000-0002-5129-5553>

E-mail: agazade-mm@rudn.ru

The article analyzes Russian-Egyptian relations since the beginning of the rule of Abdul-Fattah al-Sisi in the Arab Republic of Egypt (ARE). The relevance of the research topic is due to the fact that in the context of the formation of a new regional security architecture in the Middle East, the importance of studying the pace and development of Russian-Egyptian relations is increasing. In this regard, the purpose of this article is to identify the specifics of the development of bilateral relations between the Russian Federation (RF) and the Arab Republic. This study is based on a descriptive-analytical approach, since the necessary information was collected by studying scientific and analytical publications, documents, media materials, etc. The article also uses such methods of scientific research as the historical-analytical method to identify priority areas and main trends in Russian-Egyptian relations, as well as the method of content analysis, which made it possible to analyze the statements and speeches of officials of the two countries, including media materials. The article analyzes the problems and events that influenced the measures in cooperation between the Russian Federation and Egypt in the field of combating terrorism, trade relations, as well as military relations. The authors pay attention to the diplomatic relations between the Russian Federation and the Arab Republic, as well as the visits of heads of state at the highest level. Having studied all the factors influencing Russian-Egyptian relations during the reign of Abdul-Fattah al-Sisi, conclusions are drawn about the role of the two states for each other after all the significant changes that have taken place in the last decade. As a result of the study, the authors came to the conclusion that relations between the countries developed through mutual visits of officials, the conclusion of agreements and an increase in trade turnover. In general, Russian-Egyptian relations are characterized by harmony, which contributes to their development.

Key words: Russia, Egypt, Russian-Egyptian relations, Abdul-Fattah al-Sisi, Vladimir Vladimirovich Putin, free trade zone, the Dabaa project, cooperation, terrorism, ISIS, «Rosatom».

For citation: Mordvintsev U.I., Aghazada M.M. Russian-Egyptian Relations during the Reign of Abdul Fattah al-Sisi // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 297–309. (In Russ.)

Введение. В период правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси российско-египетские отношения переживают фазу значительного укрепления, выходящего за рамки традиционного сотрудничества. На фоне политической нестабильности в регионе и пере-

ориентации Египта в сторону многовекторной внешней политики Москва и Каир стали активнее взаимодействовать, стремясь к общим целям в области безопасности, экономики и энергетики. Это сотрудничество отличается прагматизмом и сосредоточен-

ностью на конкретных проектах, отражая взаимную заинтересованность в укреплении региональной стабильности и расширении экономического влияния.

Произошедшее сближение ознаменовалось не только углублением экономических связей, но и усилением военно-технического партнерства. Российские инвестиции в египетскую экономику, включая строительство атомной электростанции, а также поставки современного вооружения стали важными элементами двусторонних отношений. Эти процессы отражают не только совпадение интересов, но и стремление обеих стран укрепить свои позиции в условиях меняющейся международной обстановки в регионе Ближнего Востока.

Нужно отметить, что исследование российско-египетских отношений в период правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси требует учета как исторического контекста, так и современных тенденций. Например, В.В. Наумкин рассматривает роль Египта в регионе Ближнего Востока и влияние региональных конфликтов на его отношения с Россией [Наумкина, 2004: 15–80]. Также стоит упомянуть научные работы, посвященные проблематике российско-египетских отношений, И.О. Абрамовой, А.А. Емельянова, В.А. Кузнецова, В.В. Наумкина, В.В. Попова, В.Е. Титоренко, А.А. Ткаченко, А.О. Филоник, В.П. Юрченко [Абрамова, 2002; Попов, Кузнецов, Наумкин, 2012; Юрченко, 2007; Титоренко, 1994; Ткаченко, 2004; Филоник, 2001; Емельянов, 2007].

Торгово-экономические отношения являются неотъемлемой частью российско-египетских отношений, которым посвящено немало научных работ [Бирюков, 2017; Воблевич, 2021; Ибрагимов, 2022; Крылов, 2023; Мисько, Дарвиш, 2023; Немкевич, Шафиев, 2021; Николаев, 2020; Скрыбина, 2019; Хлебников, 2019]. В трудах Е.С. Бирюкова, И.И. Ибрагимова, В.Ю. Скрыбиной уделяется особое внимание проблеме создания зоны свободной торговли (ЗСТ) между Россией и Египтом [Бирюков, 2017; Ибрагимов, 2022; Скрыбина, 2019]. В.Ю. Скрыбина ставит перед собой задачу «оценить экономические эффекты возмож-

ного соглашения о зоне свободной торговли между государствами – членами ЕАЭС и Египтом как инструмента углубления двусторонних торговых отношений России и Египта» [Скрыбина, 2019: 19]. Она отмечает значимость российской продукции для Египта, что, по ее мнению, «экономический эффект от ЗСТ будет ощутимее от роста российского экспорта в Египет по сравнению с эффектом от роста египетского импорта на рынок России» [там же]. С ней согласен Е.С. Бирюков, отмечающий необходимость включения в соглашение правила происхождения, делающего невозможным использование территории Египта третьими странами для реэкспорта [Бирюков, 2019: 37].

Интересный факт приводит в своей работе Ахмед Хадир, говоря, что «российско-египетский совместный комитет был проведен в 2001 г. с целью активизации сотрудничества в экономической, торговой, научной и технологической областях в Евфрате с 19 по 25 апреля. Результатом данного комитета стал визит бывшего Президента Хусни Мубарака в Москву, а также подписание множества соглашений в области мирного использования атомной энергии, промышленных зон, коммуникаций, сотрудничества в медицинской и фармацевтической сферах» [Ahmed Khadir Abbas Al-Ramahi, 2022: 55].

Стоит отметить и статью О.Н. Мисько и А.Ш. Дарвиш, в которой проанализированы важные совместные проекты России и Египта на уровне государственного и частного секторов. Авторы полагают, что «наиболее перспективным для укрепления экономического сотрудничества РФ и Египта выступают энергетика, промышленность и транспорт, а также развитие аграрного сектора» [Мисько, Дарвиш, 2023: 55]. В данной работе отмечается тот факт, что отношения между Россией и Египтом начали активно развиваться с приходом к власти Президента Абдул-Фаттаха ас-Сиси в 2014 г. Точно такого же мнения придерживается в своей работе Д.С. Крылов [Крылов, 2023].

Приход и начало правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси. Развитие отношений между двумя странами в разные периоды отлича-

лись по-своему, но новая глава российско-египетских отношений была положена во время важных преобразований, которые случились в АРЕ в период «арабской весны», ведь на тот момент египетско-российские отношения несколько ухудшились после свержения Президента Египта Хосни Мубарака в результате революции 25 января 2011 г. и прихода к власти в Египте «Братьев-мусульман»¹ во главе с Мухаммедом Мурси. По мнению Байда Махмуда Ахмеда, «Москву беспокоили изменения и последствия, которые эти революции могут принести в отношениях между двумя странами, а также то, к какому развитию событий могут привести эти народные движения» [Baida Mahmoud Ahmed, 2012: 60]. События, которые происходили во время революции 30 июня 2013 г., оказали влияние на отношения между Египтом и Россией, а также на стратегическое сотрудничество двух государств, ведь Россия поддержала египетский народ в их позиции по отношению к «Братьям-мусульманам» [Zia Ghazi, 2021].

Сразу после свержения М. Мурси ОАЭ, Саудовская Аравия и Кувейт заявили о предоставлении финансовой помощи официальному Каиру в размере 12 млрд долл., которой новой власти должно было хватить на весь переходный период [Исаев, Коротаев, 2014: 14–20]. России была выгодна позиция США и стран Европы, выступавших против событий в Египте, и решение США сократить военную помощь Египту, поскольку Россия проявила себя решительно и выразила готовность к военному и экономическому сотрудничеству с Египтом [Tarek Thabet, 2017].

В то же время Россия хотела восстановить свое прежнее влияние в Египте во времена существования Советского Союза, поэтому наша страна протянула руку помощи новому египетскому режиму, поставляя современное оружие египетской армии², что

¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

² Stations and opportunities: Egyptian-Russian relations // Arabic Centre for Research and Studies (на арабском яз.). 16.12.2017. URL: <http://www.acrseg.org/40658> (дата обращения: 8.01.2025).

стимулировало развитие отношений между двумя странами в ходе визитов А.-Ф. ас-Сиси в Россию, начиная с 2013 г.

Президент Абдель-Фаттах ас-Сиси восстановил баланс во внешней политике Египта, особенно после своего визита в Россию 12–13 августа 2014 г.³, который придал большой импульс политическим отношениям между двумя странами, перед которым предшествовал визит Президента России В.В. Путина в Египет 9–10 февраля 2014 г. по приглашению Президента Египта. По итогам этого визита в присутствии двух Президентов были подписаны соглашения и меморандумы о взаимопонимании, была достигнута предварительная договоренность о строительстве атомной электростанции и подписании меморандумов о взаимопонимании между Министерством инвестиций Египта и Министерством экономического развития России в целях поощрения и привлечения российских инвестиций, а также соглашение между Министерством инвестиций Египта и Российским инвестиционным фондом об укреплении инвестиционного сотрудничества между двумя странами⁴.

Кроме того, между двумя сторонами была достигнута договоренность продолжать укреплять военное сотрудничество между двумя странами, развивать отношения экономического и торгового сотрудничества, устранять торговые препятствия, создавать зону свободной торговли между Евразийским таможенным союзом и Египтом, укреплять сотрудничество в области энергетики и укреплять сотрудничество в области туризма и борьбы с терроризмом⁵.

³ Визит А.-Ф. ас-Сиси в Москву: «русификация» Ближнего Востока идет полным ходом // Регнум. 14.08.2014. URL: <https://regnum.ru/article/1836087> (дата обращения: 8.01.2025).

⁴ Межгосударственные отношения России и Египта // РИА Новости. 17.06.2023. URL: <https://ria.ru/20230617/diplomatiya-1878798719.html> (дата обращения: 08.01.2025)

⁵ «Egyptian-Russian» relations. It was saved by «Nasser», cut by «Sadat», warped by «Mubarak» and restored by «Sisi» // Al-Aghram (на араб. яз.). 10.02.2015. URL: <https://gate.ahram.org.eg/News/596155.aspx> (дата обращения: 08.01.2025).

В 2015 г. Президент России Путин посетил Египет с официальным визитом, чтобы поддержать отношения между двумя сторонами, и подписал ряд совместных проектов, в частности, проект строительства атомной электростанции¹.

На полях российско-африканского саммита, проходившего в 2019 г. в России в г. Сочи, А.-Ф. ас-Сиси встретился с В.В. Путиным, который возглавлял саммит. В ходе саммита лидеры двух стран обсудили экономические проекты между странами, включая строительство атомной электростанции и российской промышленной зоны в Египте. В. Путин указал на увеличение доли российских инвестиций в Египте, достигшей 7,7 млрд долл.; с другой стороны, А.Ф. Сиси выразил заинтересованность в укреплении экономических отношений с Россией, которую он назвал надежным партнером для Африканского континента².

Сотрудничество между странами.

Российско-египетские отношения характеризуются сотрудничеством в военно-политических и торгово-экономических сферах. Это сотрудничество стало результатом совпадения их национальных интересов и консенсуса по решению различных вопросов, интересующих государства.

По мнению Е.М. Примакова, политические контакты двух государств уходят во времена существования Советского Союза, когда Москва долгие годы оказывала Каиру значительную экономическую, военную и техническую помощь [Примаков, 2016]. Стоит отметить, что Москва и Каир стремились укреплять двусторонние экономические связи, включая сферы промышленности, туризма и поставок продовольствия, а также налаживать сотрудничество в таких областях, как борьба с терроризмом и обеспечение региональной безопасности [Титоренко, 1994].

Зия Гази обращает внимание на важный момент в истории развития российско-

египетских отношений – был создан совместный российско-египетский комитет по борьбе с международным терроризмом по итогам заседания в 2008 г., на котором было решено расширить сферу координации и сотрудничества между двумя странами, включая борьбу с электронным терроризмом и киберпреступностью [Zia Ghazi, 2021].

Стоит отметить, что на российско-египетские отношения оказал серьезное влияние терроризм. 31 октября 2015 г. российский пассажирский самолет потерпел крушение после взлета из аэропорта Шарм-эш-Шейха из-за теракта, в результате которого погибли все 224 российских пассажира³. В тот момент террористическая организация ИГИЛ⁴ взяла на себя ответственность за данный теракт. В ответ Россия запретила все прямые авиарейсы в Египет, и премьер-министр РФ Д. Медведев руководил эвакуацией до 25 тыс. из 80 тыс. российских туристов, в результате чего Египет ежегодно терял почти 3 млрд долл.⁵

В результате переговоров глав государств была достигнута договоренность о проведении совместных военных учений между Россией и Египтом под названием «Защитники дружбы – 2016», которые были проведены впервые между двумя странами. Египетская и российская армии в период с 15 сентября по 2 октября 2016 г. находились на территории Египта и участвовали в этих учениях, в которых принимали участие египетские парашютно-десантные войска и российские воздушно-десантные войска⁶.

³ Катастрофа российского самолета Airbus A321 «Когалымавиа» в Египте // РИА Новости. 31.10.2020. URL: <https://ria.ru/20201031/krushenie-1582146390.html> (дата обращения: 10.01.2025).

⁴ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

⁵ Медведев заявил о 25 тыс. россиян, вернувшихся из Египта в эти выходные // Интерфакс. 09.11.2015. URL: <https://www.interfax-russia.ru/tourism/news/medvedev-zayavil-o-25-tys-rossiyan-vernuvshih-sya-iz-egipta-v-eti-vyhodnye> (дата обращения: 10.01.2025).

⁶ Первые совместные учения десантников России и Египта // РИА Новости. 18.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161018/1479451828.html> (дата обращения: 10.01.2025).

¹ Межгосударственные отношения России и Египта // РИА Новости. 17.06.2023. <https://ria.ru/20230617/diplomatiya-1878798719.html> (дата обращения: 08.01.2025).

² Российско-африканский саммит: в 2019 г. Москва хочет увеличить объем торгового обмена с Африканским континентом // Euronews Arabic. 25.10.2019 (на араб. яз.). URL: <https://arabic.euronews.com/next/2019/10/30> (дата обращения: 09.01.2025).

28 августа 2017 г. Министерство обороны России объявило, что в следующем месяце состоятся вторые учения «Защитники дружбы – 2017». 10 сентября 2017 г. египетская армия объявила о начале совместных египетско-российских учений в российском городе Новороссийск. Учения между египетскими парашютно-десантными подразделениями и российскими десантными войсками продлились до 22 сентября 2017 г.¹

В 2018 г. Египет проводил у себя подобные учения, что позволило поднять степень сотрудничества в отношениях на новый уровень. Это свидетельствует о том, что Россия готова поддержать Каир в его борьбе с терроризмом, исходящим с Синайского полуострова и Ливии, а также в том, что Россия и Египет создали рабочую платформу для обмена опытом в области борьбы с терроризмом².

Совместные проекты и отношения в торгово-экономической сфере. Приход к власти в июне 2014 г. Президента А.-Ф. ас-Сиси привел к ускорению восстановления двусторонних отношений между Россией и Египтом в атмосфере взаимного доверия. Вместе с интенсификацией политических контактов стало интенсивно развиваться торгово-экономическое сотрудничество. На новый уровень вышли взаимоотношения и в военно-технической сфере [Подцероб, 2015].

В эпоху правления А.-Ф. ас-Сиси активно развиваются торгово-экономические отношения между двумя государствами. А.А. Воболевич в своем исследовании сделал вывод, что Египет использует разные стратегии в отношении различных торговых партнеров, при этом в отношении РФ египетская стратегия состоит в «увеличении объемов экспорта и импорта товаров» [Воболевич, 2021: 171].

Российско-египетские отношения получили большой импульс после военного переворота против «Братьев-мусульман», который считается поворотным моментом в отношениях двух стран, особенно в экономической сфере. В то время как Россия поддержала решение египетского народа,

Египет нашел в России сильного международного сторонника посреди этой бурной политической атмосферы. Россия же стремилась восстановить свое прежнее влияние в Египте, как в советское время, и эти отношения увенчались подписанием российской государственной компанией «Росатом» соглашения о строительстве ядерного реактора в Дабаа³.

Стоит отметить, что ядерный проект Дабаа – это пять проектов в одном. Этот проект представляет собой крупнейший российский проект за пределами Российской Федерации, и именно это заставило Президента России В.В. Путина обратить большое внимание на ядерный проект Дабаа – он посчитал его новым символом исторических отношений, объединяющих две страны⁴.

В то время, как объем товарооборота между Каиром и Москвой в 2014 г. достиг 42,5 млрд долл., а число российских компаний, работающих в Египте, достигло 400, это свидетельствовало о том, что Россия уже с самого начала правления Президента Египта А.-Ф. ас-Сиси была настроена на построение долгосрочных экономических отношений и крепком партнерстве между Египтом и РФ⁵.

В ходе визита Президента России В.В. Путина в Египет в 2015 г. египетская и российская стороны заключили ряд соглашений о совместных проектах между двумя странами, включая создание атомной электростанции в Египте, а также расширение сотрудничества в области малого и среднего предпринимательства, торговли, сельскохозяйственного и туристического обмена и в других областях совместного сотрудничества⁶.

³ Что известно о строительстве АЭС «Эд-Дабаа» в Египте с участием России // ТАСС. 23.01.2024. URL: <https://tass.ru/info/19792297> (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ *Мустафа Халиль*. Египетско-российские отношения развиваются с тех пор, как А.-Ф. ас-Сиси пришел к власти // Al-Aghram. 3.03.2021 (на араб. яз.). URL: WWW.Elfgg.org (дата обращения: 09.01.2025).

⁵ Egyptian-Russian relations.. 70 years of cooperation and culmination in the current year // Asharq Al-Awsat.. 28.08.2015 (на араб. яз.). URL: العلاقات المصرية الروسية.. 70 عامًا من التعاون والذروة في العام الحالي (дата обращения: 09.01.2025).

⁶ Владимир Путин завершает визит в Египет // BBC. 18.09.2021. URL: <https://www.bbc.com/arabic/middleeast/2015/02/150210> (дата обращения: 9.01.2025).

¹ Первые совместные учения десантников России и Египта // РИА Новости. 18.10.2016. URL: <https://ria.ru/20161018/1479451828.html> (дата обращения: 10.01.2025).

² Там же.

Целесообразно сравнить абсолютные значения российского экспорта в Египет и российского импорта из Египта за период

правления Абдул-Фаттаха ас-Сиси. Особую важность представляет динамика экспорта РФ в АРЕ (табл. 1).

Таблица 1

Доля экспорта РФ в Египет в общем объеме экспорта РФ и отношение экспорта РФ в Египет к ВВП РФ

Год	Экспорт РФ в Египет, млн долл.	Экспорт РФ, млрд долл.	ВВП РФ, млрд долл.	Доля экспорта РФ в Египет в общем объеме экспорта РФ, %	Отношение экспорта РФ в Египет к ВВП РФ, %
2014	4110	497,8	2059,2	0,83	0,20
2015	3620	343,9	1363,5	1,05	0,27
2016	3783	301,8	1276,8	1,25	0,30
2017	6217	379,2	1574,2	1,64	0,39
2018	7137	451,5	1657,3	1,58	0,43
2019	5766	426,7	1693,1	1,35	0,34
2020	4019	337,1	1493,1	1,19	0,27
2021	4177	492,3	1836,9	0,85	0,23
2022	5560	592,5	2240,4	1,21	0,25

Источник: составлено авторами на основе данных, представленных на сайте Всемирного банка (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2020/TradeFlow/Export/Partner/EGY/Product/all-groups#> (дата обращения: 27.01.2025).

Очевидно, что данные за указанные периоды разнятся, но им характерна тенденция роста и стабильности, которые указывают на улучшение торгово-экономических отношений между государствами и заинтересованности в их развитии. Например, наименьшее значение экспорта в Египет было зафиксировано в 2015 г. (3620 млрд долл.), а самое большое – в 2018 г. (7,1 млрд долл.). Можно заметить, что пандемия COVID-19 негативно сказалась на торгово-экономических отношениях между странами и прервала рост экспорта, который наблюдался в период 2016–2018 гг.

Примечательно, что доля экспорта РФ в Египет в общем объеме экспорта с 2014 по 2020 г. выросла почти в 2,5 раза, но в последующие 2 года можно заметить небольшое снижение. Исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод, что среднегодовой темп роста экспорта России в Египет с 2014 по 2022 г. составляет 4,01%. Это означает, что в среднем экспорт рос на 4,01% каждый год за этот период. Однако важно заметить, что были существенные колебания в годовых темпах роста.

Анализируя российский экспорт в Египет, стоит сравнить импорт РФ из АРЕ, показатели которого не очень отличаются от экспорта РФ в Египет (табл. 2).

Импорт России из Египта, как правило, оставался относительно небольшим по сравнению с общим объемом импорта России и ее ВВП. Импорт демонстрировал некоторые колебания в течение рассматриваемого периода, но без каких-либо ярко выраженных тенденций к росту или падению. Значения в основном варьируются в пределах от 373,4 до 592 млн долл. Доля импорта из Египта в общем объеме российского импорта оставалась достаточно низкой, колеблясь в диапазоне от 0,18 до 0,22%. Отношение импорта из Египта к ВВП России было крайне незначительным, оставаясь на уровне 0,03% на протяжении большей части периода и даже снизившись до 0,02% в 2022 г.

В целом объемы импорта из Египта были значительно ниже объемов российского экспорта в Египет на протяжении всего рассматриваемого периода. Экспорт варьировался от 3,6 до 7,1 млрд долл., в то время как импорт не превышал 600 млн долл. Доля импорта из Египта в общем объеме импорта России (0,18–0,22%) была существенно ниже доли экспорта из России в Египет в общем объеме экспорта России (0,83–1,64%). Отношение импорта из Египта к ВВП России (0,02–0,03%) также было значительно ниже отношения экспорта из России в Египет к ВВП России (0,20–0,43%).

Доля импорта РФ из Египта в общем объеме импорта РФ и отношение импорта РФ из Египта к ВВП РФ

Год	Импорт РФ из Египта, млн. долл.	Импорт РФ, млрд долл.	ВВП РФ, млрд долл.	Доля импорта РФ из Египта в общем объеме импорта РФ, %	Отношение импорта РФ из Египта к ВВП РФ, %
2014	540	286,6	2059,2	0,19	0,03
2015	394,8	182,8	1363,5	0,22	0,03
2016	373,4	207,4	1276,8	0,18	0,03
2017	504,6	260	1574,2	0,19	0,03
2018	526,5	240,2	1657,3	0,22	0,03
2019	480,8	247,2	1693,1	0,19	0,03
2020	515,7	231,7	1493,1	0,22	0,03
2021	592	293,5	1836,9	0,20	0,03
2022	560	255,3	2240,4	0,22	0,02

Источник: составлено авторами на основе данных, представленных на сайте Всемирного банка (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2020/TradeFlow/Export/Partner/EGY/Product/all-groups#> (дата обращения: 27.01.2025).

Нет сомнений, что в этих торговых обменах доминируют сельскохозяйственная продукция, энергоносители и оружие, поскольку экспорт российской сельскохозяйственной продукции в Египет составил около 30%¹, тем более что Россия является крупнейшим экспортером зерна в Египет, поскольку она обеспечивает около 65% потребностей египетского рынка по данному товару, а объем товарообмена в 2015 г. составил около 15,4 млрд долл., так как российский экспорт в Египет составил до 78,3 млрд долл., а экспорт из Египта в Россию – 3,8 млн долл. Наиболее важными статьями экспорта из России в Египет являются энергетические материалы и минеральные продукты, а египетский экспорт в Россию составляют в основном фрукты и овощи².

Исходя из данных Всемирного банка, можно сделать вывод, что экспорт Египта в Россию значительно вырос за 10 лет – с 225,1 млн долл. в 2012 г. до 560 млн долл. в 2022 г. (табл. 3). Импорт Египта из России снизился за 10 лет – с 3988,8 млн долл. в

2012 г. до 3355,2 млн долл. в 2022 г. Общий товарооборот между Египтом и Россией немного снизился – с 4213,9 млн долл. в 2012 г. до 3915,2 млн долл. в 2022 г. Общий экспорт и импорт Египта значительно выросли за этот период, что отражает рост экономики и внешней торговли Египта. Доля экспорта Египта в РФ в общем объеме экспорта Египта увеличилась, а доля импорта из РФ в общем объеме импорта Египта и доля товарооборота с РФ в общем товарообороте Египта снизились. Наблюдается значительный дисбаланс в двусторонней торговле, где импорт Египта из России намного превосходит экспорт Египта в Россию.

Египет смог получить российский кредит в размере 25 млрд долл. для финансирования строительства и эксплуатации атомной электростанции Дабаа, которую курируют российские ученые. Кредит был предоставлен сроком на 22 года с процентной ставкой 3% годовых. В то же время инвестиции, которые Россия намерена вложить в промышленную зону к востоку от Суэцкого канала, составляет 6,4 млрд долл.³

¹ Egypt plans to use ruble in trade with Russia // Al-Monitor. 06.2022. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2022/06/egypt-plans-use-ruble-trade-russia#ixzz7Z86Mjj00> (дата обращения: 9.01.2025).

² Никольский А. Российско-египетские экономические отношения. Досье // ТАСС. 11.12.2017. URL: <https://tass.ru/info/4802472> (дата обращения: 9.01.2025).

³ СМИ: РФ предоставит Египту кредит на строительство первой АЭС в размере 25 млрд долл. // ТАСС. 30.11.2015. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2485694> (дата обращения: 10.01.2025).

**Доля экспорта Египта в РФ и импорта Египта из РФ
в общем объеме экспорта и импорта Египта**

Показатель / Год	2012	2022
Экспорт Египта в РФ, млн долл.	225,1	560
Экспорт Египта, млн долл.	29 417	48 149
Доля экспорта Египта в РФ в общем объеме экспорта Египта, %	0,8	1,2
Импорт Египта из РФ, млн долл.	3988,8	3355,2
Импорт Египта, млн долл.	69 866	79 712
Доля импорта Египта из РФ в общем объеме импорта Египта, %	5,7	4,2
Товарооборот Египта с РФ, млн долл.	4213,9	3915,2
Общий товарооборот Египта, млн долл.	99 283	127 861
Доля товарооборота с РФ в общем товарообороте Египта, %	4,2	3,1

Источник: составлено авторами на основе данных, представленных на сайте Всемирного банка (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/RUS/Year/2020/TradeFlow/Export/Partner/EGY/Product/all-groups#> (дата обращения: 27.01.2025).

Проекты в области природного газа, которые Россия с нетерпением ожидает совместно с египетской стороной, находятся на переднем плане этих инвестиций в свете усилий России по укреплению своего контроля над рынком природного газа в Европе, а также в свете ее осведомленности о трансформации Египта в ближайшем будущем в качестве одного из поставщиков природного газа, в результате чего российская компания «Роснефть» в конце 2016 г. приобрела 30% акций концессионной территории Шорук, где расположено египетское месторождение Зохран, поэтому «Роснефть» стала участником проекта для разработки крупнейшего газового месторождения в Средиземноморье¹.

Стоит отметить, что на данном этапе товарооборот между двумя странами сократился с 6,25 млрд долл. в 2019 г. до 4,54 млрд долл. в 2020 г. Причиной этого спада стала пандемия COVID-19, которая привела к снижению торговой активности между двумя странами².

В.П. Юрченко считает, что двустороннее военное сотрудничество также скудное

в последнее время, так как ограничивающим фактором является высокий уровень взаимодействия между египетскими военными и США, а также конкуренция со стороны Китая, который поставляет в Египет примерно ту же продукцию, что и Россия, только по более низким ценам [Юрченко, 2007: 170–173]. Но, несмотря на это, конкурентоспособность России в сфере ВВС и ПВО находится все же на достаточно высоком уровне. «Продажа оружия представляет собой, с русской точки зрения, средство восстановления определенного дипломатического и политического влияния в зоне, имеющей во многих отношениях жизненно важное значение для России» [Вонажет, 1997: 26]. Кроме того, необходимость модернизации находящихся на вооружении самолетов, в частности, МиГ-21, а также танкового парка открывают перспективное направление для сотрудничества между двумя странами [Подцероб, 2011: 188–189].

Однако нам стоит учесть тот факт, что военные сделки, заключенные Россией с Египтом, имеют как экономический, так и политический аспект, поскольку две страны заключили более 14 военных сделок на вооружение египетской армии, включая самолеты Як-130, вертолеты Ми-17, Ми-35, КА-52 «Аллигатор», истребители Су-30К, МиГ-29, ЗРК «Тор-М2», ЗРК «С-300ВМ», ЗУР «Корнет», танк «Т-90», пусковые установки РПГ-32, катер Р-32. Суммы этих во-

¹ Египет предложил «Роснефти» участие в разработке нефтегазовых участков // ТАСС. 12.12.2016. URL: <https://ria.ru/20161212/1483384667.html> (дата обращения: 15.01.2025).

² Египетско-российское партнерство: как внести вклад в достижение безопасности и развитие на Ближнем Востоке // Центр политических и стратегических исследований «Аль-Ахрам» (на араб. яз.). URL: <https://eg/News/17114org.acpass.ahram> (дата обращения: 10.01.2025).

енных сделок оцениваются в миллиарды долларов, и политическая цель РФ для этих сделок состояла в том, чтобы утаить от американской стороны некоторые военные объекты в Каире из-за разгона египетскими войсками площадей Рабаа аль-Адавия и Нахдет Миср, поэтому Российская Федерация стала основным источником вооружения для египетской армии.

Заключение. Изучая факторы, влияющие на российско-египетские отношения в эпоху президентства А.-Ф. Ас-Сиси, можно сказать, что российско-египетские отношения претерпели существенные изменения на стратегическом уровне.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Отношения между Россией и Египтом развивались посредством взаимных визитов официальных лиц двух стран и движения к заключению соглашений, меморандумов о взаимопонимании, экономических соглашений и увеличению товарооборота, о чем свидетельствует подписание в 2015 г. проекта о строительстве атомной электростанции Аль-Дабаа в Египте, которая играет важную роль в сближении двух государств. Также стоит отметить, что, после анализа данных Всемирного банка авторы пришли к выводу, что доля экспорта РФ в Египет в общем объеме экспорта с 2014 по 2020 г. выросла почти в 2,5 раза. Среднегодовой темп роста экспорта России в Египет с 2014 по 2022 г. составляет 4,01%. Экспорт Египта в Россию значительно вырос за 10 лет – с 225,1 млн долл. в 2012 г. до 560 млн долл. в 2022 г. (см. данные табл. 3). Импорт Египта из России снизился за 10 лет – с 3988,8 млн долл. в 2012 г. до 3355,2 млн долл. в 2022 г. Общий товаро-

оборот между Египтом и Россией немного снизился – с 4213,9 млн долл. в 2012 г. до 3915,2 млн долл. в 2022 г.

Общий экспорт и импорт Египта значительно вырос за этот период, что отражает рост экономики и внешней торговли Египта. Доля экспорта Египта в РФ в общем объеме экспорта Египта увеличилась. Все эти статистические данные указывают на увеличение товарооборота между странами, что является фактом взаимопонимания и желания развивать отношения в различных сферах и реализовывать новые проекты.

2. После крушения российского пассажирского самолета 31 октября 2015 г. террористическая организация ИГИЛ взяла на себя ответственность за данный теракт, что привело к проведению совместных военных учений Россией и Египтом, создав платформу для обмена опытом в области борьбы с терроризмом. Это подтверждает не только тот факт, что страны уделяют особое внимание сотрудничеству в борьбе с терроризмом, от которого страдает регион, и придают важное значение соглашениям постоянного характера, но и то, что действия Российской Федерации на ближневосточном театре военных действий основаны на приверженности России к активной роли в региональных кризисах.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что российско-египетские отношения характеризуются гармонией и взаимодействием в решении многих вопросов и кризисов, наблюдаемых в регионе Ближнего Востока, поэтому ожидается, что отношения между двумя странами будут и в дальнейшем продолжаться и развиваться, несмотря на наличие некоторого внешнего давления.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова И.О. Экономические реформы и перспективные направления деятельности российских коммерческих структур в Египте // Ближний Восток и современность. Вып. 13. М.: ИИИиБВ, 2002. С. 210–220.

Бирюков Е.С. Политика Египта по созданию зон свободной торговли и перспективы создания зон свободной торговли между Россией и Египтом // Международная торговля и торговая политика. 2019. № 1 (5). С. 55–64.

Бирюков Е.С. Российско-египетские торговые отношения // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. Т. 1. № 4. С. 34–37.

- Воболевич А.А. Современные экономические стратегии Египта // Свободная мысль. 2021. № 3. С. 161–174.
- Долгов Б.В. Арабский мир в начале XXI века // Ближний Восток и Северная Африка. М.: Восток, 2009. № 5. С. 89–100.
- Емельянов А.А. Египет и ЕС: проблемы взаимодействия // Ближний Восток и современность. Вып. 33. М.: ИБВ, 2007. С. 127–138.
- Ибрагимов И.И. Египет и ЕАЭС: новый формат экономического сотрудничества // Россия и новые государства Евразии. 2022. № III (LVI). С. 105–119.
- Исаев Л.М., Коротаев А.В. Египетский переворот 2013 г.: опыт эконометрического анализа // Азия и Африка сегодня. 2014. № 2. С. 14–20.
- Крылов Д.С. Перспективы российско-египетского сотрудничества в рамках интеграционных объединений (обзор) // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 3. С. 94–104.
- Мисько О.Н., Дарвиш А.Ш. Российско-египетское сотрудничество в контексте перспектив Большого евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2. С. 46–57.
- Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М.: Медина, 2008. 768 с.
- Немкевич С.Ю., Шафиев Р.М. Инвестиционная привлекательность Египта для России // E-Scio. 2021. № 7 (58). С. 277–283.
- Подцероб А.Б. Военно-техническое сотрудничество России с арабскими странами: состояние, проблемы, перспективы // Ближний Восток и современность. М.: ИБВ, 2011. № 43. С. 188–189.
- Подцероб А.Б. Россия и арабский мир / МГИМО МИД РФ, Институт востоковедения РАН. М.: МГИМО-Университет, 2015. 540 с.
- Подцероб А.Б. Россия – арабский мир: политическое взаимодействие // Ближний Восток и современность. 2010. № 41. С. 113–130.
- Попов В.В., Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? // Институт востоковедения РАН: сборник статей. М.: ИВ РАН, 2012. С. 204–221.
- Примаков Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами. М.: Центр-Полиграф, 2016. 415 с.
- Скрябина В.Ю. Экономический эффект от участия России в интеграционных процессах со странами дальнего зарубежья (на примере возможных последствий создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Египтом): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. 28 с.
- Титоренко В.Е. Формирование внешней политики Египта после Г.А. Насера (1970–1993 гг.). М.: Информэлектро, 1994. 320 с.
- Ткаченко А.А. Российско-египетское торгово-экономическое сотрудничество: состояние и перспективы развития // Ближний Восток и современность. Вып. 24. М.: ИИИиБВ, 2004. С. 115–120.
- Филоник А.О. Проблемы российско-арабского делового сотрудничества // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. М.: ИИИиБВ, 2001. С. 224–232.
- Юрченко В.П. Военная политика и военное строительство в странах Арабского Востока (конец XX – начало XXI века). Ч. 2. М., 2007. С. 170–173.
- Al-Ramahi A.K.A. The influential variables in Russian-Egyptian relations under President Abdel Fattah al-Sisi / Institute Magazine. Issue 12. Karbala, 2022.
- Beidaa M.A. Russian policy towards the Arab region from 2012–2000. Baghdad: House of wisdom, 2014.
- Bounajem M. Les armes au service de la politique // Arabies. 1997, Juillet–Aout. P. 26.
- Khlebnikov A. Russia and Egypt: A Precarious Honeymoon // Analysis. 24.09.2019. URL: <https://research.sharqforum.org/2019/09/24/russia-and-egypt> (date of access: 30.01.2025).
- Salman N. Freemasonry and Zionism and their role in the fall of the Soviet Union. Damascus: Aladdin House, 2007.
- Stations in the history of Egyptian-Russian relations // MASRAWY. 20.11.2013 (in Arabic). URL: https://www.masrawy.com/news/news_reports/details/2013/11/20/137890 (date of access: 8.01.2025).
- Strategic partnership. Egyptian-Russian relations since June 30, 2013 // Arabic Centre for Research and Studies. 5.07.2021 (in Arabic). URL: <http://www.acrseg.org/41891> (date of access: 8.01.2025).

REFERENCES

- Abramova I.O.* Ekonomicheskie reform I perspektivnye napravleniya deyatel'nosti rossiyskikh kommercheskikh struktur v Egipte // *Blizhniy Vostok i sovremennost'* Issue 13. M., 2002. S. 210–220. (In Russ.) [*Abramova I.O.* Economic reforms and promising areas of activity of Russian commercial structures in Egypt // *The Middle East and Modernity*. Issue 13. M., 2002. P. 210–220.]
- Al-Ramahi A.K.A.* The influential variables in Russian-Egyptian relations under President Abdel Fattah al-Sisi / *Institute Magazine*. Issue 12. Karbala, 2022.
- Beidaa M.A.* Russian policy towards the Arab region from 2012–2000. Baghdad: House of wisdom, 2014.
- Biryukov E.S.* Politika Egipta po sozdaniyu zon svobodnoj trgovli i perspektivy sozdaniya zon svobodnoj trgovli mezhdru Rossiej i Egiptom // *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. 2016. № 1 (5). S. 55–64. (In Russ.) [*Biryukov E.S.* Egypt's Policy on the Creation of Free Trade Zones and the Prospects for the Creation of Free Trade Zones between Russia and Egypt // *International trade and trade policy*. 2019. № 1 (5). P. 55–64.]
- Biryukov E.S.* Rossijsko-Egipetskie trgovye otnosheniya // *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. 2017. № 4. Vol. 1. S. 34–37. (In Russ.) [*Biryukov E.S.* Russian-Egyptian trade relations // *Economy and business: theory and practice*. 2017. Vol. 1. № 4. P. 34–37.]
- Bounajem M.* Les armes au service de la politique // *Arabies*. 1997, Juillet–Aout. P. 26.
- Dolgov B.V.* Arabskiy mir v nachale XXI veka // *Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika*. M.: Vostok, 2009. № 5. S. 89–100. (In Russ.) [*Dolgov B.V.* The Arab World at the Beginning of the Twenty-first Century // *The Middle East and North Africa*. M.: Vostok, 2009. № 5. P. 89–100.]
- Emel'yanov A.A.* Egipet i ES: problemyvzaimodeystviya // *Blizhniy Vostok i sovremennost'* Issue 33. M., 2007. S. 127–138. (In Russ.) [*Emel'yanov A.A.* Egypt and the EU: Problems of Interaction // *The Middle East and Modernity*. Issue 33. M., 2007. P. 127–138.]
- Filonik A.O.* Problemy rossiysko-arabskogo delovogo sotrudnichestva // *Rossiya na Blizhnem Vostoke: tseli, zadachi, vozmozhnosti*. M., 2001. S. 224–232. (In Russ.) [*Filonik A.O.* Problems of Russian-Arab business cooperation // *Russia in the Middle East: goals, objectives, opportunities*. M., 2001. P. 224–232.]
- Ibragimov I.I.* Egipet i EAES: novyj format ekonomicheskogo sotrudnichestva // *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*. 2022. № III (LVI). P. 105–119. (In Russ.) [*Ibragimov I.I.* Egypt and the EAEU: A New Format of Economic Cooperation // *Russia and the New States of Eurasia*. 2022. № III (LVI). P. 105–119.]
- Isaev L.M., Korotaev A.V.* Egipetskiy perevorot 2013 g.: opytkonometrichestskogo analiza // *Aziya i Afrika segodnya*. M., 2014. № 2. S. 14–20. (In Russ.) [*Isaev L.M., Korotaev A.V.* The Egyptian Coup of 2013: An Econometric Analysis // *Asia and Africa Today*. 2014. № 2. P. 14–20.]
- Khlebnikov A.* Russia and Egypt: A Precarious Honeymoon // *Analysis*. 24.09.2019. URL: <https://research.sharqforum.org/2019/09/24/russia-and-egypt> (date of access: 30.01.2025).
- Krylov D.S.* Perspektivy rossiysko-yegipetskogo sotrudnichestva v ramkakh integratsionnykh ob'yedineniy (obzor) // *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki*. 2023. № 3. S. 94–104. (In Russ.) [*Krylov D.S.* Prospects for Russian-Egyptian cooperation within the framework of integration associations (review) // *Social innovations and social sciences*. 2023. № 3. P. 94–104.]
- Mis'ko O.N., Darvish A.Sh.* Rossijsko-egipetskoe sotrudnichestvo v kontekste perspektiv Bol'shogo evrazijskogo partnerstva // *Evrazijskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*. 2023. Vol. 17. № 2. S. 46–57. (In Russ.) [*Misko O.N., Darvish A.Sh.* Russian-Egyptian Cooperation in the Context of the Prospects for the Great Eurasian Partnership // *Eurasian integration: economics, law, politics*. 2023. Vol. 17. № 2. P. 46–57.]
- Naumkin V.V.* Islam i musul'mane: kul'tura i politika (stat'i, ocherki i doklady raznykh let). Nigniy Novgorod, 2008. S. 15–80. (In Russ.) [*Naumkin V.V.* Islam and Muslims: Culture and Politics (articles, essays and reports of different years). Nigniy Novgorod, 2008. P. 15–80.]
- Nemkevich S.Yu., Shafiyev R.M.* Investitsionnaya privlekatel'nost' Yegipta dlya Rossii // *E-Scio*. 2021. № 7 (58). S. 277–283. (In Russ.) [*Nemkevich S.Yu., Shafiev R.M.* Investment attractiveness of Egypt for Russia // *E-Scio*. 2021. № 7 (58). P. 277–283.]
- Podtserob A.B.* Rossiya i arabskiy mir / MGIMO MID RF, Institut vostokovedeniya RAN. M.: MGIMO-Universitet, 2015. 540 s. (In Russ.) [*Podtserob A.B.* Russia and the Arab world / MGIMO MFA RF, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. M.: MGIMO-University, 2015. 540 p.]
- Podtserob A.B.* Rossiya – Arabskiy mir: politicheskoe vzaimodeystvie // *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. 2010. № 41. S. 113–130. (In Russ.) [*Podtserob A.B.* Russia – Arab world: political interaction // *Middle East and modernity*. 2010. № 41. P. 113–130.]

Podtserob A.B. Voenno-tehnicheskoe sotrudnichestvo Rossii s arabskimi stranami: sostoyanie, problemy, perspektivy // *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. M., 2011. № 43. P. 188–189. (In Russ.) [*Podtserob A.B.* Military-technical cooperation of Russia with the Arab countries: status, problems, prospects // *Middle East and modernity*. M.: IBV, 2011. № 43. P. 188–189.]

Popov V.V., Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. Blizhniy Vostok, arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she? / Institut vostokovedeniya RAN: sbornik statey. M., 2012. S. 204–221. (In Russ.) [*Popov V.V., Kuznetsov V.A., Naumkin V.V.* Middle East, Arab awakening and Russia: what's next? / Institute of Oriental Studies of RAS: digest of articles. M., 2012. P. 204–221].

Primakov Ye.M. Konfidentsial'no: Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami. M.: Tsentr-Poligraf, 2016. 415 s. [*Primakov E.M.* Confidential: The Middle East on stage and behind the scenes. M.: Center-Polygraph, 2016. 415 p.]

Salman N. Freemasonry and Zionism and their role in the fall of the Soviet Union. Damascus: Aladdin House, 2007.

Skryabina V.Y. Ekonomicheskij effekt ot uchastiya Rossii v integracionnyh processah so stranami dal'nego zarubezh'ya: na primere vozmozhnyh posledstvij sozdaniya zony svobodnoj trgovli mezhdue EAES i Egiptom: avtoref. diss. ... kand. ekon. Nauk. M., 2019. 28 s. (In Russ.) [*Skryabina V.Y.* Economic effect of Russia's participation in integration processes with non-CIS countries: on the example of the possible consequences of the creation of a free trade zone between the EAEU and Egypt: abstract of dis. ... Ph.D. (Economy). M., 2019. 28 p.]

Stations in the history of Egyptian-Russian relations // MASRAWY. 20.11.2013 (in Arabic). URL: https://www.masrawy.com/news/news_reports/details/2013/11/20/137890 (date of access: 8.01.2025).

Strategic partnership. Egyptian-Russian relations since June 30, 2013 // Arabic Centre for Research and Studies. 5.07.2021 (in Arabic). URL: <http://www.acrseg.org/41891> (date of access: 8.01.2025).

Titorenko V.E. Formirovanie vneshney politiki Egipta posle G.A. Nasera (1970–1993 gg.). M., 1994. (In Russ.) [*Titorenko V.E.* Formation of the foreign policy of Egypt after GA Nasser (1970–1993 years). M., 1994.]

Tkachenko A.A. Rossiysko-egipetskoe torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo: sostoyanie i perspektivy razvitiya // *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. Vip. 24. M., 2004. S. 115–120. (In Russ.) [*Tkachenko A.A.* Russian-Egyptian trade and economic cooperation: status and development prospects // *The Middle East and Modernity*. Issue 24. M., 2004. P. 115–120.]

Vobolevich A.A. Sovremennye ekonomicheskie strategii Egipta // *Svobodnaya mysl'*. 2021. № 3. S. 161–174. (In Russ.) [*Vobolevich A.A.* Modern Economic Strategies of Egypt // [Free thought]. 2021. № 3. P. 161–174.]

Yemel'yanov A.A. Yegipet i YES: problemy vzaimodeystviya // *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. Vyp. 33. M.: IBV, 2007. S. 127–138. (In Russ.) [*Yemelyanov A.A.* Egypt and the EU: Problems of Interaction // *The Middle East and Modernity*. Issue. 33. Moscow: IBV, 2007. P. 127–138.]

Yurchenko V.P. Voennaya politika i voennoe stroitel'stvo v stranakh Arabskogo Vostoka (konets XX – nachalo XXI veka). Chast' 2. M., 2007. S. 170–173. (In Russ.) [*Yurchenko V.P.* The military policy and military development in the countries of the Arab East (the end of 20th – beginning of 21st century). Part 2. M., 2007. P. 170–173.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мордвинцев Устин Игоревич, магистр кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

E-mail: ustin.mordvincev1@gmail.com

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).

E-mail: agazade-mm@rudn.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ustin I. Mordvintsev, master student of Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

E-mail: ustin.mordvincev1@gmail.com

Mirmehdi Mirkamil ogly Aghazada, PhD (History), associate professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).

E-mail: agazade-mm@rudn.ru

МОЛДАВИЯ И ПРИДНЕСТРОВЬЕ

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В МОЛДОВЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

Научная статья

Н.И. Харитонова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>
E-mail: natahari@yandex.ru*

Статья посвящена анализу процесса подготовки ключевых политических сил Республики Молдова к выборам в национальный парламент и перспективам европейской интеграции страны. Целью настоящего исследования является определение зависимости между результатами выборов и продолжением/ослаблением/интенсификацией курса на европейскую интеграцию Молдовы. Для этого были решены следующие задачи: проанализирована проблема определения сроков проведения выборов; охарактеризованы ключевые политические формирования, претендующие на прохождение в национальный парламент; дана оценка перспектив дальнейшей евроинтеграции страны в зависимости от результатов электоральной кампании; проанализировано влияние внешних факторов на итоги выборов. По результатам исследования были сформулированы следующие выводы. Электоральные перспективы Молдовы в настоящее время находятся в русле реализации западных интересов. В случае, если команда Президента Майи Санду заручится поддержкой определенных сил в Брюсселе и/или США, ей удастся сохранить позиции своей партии «Действие и солидарность». В случае отсутствия такой поддержки ситуация будет развиваться по другому сценарию, однако тоже выгодному Западу – команда Санду, от которой население страны устало, сменится более адекватной проевропейски ориентированной командой с более высоким уровнем доверия. И курс на европейскую интеграцию, т.е. на отдаление от России, продолжится, так как Молдова продолжает оставаться плотно встроеной в евразийскую стратегию США и восточноевропейскую стратегию Европы.

Ключевые слова: Молдова, внутренняя политика, выборы, парламент, европейская интеграция, оппозиция.

Для цитирования: Харитонова Н.И. Парламентские выборы в Молдове и перспективы евроинтеграции // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 310–319.

PARLIAMENTARY ELECTIONS IN MOLDOVA AND PROSPECTS FOR EUROPEAN INTEGRATION

Research article

N.I. Kharitonova

*Russian State University for Humanities
Moscow, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>
E-mail: natahari@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of the process of preparation of key political forces of the Republic of Moldova for the elections to the national parliament and the prospects for European

integration of the country. The purpose of this study is to determine the relationship between the election results and the continuation/weakening/intensification of the course towards European integration of Moldova. For this purpose, the following tasks were solved: the problem of determining the timing of the elections was analyzed, the key political formations claiming to enter the national parliament were characterized, the prospects for further European integration of the country were assessed depending on the results of the electoral campaign, and the influence of external factors on the election results was analyzed. The following conclusions were formulated based on the results of the study. Moldova's electoral prospects are currently in line with the implementation of Western interests. If President Maia Sandu's team secures the support of certain forces in Brussels and/or the United States, it will be able to maintain the positions of its Action and Solidarity party. In the absence of such support, the situation will develop according to a different scenario, however, also beneficial to the West-Sandu's team, which the country's population is tired of, will be replaced by a more adequate pro-European oriented team with a higher level of trust. And the course towards European integration, i.e., distancing itself from Russia, will continue, since Moldova continues to remain tightly integrated into the Eurasian strategy of the United States and the Eastern European strategy of Europe.

Key words: *Moldova, domestic politics, elections, parliament, European integration, opposition.*

For citation: *Kharitonova N.I. Parliamentary elections in Moldova and prospects for European integration // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 310–319. (In Russ.)*

В Молдове продолжается электоральный цикл: в 2023 г. прошли местные выборы, в 2024 г. – президентские выборы в один день с республиканским конституционным референдумом по членству Республики Молдова в Европейском союзе, в 2025 г. должны пройти парламентские выборы. 101 депутат парламента Республики Молдова (РМ) избирается в соответствии с пропорциональной системой. Избирательный порог для прохождения в парламент составляет: для политических партий – 5%, для политических блоков, состоящих из двух и более партий, – 7%, для независимых кандидатов – 2%. Особенностью выборов в Молдове является традиционно низкая явка. На досрочных парламентских выборах в 2021 г. явка составила 48,41%.

Электоральные кампании в Молдове в последние два десятилетия имеют геополитическую основу [Лавренов, 2020; Шаповалов, 2016], сами кампании отличаются популизмом [Aleksanyan, 2022]. Как правило, за президентский пост и контроль над национальным представительным органом и, соответственно, правительством (Молдова является парламентской республикой) конкурируют политические силы, олицетво-

ряющие пророссийский или прозападный курс. В рамках предыдущего электорального цикла к власти пришли прозападные силы, начавшие проводить последовательную политику, направленную на интеграцию Молдовы в ЕС [Мальчушкин, 2021] и параллельно – крайне жесткую антироссийскую политику [Харитоновна, 2024]. Реализация обоих курсов в последние 3 года жестко увязывается с украинским кризисом и Специальной военной операцией России на Украине, которую молдавские власти осудили буквально в первые дни начала ее реализации. Ключевая характеристика действующих властей в Республике – это несамоостоятельность и всеобъемлющая зависимость от Запада. Майе Санду в октябре 2024 г. удалось избраться на второй президентский срок благодаря поддержке Запада и использованию административного ресурса и масштабных манипуляций в процессе голосования и подсчета голосов. Но даже это не помогло легитимировать ее формальную победу на выборах. Из данных, утвержденных ЦИК РМ, следует, что внутри границ Молдовы Санду проиграла своему оппоненту – экс-генеральному прокурору Республики Александру Стояногло,

выдвинутого оппозиционной Партией социалистов Республики Молдова¹. С этими данными коррелировали и результаты республиканского референдума по евроинтеграции Молдовы. Таким образом, к парламентским выборам общество Молдовы подходит в состоянии глубокого раскола и определенного разочарования в европейском курсе Молдовы. Результаты социологических обследований подтверждают продолжающуюся поляризацию общества².

Сроки проведения выборов. Парламентские выборы в Молдове должны пройти не раньше, чем через 6 месяцев после президентских выборов, которые прошли 20 октября 2024 г., но не позже 11 июля (прошлые парламентские выборы прошли 11 июля 2021 г.). В соответствии с поправками, внесенными в Кодекс о выборах в конце 2022 г., Центральная избирательная комиссия Молдовы назначает дату проведения местных выборов, но не президентских и парламентских. Кодекс о выборах предусматривает, что президентские и парламентские выборы должны быть проведены не позднее, чем в 3-месячный срок после истечения срока полномочий. Дата выборов назначается постановлением парламента. Срок полномочий нынешнего парламента истекает 23 июля 2025 г. Однако до настоящего момента дата выборов не определена, что, очевидно, является следствием изменений в отношениях Вашингтона и Брюсселя, а также серьезных изменений во внешней политике США в связи с приходом новой администрации. В одном из интервью президент Санду упомянула, что выборы могут пройти в сентябре–октябре текущего года. Однако официальных заявлений по этому поводу не было.

¹ ЦИК утвердила отчет об итогах выборов Президента Республики Молдова от 1 ноября 2020 г. // ЦИК РМ. URL: https://a.cec.md/ru/tsik-utverdila-otchet-ob-itogakh-vyborov-prezidenta-respubliki-moldova-ot-1-noya-2781_98245.html (дата обращения: 11.03.2024).

² Опрос iData: доверие к PAS падает, почти половина считают, что страна движется в неправильном направлении // Блокнот Молдова. 27.02.2025. URL: <https://bloknot-moldova.ru/news/opros-idata-doverie-k-pas-padaet-pochti-polovina-s-1830548> (дата обращения: 27.02.2025).

После победы Санду на президентских выборах в ноябре 2024 г. власти планировали провести выборы весной, чтобы эксплуатировать «остаточный эффект» и инерцию президентской компании (максимально мобилизован политактив, проевропейский и прорумынский электорат), отлаженные механизмы фальсификаций результатов и неготовность оппозиции к новой электоральной кампании (оппозиция рассчитывала, что выборы пройдут летом). Санду также рассчитывала на то, что в Госдепартаменте США чиновники – представители демократической партии – не сразу будут заменены чиновниками-республиканцами, чье отношение к Молдове и к команде Санду не было в тот момент очевидным. Так, Санду рассчитывала получить финансирование (к примеру, в виде грантов) и успеть пустить эти средства на предвыборную кампанию своей партии «Действие и солидарность» (PAS). Она понимала, что более поздние сроки выборов могут повлиять на размер западной помощи, которую можно на них потратить.

Однако уже к концу января 2025 г. негативная реакция населения на рост тарифов в отопительный период заставили президенту отказаться от этих планов. Власти понимали, что население будет негативно настроено в отношении властей из-за высоких тарифов на ЖКХ и накопившихся долгов, с которыми большинство сможет рассчитаться только ближе к осени. Это обстоятельство использовалось бы активной оппозицией в конкурентной борьбе в ходе подготовки к выборам в национальный парламент. И, конечно, серьезнейшие коррективы в электоральную стратегию властей Молдовы привнесла смена администрации в США и последовавшие за этим сокращение финансовой поддержки со стороны Вашингтона и закрытие программ USAID, а также разногласия ЕС и США по вопросу политики в Восточной Европе.

Основные претенденты на прохождение в парламент. Ключевым претендентом на большую долю мест в национальном парламенте остается правящая президентская партия «Действие и солидарность», чей рейтинг неуклонно снижается, но чью победу практически гарантирует админи-

стративный ресурс (возможно, в меньших масштабах, чем он был использован на президентских выборах в прошлом году, так как партии-оппоненты постараются организовать более плотный контроль за подсчетом голосов, большее число наблюдателей и т.д.). На выборах 2021 г. партия набрала 52,8% голосов и провела в парламент 63 депутатов, т.е. взяла большинство, что позволило команде Санду проводить практически любые решения, невзирая на мнение оппозиции. Под будущие парламентские выборы был проведен частичный ребрендинг президентской политсилы: еще перед вторым туром президентских выборов нейтральный слоган «За Молдову» был заменен алармистским «Спасем Молдову». В ходе предвыборной кампании молдавскому электорату будет внушаться, что сделать это можно, только обеспечив большинство в парламенте президентской партии «Действие и солидарность». Однако команде Санду придется потратить массу усилий на нейтрализацию фрустрационных настроений даже правого и западно-ориентированного избирателя – даже он испытывает чувство глубокого разочарования в правящей партии.

Есть все основания полагать, что в национальный парламент пройдут Партия социалистов республики Молдова (ПСРМ) Игоря Додона и Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ) Владимира Воронина, еще в 2021 г. объединившиеся в Избирательный блок коммунистов и социалистов (на прошлых парламентских выборах блок занял 2-е место, набрав 27,17%, и провел в парламент 32 депутатов). Велика вероятность, что на парламентские выборы партии также пойдут в составе блока.

Значительный потенциал к прохождению в национальный парламент имеет оппозиционный избирательный блок «Победа» условно левого толка, куда входит партия «Шор» молдавского бизнесмена Илана Шора (на прошлых выборах партия набрала 5,74% голосов и провела 6 депутатов, была объявлена властями неконституционной накануне местных выборов в ноябре 2023 г. и ее выдвигенцы были сняты с гонки), а также ряд партий и движений, аффилированных с Шором. Их кандидата на прези-

дентских выборах Василия Болю власти также сняли с президентских выборов. Однако блок проводит крайне активную политику весь период до и после местных и президентских выборов, работая на результат на парламентских выборах. Политформирование Шора активно взаимодействует с Россией, проводит массу мероприятий в Москве, взаимодействуя с российским АНО «Евразия».

Особое место в молдавском политическом поле занимает бизнесмен и политик-популист Ренато Усатый. Его избирательный блок «Ренато Усатый», в который входят «Наша партия» и Партия «Patria», как и ранее, будет проводить популистскую линию (на прошлых выборах блок, набрав всего 4,1% голосов, в парламент не прошел), но шансы на прохождение в парламент у него крайне низкие. Специфика этой политсилы заключается в том, что она, позиционируя себя в качестве оппозиционной, играет роль спойлера, фактически поддерживая правящий режим.

Наконец, новое политформирование, созданное непосредственно под парламентские выборы – избирательный блок «Альтернатива», куда вошли силы правой оппозиции «Национальное альтернативное движение» (MAN) примара (мэра) Кишинева Иона Чебана, Партия развития и объединения Молдовы экс-премьера Иона Кикю и «Гражданский конгресс» Марка Ткачука. Возглавил блок экс-генпрокурор Александр Стяногло, соперник Санду на президентских выборах в 2024 г., победивший внутри границ Молдовы.

Согласно данным опросов общественного мнения, проведенным в конце февраля 2025 г. социологической компанией iData, если бы в ближайшее воскресенье в стране прошли парламентские выборы, то ни одна партия не смогла бы получить большинство голосов и самостоятельно сформировать правительство. За правящую партию «Действие и солидарность» проголосовали бы 27,2%. На втором месте – Партия социалистов с 13,3%, на третьем – блок «Победа» Шора, который поддержали бы 11,8% опрошенных. В парламент могли бы пройти также «Наша партия» Усатого и Партия коммунистов, за которые готовы голосо-

вать 5,1 и 4,3% соответственно. Данные приводятся без учета голосов диаспоры и Приднестровья¹.

После появления блока «Альтернатива» власти начали вести более активную работу по разобщению оппозиции и выведению из политического поля ключевых оппозиционных фигур. Так, в отношении Александра Стояногло судом было возобновлено уголовное дело. С большой вероятностью оно ничем не закончится, так как цель властей – не осудить Стояногло, а не дать ему вести полноценную политическую деятельность в рамках выборной кампании. Продолжается давление на политформирования Илана Шора и на власти оппозиционно настроенной в отношении Кишинева Гагаузии, являющиеся представителями команды Шора. Осенью 2024 г. в политический и юридический оборот властями была введена категория «электоральная коррупция», которая уже активно используется в борьбе с оппозицией в ходе подготовки к выборам.

Коалиционные перспективы в будущем парламенте. Большинство специалистов склонны считать, что на этот раз президентская партия «Действие и солидарность» не сможет взять большинство и контролировать национальный парламент. Именно поэтому оппозиция озабочена тем, чтобы никто из ее соперников на выборах не изменил свою позицию и не пошел на формирование коалиции с президентской партией. Так, бывшая башкан Гагаузии и лидер партии «Сердце Молдовы» Ирина Влах предложила оппозиционным политформированиям подписать обязательство не вступать в коалицию с партией «Действие и солидарность» после выборов. Влах рассчитывала на то, что документ могут подписать ПСРМ, еще не состоявшая в блоке «Альтернатива» партия «Движение национальной альтернативы» (MAN) Иона Чебана, «Наша партия» Ренато Усатого, то есть те политические силы, которые традиционно упрекают в сговоре с президент-

ской партией [Кандель, 2020: 60]. В результате ПСРМ пообещала не вступать в коалицию с правящей партией. Чебан и Усатый не присоединились к инициативе Влах. Политформирования Шора, как и Стояногло (еще до формирования блока), остаются в стороне от этой дискуссии как самые последовательные противники режима. Что касается возможных коалиций в будущем парламенте, то аналитики вполне допускали возможность объединения правящей партии с партиями Чебана и Усатого, а также партией Кику. В связи с этим обращают на себя внимание перспективы нового предвыборного блока «Альтернатива», который в качестве программных целей объявил продолжение интеграции Молдовы в Европейский союз (предвыборной программы, однако, представлено не было).

Вместе с тем «Альтернатива» пока находится в состоянии «идеологической неопределенности», обозначая лишь общие направления своей предвыборной программы. Это, с одной стороны, позволяет им постепенно оттягивать на себя электорат правящей партии «Действие и солидарность», а с другой – рисковать рейтингом из-за падающей популярности идеи европейской интеграции. Такая «идеологическая неопределенность» блока может привлечь и левый, и центристский электорат, уставший от обещаний ПСРМ, по инерции играющей роль ключевой оппозиционной силы, которые не выполняются, но и не готовый голосовать за предвыборный блок политформирований Илана Шора «Победа». В этом смысле не исключено, что в будущем парламенте блок «Альтернатива» вполне может войти в коалицию с правящей партией и, таким образом, сохранить у власти правые силы, ориентированные на ЕС, но при этом обновить и оздоровить их состав. Это необходимо «западным куратором» Молдовы для преодоления кризиса власти (кризис подтверждается низкими рейтингами Президента Санду и партии «Действие и солидарность») и заодно последствий снижения популярности идеи евроинтеграции Молдовы из-за неуклюжей политики правящей партии и главы государства.

В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что блок «Альтернати-

¹ Опрос iData: Доверие к PAS падает, почти половина считает, что страна движется в неправильном направлении // Блокнот Молдова. 27.02.2025. URL: <https://bloknot-moldova.ru/news/opros-idata-doverie-k-pas-padaet-pochti-pоловина-s-1830548> (дата обращения: 27.02.2025).

ва» на момент подготовки статьи не отреагировал на предложения экс-башкана Гагаузии Ирины Влах подписать обязательства не вступать в коалицию с правящей партией в случае вхождения в новый парламент. Предложение блоку было озвучено 10 февраля 2025 г. и было вполне ожидаемым, так как «Альтернатива» заявляла ранее, что придерживается проевропейского курса, как и правящая партия.

Проевропейская повестка накануне выборов. В ходе подготовки к парламентским выборам в Молдове и власти, и правая политическая оппозиция озабочены поиском наиболее выгодного формата для позиционирования идеи европейской интеграции Молдовы. Это связано с тем, что в настоящее время в стране наблюдается снижение уровня популярности проевропейской политики. Усугубило эту чувствительную для правящего режима ситуацию потепление отношений России и США и антиевропейская риторика новой администрации в Вашингтоне. Таким образом, если правящая партия не озаботится корректировкой своей предвыборной стратегии, вопрос о необходимости создания коалиции в новом парламенте будет стоять очень остро. При этом не исключено, что в коалицию может войти блок «Альтернатива», позиционирующий себя в качестве оппозиционного.

Открытых данных о том, что в Молдове идея популярности европейской интеграции падает, нет, однако социологи и эксперты обсуждают эту проблему в рамках профессиональных дискуссий. В частности, они указывают, что интерес населения Молдовы к европейской интеграции упал до уровня 40%, в то время как накануне республиканского референдума по евроинтеграции, прошедшего в день президентских выборов в конце сентября прошлого года, идею внесения соответствующих изменений в Конституцию страны поддерживало 46% населения. Результаты референдума показали, что, вопреки заявлениям властей, далеко не все в Молдове поддерживают реализуемое ими внешнеполитическое направление. Эта тенденция, а также уровень текущей поддержки курса на евроинтеграцию, заставляют прийти к выводу о том, что эта идея более не внушает доверия

населению. Причинами этого являются кризис в энергетике, рост тарифов ЖКХ, удорожание топлива, ситуация на внешнеполитическом направлении в связи с конфликтом на Украине и прочие изменения, ассоциирующиеся с европейской интеграцией [Шорников, 2024]. Заявление Урсулы фон дер Ляйен 24 февраля 2025 г. об интеграции энергосетей Молдовы и Украины в энергосистему ЕС уже в следующем, 2026, году было воспринято в Молдове как признак очередного и неминуемого роста тарифов.

Наблюдатели обращают внимание на то, что в последнее время представители власти стараются как можно аккуратнее высказываться относительно проевропейского курса Молдовы, однако в целом риторику пока не меняют. Европейские функционеры, находящиеся в Молдове, также ведут себя менее активно и, вероятно, озабочены необходимостью «переупаковать» идею евроинтеграции Молдовы с учетом текущих европейских и молдавских реалий. Следовательно, фактор падающего уровня поддержки населением курса на евроинтеграцию должен учитываться и правящей партией, и оппозицией. Далее использовать риторику о светлом европейском будущем Молдовы в том формате, в котором это было вплоть до президентских выборов и референдума, эффективно не получится. Тем более что власти Молдовы не могут не учитывать изменения в мировой политике в связи с налаживанием диалога между Москвой и Вашингтоном в рамках украинского кейса. Однако, вопреки логике, Санду 24 февраля 2025 г. приняла участие в онлайн-саммите «Стратегия обороны и безопасности единства. План действий», прошедшем в Киеве¹, таким образом продемонстрировав приверженность Брюсселю и европейским бюрократам.

Тем временем новый избирательный блок «Альтернатива» весьма чутко реагирует на изменения в международной рас-

¹ Майя Санду: мы поддерживаем Украину в получении гарантий прочного мира // Ведомости Гагаузии. 25.02.2025. URL: <https://gagauzvedomosti.md/2025/02/25/majya-sandu-my-podderzhivaem-ukrainu-v-poluchenii-garantij-prochnogo-mira> (дата обращения: 12.03.2025).

становке сил. Функционеры этой политсилы скептически оценивают эффективность использования риторики о европейской интеграции в предвыборной кампании блока. Дело еще и в том, что ни один из медийных представителей блока прямо не ассоциируется с проевропейским курсом. Так, например, глава присоединившегося к блоку «Гражданский конгресс» Марк Ткачук не может себя позиционировать как проевропейский политик. Кроме того, как указывалось, «Альтернатива» пока находится в состоянии «идеологической неопределенности», прежде всего, с целью снизить электоральные риски из-за падающей популярности идеи европейской интеграции Молдовы.

Фактор Гагаузии и Приднестровья на выборах. Кишинев проводит неприкрытую политику ущемления прав Гагаузии и не скрывает желаний полной ликвидации автономии. На Евгению Гуцул, нынешнего башкана Гагаузии, являющуюся членом команды Илана Шора, оказывается давление со стороны центра, она до сих пор с момента избрания на этот пост в мае 2023 г. не введена Президентом Санду в состав правительства Молдовы, как предусмотрено законодательством Республики. Все инициативы Гуцул и ее правительства для улучшения социально-экономической ситуации в автономии (дешевый природный газ, поставки продукции на российский рынок и проч.) целенаправленно пресекаются центром. Власти проявляют повышенный интерес к региону, гагаузские политики и политические активисты находятся в фокусе внимания силовых ведомств Молдовы. В Кишиневе, отмечая пророссийскую ориентацию автономии [Биткова, 2016], называют жителей Гагаузии «путинским электоратом».

Можно с уверенностью прогнозировать, что население автономии будет в массе голосовать за избирательный блок «Победа», однако ограниченная численность электората не может критически повлиять на результаты выборов. Политические элиты автономии активизировались: 15 февраля 2025 г. в Комрате прошел Съезд депутатов всех уровней, на котором, кроме прочего, народными избранниками было озвучено требование выделить квоты в национальном парламенте для Гагаузии.

С Приднестровьем отношения у Кишинева остаются напряженными. Ситуацию усугубил энергетический кризис, спровоцированный Кишиным (весь январь текущего года непризнанная Республика жила без газа и с отключениями электроэнергии). Традиционно Тирасполь сторонится участия в электоральных процессах на правом берегу. Левые силы в Молдове, находясь у власти, были заинтересованы в участии граждан Молдовы с левого берега в выборах, так как они чаще всего поддерживали левых. Правые, придя к руководству правобережной Молдовы, последовательно с каждым новыми выборами сокращают количество участков, на которых могут проголосовать жители левого берега, обладающие молдавским гражданством. Есть основания полагать, что на парламентских выборах их количество будет сокращено до минимума либо вообще участки не будут открыты. В риторике властей и крайне правых «приднестровский режим» остается угрозой национальной безопасности, остальные политические силы выступают за мирное урегулирование конфликта, однако в интересах единой Молдовы.

Влияние внешних игроков на результаты парламентских выборов. В настоящее время ключевое влияние на политическую ситуацию в Молдове оказывает Запад – ЕС и США, в меньшей степени – Румыния, которая сама находится в электоральном цикле и которую сотрясают скандалы, связанные с выборами (Санду поддерживала соперников лидера президентской гонки Кэлина Джорджеску, чью победу власти Румынии «отменили»). Судя по поведению и риторике политического руководства Молдовы, в условиях де-факто раскола западного мира и нарастающих противоречий между Вашингтоном, где ближайшие 2 года будут безраздельно править республиканская администрация во главе с Трампом, и Брюсселем, где евробюрократия, приверженная демократическим идеям, сохраняет позиции, команда Санду, всегда работавшая с Демпартией, осталась верной Брюсселю. Госдепартамент США, где произошли кадровые изменения, до сих пор не направил посла США в Молдову (с мая 2024 г. США в Молдове представ-

ляют поверенные в делах), финансирование поступает только по тем программам, которые были одобрены при Байдене. Санду вынуждена действовать в ситуации стратегической неопределенности, когда Брюссель и Вашингтон заняты глобальными вопросами и никому из них нет дела до выборов в Молдове, которые без поддержки с их стороны неминуемо будут проиграны президентской партией. Именно по этой причине пока не назначена дата выборов, так как Кишинев не может определиться с донорами и ресурсами, необходимыми для того, чтобы удержаться у власти.

Влияние Румынии на политические и социально-экономические процессы в Молдове сохранится, как и унионистские настроения в среде молдавской элиты [Gosu, 2018; Cîmpoescu, 2016], независимо от результатов выборов. Слишком долго шел процесс румынизации, и режим Санду за 4 года сделал слишком много «успехов» на этом пути, чтобы исход одной электоральной кампании мог кардинально изменить этот процесс. Не последнюю роль здесь играют все те же отношения между США и ЕС. Более того, некоторые специалисты полагают, что давление администрации Трампа на молдавское руководство в русле обозначения его де-факто отсутствующей легитимности и целенаправленное затягивание вопроса с направлением посла в Кишинев означает, что судьба Молдовы уже определена: она должна стать частью Румынии.

Российское влияние в Молдове к настоящему моменту минимизировано, в лучшем случае, носит фрагментарный и крайне несистемный характер. Так, прекращено вещание российских телеканалов, закрыт ряд телеграм-каналов, по-прежнему отсутствует прямое авиасообщение, объявлено о ликвидации Российского центра науки и культуры (Русский дом) и проч. Так называемый «русский след», «вмешательство России», связи с Россией стали в Молдове расхожим инструментом борьбы с политической оппозицией и инакомыслием. Ужесточение антироссийской риторики и ликвидация каналов коммуникации с Россией происходило и происходит в рамках подготовки к выборному циклу [Харитоновна, 2024; Tanasa 2005; Ungureanu, 2018].

Влияние Украины на выборах определяется фактором вооруженного конфликта с Россией (Специальная военная операция России на Украине). Правые в Молдове используют этот фактор в своих интересах для мобилизации алармистки настроенного электората, который технично запугивается «русской угрозой». Команда Санду последовательно и безоговорочно поддерживает Киев. Нынешний режим в Киеве заинтересован в сохранении Санду у власти, так как ее команда обеспечивает транзит через свою территорию, политическую поддержку и гипотетически может «пригласить» Украину для наведения «конституционного порядка» в ПМР (для ВСУ это шанс отвлечь Россию от активности на восточном направлении). Однако сил и средств влиять на исход выборов у нынешней Украины нет.

Турция может влиять на политические процессы в пределах Гагаузии, зачастую в пику Кишиневу и, соответственно, Брюсселю. На выборах республиканского уровня влияние Стамбула минимально, учитывая численность гагаузского электората и в целом пророссийские взгляды населения автономии.

Таким образом, электоральные перспективы Молдовы в настоящее время находятся в створе реализации западных интересов. За 4 года нахождения у власти команду Санду в Молдове были внедрены и отработаны политические механизмы сохранения прозападного курса страны вне зависимости от мнения населения. Этот процесс продолжается, и он, вероятно, сыграет ключевую роль в определении состава будущих парламента и правительства и, соответственно, направления и содержания внутренней и внешней политики Молдовы. Конкретизируя этот вывод, нужно отметить следующее. В случае, если команда Президента Майи Санду заручится поддержкой определенных сил в Брюсселе и/или США, ей удастся сохранить позиции своей партии «Действие и солидарность». Если такой поддержкой заручиться не получится, ситуация будет развиваться по другому сценарию, однако тоже выгодному Западу – команда Санду, от которой население уже устало, сменится более адекватной проев-

ропейски ориентированной командой с более высокими рейтингами. И курс на европейскую интеграцию, т.е. на отдаление от России, продолжится, так как Молдова продолжает оставаться плотно встроенной в евразийскую стратегию США [Харитоно-

ва, 2023] и восточноевропейскую стратегию Европы [Sebotari, 2019]. Этот сценарий могло бы изменить только установление контроля Россией над Одесской областью Украины в ходе Специальной военной операции.

ЛИТЕРАТУРА

Биткова Т. Зона российского влияния: Гагаузия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2016. № 41 (57). С. 12–14.

Кандель П.Е. Президентские выборы в Молдове и парламентские – в Румынии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 6. С. 59–65. DOI: 10.15211/vestnikieran620205965.

Лавренов С.Я., Ушурелу О. Геополитический вектор Молдавии // Обозреватель – Observer. 2019. № 2. С. 92–103.

Мальчушкин Н.А. Молдавия после Додона: перспективы развития российско-молдавского сотрудничества // Управленческое консультирование. 2021. № 7. С. 131–147.

Харитоновна Н.И. Российско-молдавские отношения после начала СВО // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2. С. 117–133.

Харитоновна Н.И. Расстановка сил в регионе приднестровского конфликта в контексте Специальной военной операции России на Украине // Вестник РГГУ. Серия: Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения. 2023. № 2. С. 10–22. DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22.

Шаповалов Б.А. Президентские выборы в Молдове. Расстановка сил за месяц до начала избирательной кампании // Постсоветский материк. 2016. № 3 (11). С. 5–17.

Шорников И.П. Евроинтеграция в условиях чрезвычайной ситуации: молдавский опыт 2022–2023 гг. и вызовы региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 2. С. 143–149.

Aleksanyan N. Mapping Political Populism in the European Post-Transitional Periphery // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. September 2022. Vol. 1 (2). P. 73–91. DOI: W.46991/JOPS/2022.L 1.073.

Cebotari S. The Evolution of the East-European Space's Geopolitical Architecture // Science Time. 2019. № 1 (61). P. 36–46.

Cimpoesu D. Scurta istorie critica a relatiilor bilaterale dintre Romania si Republica Moldova (1991–2016) // Plural: History, Culture, Society. 2016. № 4 (2). P. 156–167.

Gosu A. The time of the oligarch. Relations between Romania and the Republic of Moldova (2009–2018) // Studia Politica. Romanian Political Science Review. 2018. № 18 (3). P. 393–421.

Diaconu V. Transnistrian conflict: frozen, yet solvable // Central Asia and the Caucasus. 2008. № 3-4 (51-52). P. 320–328.

Tanasa R. Televiziunea in campanie electorale din Republica Moldova: implicate politice ale reglementarii // Moldoscopia (Probleme de analizapolitice). 2005. № 3. P. 136–154.

Ungureanu L. Sase decenii de televiziune in Republica Moldova // Arta. 2018. № 2. P. 153–155.

REFERENCES

Aleksanyan N. Mapping Political Populism in the European Post-Transitional Periphery // Journal of Political Science: Bulletin of Yerevan University. September 2022. Vol. 1 (2). P. 73–91. DOI: W.46991/JOPS/2022.L 1.073.

Bitkova T. Zona rossiyskogo vliyaniya: Gagauziya // Yevropeyskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy. 2016. № 41 (57). S. 12–14. (In Russ.) [Bitkova T. The zone of Russian influence: Gagauzia // European security: events, assessments, forecasts. 2016. № 41 (57). P. 12–14.]

Cebotari S. The Evolution of the East-European Space's Geopolitical Architecture // Science Time. 2019. № 1 (61). P. 36–46.

Cimpoesu D. Short critical history of bilateral relations between Romania and the Republic of Moldova (1991–2016) // Plural: History, Culture, Society. 2016. № 4 (2). P. 156–167. (In Romanian.)

Gosu A. The time of the oligarch. Relations between Romania and the Republic of Moldova (2009–2018) // *Studia Politica. Romanian Political Science Review*. 2018. № 18 (3). P. 393–421.

Diaconu V. Transnistrian conflict: frozen, yet solvable // *Central Asia and the Caucasus*. 2008. № 3-4 (51-52). P. 320–328.

Kandel' P.Ye. Prezidentskiye vybory v Moldove i parlamentskiye – v Rumynii // *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Yevropy RAN*. 2020. № 6. S. 59–65. (In Russ.) [Kandel P. Presidential elections in Moldova and parliamentary elections in Romania // *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2020. № 6. P. 59–65.] DOI: 10.15211/vestnikieran 620205965.

Kharitonova N.I. Rossiysko-moldavskiyе otnosheniya posle nachala SVO // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2024. T. 7. № 2. S. 117–133. (In Russ.) [Kharitonova N.I. Russian-Moldovan relations after the start of the Special military operation // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2024. № 2 (7). P. 117–133.]

Kharitonova N.I. Rasstanovka sil v regione pridnestrovskogo konflikta v kontekste Spetsial'noy voyennoy operatsii Rossii na Ukraine // *Vestnik RGGU. Seriya: Yevraziyskiye issledovaniya. Istoriya. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. 2023. № 2. S. 10–22. (In Russ.) [Kharitonova N.I. Alignment of forces in the region of the Transnistrian conflict in the context of Russia's special military operation in Ukraine // *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Eurasian Studies. History. Political Science. International Relations*. 2023. № 2. P. 10–22.] DOI: 10.28995/2686-7648-2023-2-10-22.

Lavrenov S.Ya., Ushurelu O. Geopoliticheskiy vektor Moldavii // *Obozrevatel' – Observer*. 2019. № 2. S. 92–103. (In Russ.) [Lavrenov S.Ya., Ushurelu O.V. Geopolitical vector of Moldova // *Обозреватель–Observer*. 2019. № 2. P. 92–103.]

Mal'chushkin N.A. Moldaviya posle Dodona: perspektivy razvitiya rossiysko-moldavskogo sotrudnichestva // *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. 2021. № 7. S. 131–147. (In Russ.) [Malchushkin N.A. Post-Dodon Moldova: Prospects for the Development of Russian-Moldovan Relations // *Administrative consulting*. 2021. № 7. P. 131–147.]

Shapovalov B.A. Prezidentskiye vybory v Moldove. Rasstanovka sil za mesyats do nachala izbiratel'noy kampanii // *Postsovetskiy materik*. 2016. № 3 (11). S. 5–17. (In Russ.) [Shapovalov B. Presidential elections in Moldova. Arrangement of political forces before the starting of campaign // *Post-Soviet Continent*. 2016. № 3 (11). P. 5–17.]

Shornikov I.P. Yevrointegratsiya v usloviyakh chrezvychaynoy situatsii: moldavskiy opyt 2022–2023 gg. I vyzovy regional'noy bezopasnosti // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2024. T. 7. № 2. S. 143–149. (In Russ.) [Shornikov I.P. European Integration in an Emergency Situation: The Moldovan experience of 2022–2023 and challenges to regional security // *Postsovetskie issledovaniya = PostSoviet Studies*. 2024. № 2 (7). P. 143–149.]

Tanasa R. Television in electoral campaigns in the Republic of Moldova: political implications of regulation // *Moldoscopie (Problems of political analysis)*. 2005. № 3. P. 136–154. (In Romanian.)

Ungureanu L. Six decades of television in the Republic of Moldova // *Arta*. 2018. № 2. P. 153–155. (In Romanian.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харитонова Наталья Ивановна, доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация).

E-mail: natahari@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia I. Kharitonova, dr. of sc. (Political Science), associate professor, chief research fellow of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation).

E-mail: natahari@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В 2019–2024 ГГ.

Научная статья

А.В. Шевченко

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0002-2246-1281
E-mail: shevchenko_an_vl@my.mgimo.ru*

Е.И. Учаев

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-4359-4203
Scopus Author ID: 57280449800
Web of Science Researcher ID: HHN-5491-2022
E-mail: e.uchaev@inno.mgimo.ru*

До сих пор в исследованиях дипломатии де-факто государств основное внимание уделялось общим формам и характеристикам их взаимодействий с другими акторами, тогда как динамический аспект их внешней политики – ее адаптация к изменениям внешней среды – остается малоизученным. В статье на основе анализа онлайн-архива новостей Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) выявляются основные тенденции эволюции внешнеполитических связей ПМР в период 2019–2024 гг., который характеризовался такими внешними «шоками», как COVID-19, приход к власти в Молдове проевропейской партии PAS и СВО России на Украине. Показана динамика развития контактов ПМР с тремя группами акторов – суверенными государствами, международными организациями и другими де-факто государствами, а также отдельно контактов в формате «5 + 2». Проведенный анализ демонстрирует ограниченное воздействие первых двух внешних шоков: приход к власти в Молдове партии PAS привел, главным образом, к заморозке прямых двусторонних (без участия посредников) контактов ПМР с Молдовой, а упавшее в 2020 г. из-за пандемии число внешнеполитических контактов начало восстанавливаться уже в 2021 г. В свою очередь, начало СВО оказало значительное влияние на конфигурацию внешних связей ПМР: последовательно сокращается общее число контактов со всеми группами акторов; среди суверенных государств снижается доля контактов с Россией и увеличивается – с США и европейскими странами; связи с международными организациями в целом оказываются наиболее стабильными, но среди них сокращается доля контактов с ОБСЕ и возрастает – с ЕС и гуманитарными организациями (МККК, организации системы ООН), что связано с наплывом украинских беженцев. Таким образом, кейс Приднестровья иллюстрирует использование де-факто государствами стратегии диверсификации внешних связей как инструмента адаптации к внешним кризисам.

Ключевые слова: непризнанные и частично признанные государства, де-факто государства, внешняя политика, Приднестровье, Приднестровская Молдавская Республика (ПМР), международное признание, государственность.

Для цитирования: Шевченко А.В., Учаев Е.И. Эволюция внешнеполитических связей Приднестровской Молдавской Республики в 2019–2024 гг. // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 320–331.

EVOLUTION OF FOREIGN RELATIONS OF PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC IN 2019–2024

Research article

A.V. Shevchenko

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of Ministry of Foreign Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0002-2246-1281
E-mail: shevchenko_an_vl@my.mgimo.ru*

Ye.I. Uchaev

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of Ministry of Foreign Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-4359-4203
Scopus Author ID: 57280449800
Web of Science Researcher ID: HHN-5491-2022
E-mail: e.uchaev@inno.mgimo.ru*

Researchers of the diplomacy of de facto states have so far concentrated mostly on the general forms and characteristics of their interactions with other actors, leaving the dynamic aspect of their foreign policy—its adaptation to changes in the external environment—relatively understudied. This article, based on the analysis of the online news archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR), identifies key trends in the evolution of the PMR's foreign policy ties during 2019–2024, a period marked by such external shocks as the COVID-19 pandemic, the rise to power of the pro-European PAS party in Moldova, and Russian Special Military Operation (SMO) in Ukraine. We trace the evolution of the PMR's contacts with three groups of actors: sovereign states, international organizations, and other de facto states, as well as interactions within the «5 + 2» format. The analysis demonstrates the limited impact of the first two external shocks: the rise to power of the PAS party led mainly to the freezing of direct (without intermediaries) bilateral contacts between the PMR and Moldova, while the overall number of foreign policy contacts, which fell in 2020 due to the pandemic, started to recover already in 2021. In its turn, the SMO has had a significant impact on the configuration of external relations of the PMR: the total number of contacts with all groups of actors has consistently decreased after February 2022; among sovereign states, the share of contacts with Russia has decreased, and with the USA and European countries, has increased; relations with international organizations, in general, have been most stable, with the increasing share of interactions with the EU and humanitarian organizations (ICRC, UN agencies) due to the influx of Ukrainian refugees. Thus, the case of Transnistria illustrates how de facto states diversify their foreign relations as a tool of adaptation to external crises.

Key words: *de-facto states, unrecognized states, foreign policy, Transnistria, Pridnestrovian Moldavian Republic, international recognition, statehood.*

For citation: *Shevchenko A.V., Uchaev Ye.I. Evolution of Foreign Relations of Pridnestrovian Moldavian Republic in 2019–2024 // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 320–331. (In Russ.)*

Введение. Изучение непризнанных и частично признанных государств в рамках науки о международных отношениях в последние годы набирает популярность. Это объясняется резким ростом числа подобных территориальных образований за последние три десятилетия. Их возникновение по всему миру создает очаги напряженности, что нередко приводит к нарушению стабильности и обострению региональной конкуренции, а также к вооруженным конфликтам высокой интенсивности (Нагорный Карабах, Бугенвиль, Сомалиленд и пр.). Исследования де-факто государств развивались в рамках переосмысления классических концепций суверенитета и государственности: данные образования остаются за пределами международного признания, что ставит вопрос о природе их легитимности и взаимодействия с другими акторами (как полноправными государствами, так и негосударственными субъектами мировой политики).

Анализ работ последних двух десятилетий позволяет выделить несколько ключевых направлений исследований. Работы первого – *эссенциалистского* – направления сосредоточены на выявлении существенных черт непризнанных и частично признанных государств самих по себе. Так, Скотт Пегг впервые систематически исследовал феномен де-факто государств, предложив их детальное определение: сецессионистские образования, которые эффективно контролируют определенную территорию, предоставляют услуги населению, получая взамен его поддержку, и стремятся к международному признанию, но не достигают его. С. Пегг также обращает внимание на амбивалентность существования подобных образований: они одновременно и подрывают международную систему суверенитета, и стремятся стать ее частью [Pegg, 1998]. Работа заложила основу для дальнейших исследований легитимности, устойчивости и институционального развития таких образований. Например, Бруно Коппитерс подчеркивает, что сам термин «де-факто государство» носит нормативный характер и формирует восприятие этих образований как «аномалий» системы. Его анализ политики ЕС в отношении непри-

знанных государств¹ на постсоветском пространстве демонстрирует, как языковые рамки («вовлечение без признания» vs. «непризнание и взаимодействие») определяют степень вовлеченности, не нарушая принципа территориальной целостности [Cortieters, 2018]. Нина Касперсен предлагает концептуальную рамку для понимания причин возникновения и поддержания устойчивости де-факто государств. Она выделяет несколько ключевых факторов, играющих критически важную роль в их формировании: этническая идентичность, территориальные споры и внешняя поддержка [Caspersen, 2012]. Вместе с тем недавний обзор Марцина Косенковского указывает на фундаментальные проблемы этого направления исследований: отсутствие консенсуса в определении термина, недостаточная разработанность дефиниций, игнорирование западных академических традиций и ограниченность концептуальных рамок [Kosienkowski, 2023].

Указанные проблемы частично преодолевает второе – *реляционистское* – направление исследований, которое фокусируется на отношениях де-факто государств с другими субъектами международных отношений. Это направление, в свою очередь, можно разделить еще на два подхода в зависимости от того, делается ли акцент на логике выстраивания связей с де-факто государствами со стороны других акторов или же на внешней политике самих непризнанных государств. В рамках первого подхода Джеймс Кер-Линдси вводит концепцию «стигматизации», объясняя вариативность взаимодействия с де-факто государствами через системные (глобальное осуждение сецессии), контекстуальные (история конфликта) и национальные (интересы третьих стран) факторы. Он приходит к выводу, что стигматизация динамична и может ослабевать, открывая пространство для диалога [Ker-Lindsay, 2018]. Эйки Берг и Скотт Пегг указывают на прагматический характер внешней политики великих дер-

¹ Здесь и далее в целях экономии места при употреблении понятия «непризнанные государства» имеются в виду как полностью непризнанные, так и частично признанные государства.

жав в отношении сепаратистских образований. Анализ дипломатических связей США с Приднестровьем и Сомалилендом в 2003–2010 гг. показал, что взаимодействие с непризнанными государствами определялось стратегическими интересами: борьба с пиратством, противодействие терроризму, сдерживание влияния России [Berg & Pegg, 2016]. Вилдан Мейдан, анализируя отношения между де-факто государствами и их патронами, акцентирует внимание на «порочном круге» зависимости: чем сильнее поддержка со стороны патрона (например, России для Абхазии), тем меньше шансов у де-факто государства добиться международного признания [Meudan, 2018].

В свою очередь, в рамках второго подхода (реляционистского направления) Эйки Берг и Кристель Витс показывают, как зависимость от внешних покровителей (Россия для Приднестровья, Турция для Северного Кипра) формирует внешнюю политику де-факто государств. Вывод авторов заключается в том, что даже при наличии патрона непризнанные образования стремятся диверсифицировать внешние связи через международные организации и диаспоры, чтобы усилить автономию [Berg, Vits, 2018]. Джорджио Комаи предлагает рассматривать де-факто государства как «малые зависимые юрисдикции», которые используют гибридные стратегии для выживания. Например, Абхазия активно развивает культурную дипломатию через диаспоры в Турции и других странах [Comai, 2017].

Несмотря на значительный прогресс в изучении концептуальных аспектов феномена де-факто государств, а также их внешних связей, малоисследованной остается *динамика* их внешнеполитических отношений, их *изменение во времени*. Настоящее исследование, продолжая реляционистское направление, призвано восполнить этот пробел, фокусируясь на эволюции внешних связей Приднестровской Молдавской Республики в 2019–2024 гг.

Приднестровье: выбор кейса и методология исследования. Выбор Приднестровья в качестве кейса обусловлен уникальным сочетанием факторов, которые

делают его особенно интересным объектом для исследования среди других непризнанных и частично признанных государств постсоветского пространства. Во-первых, в Приднестровье сталкиваются интересы России, Европейского Союза и Украины, что делает его важным элементом в архитектуре региональной безопасности. В отличие от Абхазии и Южной Осетии, значительно более интегрированных в российскую сферу влияния, Приднестровье сохраняет баланс между различными полюсами, проводя многовекторный внешнеполитический курс [Махалкина, 2015]. Во-вторых, актуальность изучения внешних связей Приднестровья значительно возросла в связи с началом СВО, поскольку последствия военных действий на Украине (прекращение подачи газа, закрытие украинской границы для приднестровских грузов и пр.) дестабилизируют статус-кво в регионе.

Выбор временного промежутка обусловлен стремлением проанализировать изменения в паттернах внешних связей Приднестровья до и после начала СВО – события, которое оказало наиболее значительное влияние на структуру и динамику взаимодействий региона с внешними акторами. Для достижения этой цели исследование охватывает почти равные временные промежутки: 3 года и 2 месяца до начала СВО (2019 г. – февраль 2022 г.) и 2 года и 10 месяцев после ее начала (март 2022 г. – декабрь 2024 г.). Такой подход позволяет не только зафиксировать количественные изменения во внешнеполитической активности Приднестровья, но и выявить качественные сдвиги в стратегии региона под влиянием глобальных кризисов. Помимо СВО, выбранный период включает в себя и ряд других внешних «шоков», значительно изменивших контекст внешних связей ПМР: пандемию COVID-19 и приход к власти в Молдове проевропейской партии PAS во главе с Майей Санду в декабре 2020 г.

Существующая литература о Приднестровье охватывает широкий спектр тем – от урегулирования приднестровского конфликта и влияния внешних акторов на политику региона до экономической зависимости

ти и адаптации Приднестровья к изменяющимся геополитическим условиям [Астахова, 2024; Шевчук, 2020, 2023; Харитонова, 2014]. Так, К.П. Курылев и А.В. Морозов, анализируя роль России и Украины в урегулировании приднестровского конфликта, подчеркивают, что Россия сохраняет статус главного гаранта безопасности региона, в то время как Украина использует блокаду границы для усиления давления на Тирасполь. Авторы отмечают, что политика Киева после 2014 г. усилила изоляцию региона, что привело к росту зависимости от России [Курылев, Морозов, 2017]. Шон Фостер, исследуя позицию Приднестровья в отношении российско-украинского конфликта, отмечает относительную нейтральность ПМР, несмотря на его историческую пророссийскую ориентацию, что подчеркивает гибкость Приднестровья в адаптации к сложным внешним условиям. Фостер объясняет это географической близостью к Украине, экономической зависимостью от торговли с ЕС и Украиной, а также внутренними политическими факторами [Foster, 2024]. Несмотря на отсутствие признания, регион активно участвует в переговорах формата «5 + 2» и поддерживает диалог с международными структурами для обеспечения стабильности.

Таким образом, существующие исследования демонстрируют многогранность внешних связей Приднестровья, однако большинство работ сосредоточены на статичных аспектах взаимодействия. В целях систематического анализа дипломатической активности Приднестровья *в динамике* в настоящей статье применен метод картирования международных взаимодействий, который предполагает идентификацию и типологизацию встреч, контактов и взаимодействий властей Приднестровья с различными акторами международных отношений. Источником данных послужил архив новостей с официального сайта Министерства иностранных дел Приднестровской Молдавской Республики¹. Для каждой публикации, содержащей информацию о меж-

дународном контакте ПМР, фиксировались дата, контрагент и его тип (типологизация контрагентов подробно описана в основной части исследования).

В дальнейшем полученные результаты были структурированы в виде данных о количестве встреч представителей Приднестровья с различными международными акторами за каждый год в период с 2019 по 2024 г. Эти данные позволили отразить, как изменялись приоритеты и направления дипломатической активности Приднестровья под влиянием внешних факторов, таких как пандемия COVID-19, приход к власти проевропейской партии PAS в Молдове и начало СВО. Сопоставление значений по каждому году дало возможность выявить динамику внешних связей региона, проследив изменения в интенсивности контактов с признанными государствами, международными организациями и другими де-факто государствами. Таким образом, метод картирования международных взаимодействий в сочетании с историческим анализом обеспечил комплексный подход к изучению внешней политики Приднестровья.

Результаты исследования. Для наиболее наглядного представления результатов исследования было составлено 5 таблиц: одна общая (табл. 1), отражающая всю совокупность внешних связей ПМР за рассматриваемый период, и 4 частные, детализирующие контакты региона с конкретными контрагентами каждого из четырех типов:

1) формат «5 + 2»: переговоры по урегулированию приднестровского конфликта с участием Молдовы, Приднестровья, ОБСЕ, России, Украины и наблюдателей от ЕС и США;

2) государства; официальные встречи с представителями суверенных государств вне рамок формата «5 + 2»;

3) международные организации (МО): контакты с международными межправительственными и неправительственными организациями;

4) де-факто государства: взаимодействие с другими непризнанными или частично признанными образованиями.

¹ Архив новостей МИД ПМР 1992–2025. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/archive/all> (дата обращения: 10.03.2025).

Таблица 1

Обобщенная динамика внешних связей Приднестровья в 2019–2024 гг.

	2019 г.	2020 г.	2021 г. – февраль 2022 г.	Март–декабрь 2022 г.	2023 г.	2024 г.	Общий итог
5 + 2	21	24	30	17	10	10	112
Государства	43	24	26	18	17	10	138
МО	27	18	18	20	16	19	118
Де-факто гос-ва	10	7	13	5	8	3	46
Общий итог	101	73	88	60	51	42	414

Источник: составлено авторами.

Данная таблица демонстрирует значительное снижение общего числа внешних контактов Приднестровья после начала СВО в феврале 2022 г., в частности:

– формат «5 + 2» теряет свою активность к концу периода исследования (снижение с пика в 30 встреч в 2021 г. до всего лишь 10 встреч в последние 2 года);

– количество встреч с признанными государствами также сокращается почти вдвое (с максимума в 43 встречи в докризисный период до минимального значения в последние годы);

– взаимодействие с международными организациями остается самым стабильным относительно других категорий контрагентов, что свидетельствует о важности этих структур для региона даже в условиях изоляции;

– контакты с другими непризнанными и частично признанными государствами демонстрируют нестабильную динамику и минимальные показатели к концу периода.

Каждая из приведенных выше категорий имеет свои особенности и тенденции, которые требуют более детального анализа. Для более глубокого понимания изменений во внешних связях Приднестровья в указан-

ный период рассмотрим данные по каждому типу контрагента. Начнем с формата «5 + 2», который играет ключевую роль в урегулировании приднестровского конфликта.

Формат «5 + 2» представляет собой международный механизм переговоров по урегулированию ситуации в ПМР [Малышев, 2020]. Он был официально запущен в 2005 г. и включает 7 участников: Приднестровье и Молдова – стороны конфликта; Россия, Украина и ОБСЕ – посредники; Европейский Союз и США – наблюдатели. Целью формата является достижение мирного урегулирования конфликта, восстановление территориальной целостности Молдовы при учете интересов Приднестровья, а также обеспечение стабильности в регионе. Несмотря на то что эффективность переговорного механизма часто оказывалась ограниченной из-за противоречий между участниками, формат «5 + 2» стал важной и, по существу, единственной площадкой для обсуждения политических, экономических и гуманитарных вопросов.

Динамика проведения встреч в рамках формата «5 + 2» в 2019–2024 гг. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Динамика проведения встреч в рамках формата «5 + 2» в 2019–2024 гг.

Уровень	2019 г.	2020 г.	2021 г. – февраль 2022 г.	Март–декабрь 2022 г.	2023 г.	2024 г.	Общий итог
Дипломатический уровень	4	1	8	6	2	2	23
Экспертный уровень	17	23	22	11	8	8	89
Общий итог	21	24	30	17	10	10	112

Источник: составлено авторами.

Анализ данных табл. 2 показывает следующие ключевые тенденции:

– рост активности до 2021 г.: наибольшее количество встреч зафиксировано в 2021 г. (30). Во многом этот рост был связан с попытками приднестровской и российской сторон активизировать переговорный процесс на фоне политических изменений в Молдове, где к власти пришла проевропейская партия PAS во главе с Майей Санду. Усиление давления со стороны Молдовы и Украины стимулировало стороны к более активному обсуждению технических вопросов в рамках формата «5 + 2», особенно на экспертном уровне;

– резкое снижение количества встреч в 2022 г. (сокращается почти вдвое – с 30 до 17), а в последующие годы остается на низком уровне (10 встреч в 2023 и 2024 гг.). Начало СВО кардинально изменило геополитический контекст, что привело к снижению роли Украины как одного из посредников и ослаблению интереса международных акторов к приднестровскому урегулированию.

Таким образом, период с 2019 по 2021 г. характеризуется относительной активностью переговоров, особенно на экспертном уровне, тогда как с 2022 г. наблюдается стагнация процесса на фоне изменившейся геополитической обстановки. Эти данные подчеркивают необходимость пересмотра подходов к урегулированию конфликта и поиска новых механизмов взаимодействия между сторонами и международными акторами.

Следующей основной категорией среди всех контрагентов выступают суверенные государства. Эта категория акторов играет ключевую роль в формировании внешней политики ПМР, так как именно через взаимодействие с признанными государствами Приднестровье стремится укрепить свою международную легитимность и обеспечить экономическую стабильность.

В процесс анализа данных не были включены государства, с которыми ПМР имела единичные контакты (менее 3 встреч за весь период), поскольку эпизодические контакты не формируют устойчивых паттернов взаимодействия и не отражают системные изменения во внешней политике актора. К ним относятся Австрия, Беларусь,

Бельгия, Дания и Польша (по 1 встрече), Латвия и Норвегия (по 2 встречи). Подобные встречи, как правило, связаны с разовыми гуманитарными или культурными инициативами и не оказывают значимого влияния на общую динамику. Таким образом, фокус анализа сосредоточен на государствах, демонстрирующих устойчивый интерес к взаимодействию с Приднестровьем. Представленная таблица (табл. 3) позволяет выявить значительные изменения в структуре и динамике этих контактов в период с 2019 по 2024 г.

Ключевыми трендами в соответствии с приведенными данными являются:

– в целом за период 2019–2024 гг. Россия является безусловным лидером среди стран-партнеров Приднестровья (60 встреч). Однако наибольшее количество встреч зафиксировано в 2019 г. (22 встречи), а после начала СВО число контактов Приднестровья с Москвой сократилось в 3 раза: с 15 встреч в 2021 г. до 5 в 2022 г. В 2024 г. достигнут минимум за рассматриваемый период – всего 2 встречи;

– в 2019 г. наблюдался наиболее широкий спектр международных контактов, охватывающий 11 государств, однако к 2024 г. география взаимодействий существенно сузилась, сконцентрировавшись вокруг нескольких (5) ключевых партнеров;

– реакцией на начало СВО стал курс на диверсификацию внешнеполитических связей ПМР: если в предшествующие СВО 3 года число контрагентов стабильно снижалось (с 11 в 2019 г. до 8 в 2020 г. и до 6 в 2021 г.), то с марта по декабрь 2022 г. их насчитывается уже 9 – самый высокий показатель с начала пандемии COVID-19. Этот тренд можно объяснить стремлением Приднестровья компенсировать сокращение контактов с Россией через активизацию взаимодействия с другими государствами, включая США и страны ЕС;

– США – единственное государство, чьи связи с Приднестровьем увеличились после начала СВО. Более того, высокопоставленные лица ПМР в 2024 г. чаще осуществляли контакты с американской стороной, чем с российской (4 против 2). Эта тенденция отражает попытки Тирасполя найти новые каналы взаимодействия для минимизации из-

держек изоляции, а также интерес западных стран к региону как зоне потенциальной нестабильности из-за близости к зоне боевых действий;

– контакты с Литвой, Нидерландами, Чехией, Словакией, ФРГ и Швецией носят эпизодический характер и не превышают 1 встречи в год после 2020 г.;

– с 2021 г. прекратились прямые внешнеполитические связи ПМР с Молдовой без посредников и наблюдателей, что отдаляет стороны от успешного урегулирования конфликта. Усиление проевропейского курса Мол-

довы под руководством Майи Санду сопровождалось отказом от мирного урегулирования в пользу оказания давления на Приднестровье с целью принуждения к миру.

Таким образом, приведенные в табл. 3 данные позволяют констатировать наличие качественных изменений в структуре международного взаимодействия ПМР, заключающиеся в формировании нового – с меньшей «центральностью» России – паттерна международного позиционирования региона в условиях геополитической турбулентности.

Таблица 3

**Эволюция взаимодействия ПМР с суверенными государствами
в 2019–2024 гг.**

Страна	2019 г.	2020 г.	2021 г. – февраль 2022 г.	Март–декабрь 2022 г.	2023 г.	2024 г.	Общий итог
Великобритания	1	3	3	4	1	2	14
Литва	2		1	1	1		5
Молдова	3	6					9
Нидерланды	1	1		1	1	1	5
РФ	22	9	15	5	7	2	60
Словакия	2			1	1		4
США	6	2	2	3	4	4	21
Украина	1	1		1	1	1	5
ФРГ	2	1		1	1		5
Чехия	2	1	1	1			5
Швеция	1		4				5
Общий итог	43	24	26	18	17	10	138

Источник: составлено авторами.

Рассмотрев динамику взаимодействия Приднестровья с суверенными государствами, следует обратить внимание на не менее важный аспект внешних связей региона – контакты с международными организациями. Эта категория включает как классические межправительственные организации (ООН, ОБСЕ, ЕС, МОМ, ВОЗ), так и международные неправительственные организации (МККК). В данном случае принято решение не разделять ММПО и МНПО на отдельные категории, так как из МНПО Приднестровье официально контактировало только с одной организацией – МККК.

Количественные данные, приведенные в табл. 4, позволяют выявить следующие

тенденции во взаимодействии ПМР с международными организациями:

– с началом СВО паттерн взаимодействия с международными организациями начинает смещаться в сторону диверсификации международных контактов: если до 2022 г. доминировала ОБСЕ, то к 2024 г. наблюдается более равномерное распределение встреч между различными организациями. Усиление роли гуманитарных организаций (МККК) и структур ООН после 2022 г. в отношениях с ПМР является следствием гуманитарного кризиса, вызванного СВО, что привело к функциональной необходимости взаимодействия с ними в усло-

Таблица 4

Эволюция взаимодействия ПМР с международными организациями в 2019–2024 гг.

Международная организация	2019 г.	2020 г.	2021 г. – февраль 2022 г.	Март–декабрь 2022 г.	2023 г.	2024 г.	Общий итог
ВОЗ		2				1	3
ЕС	1		1	2	3	4	11
МКК				5	3	2	10
МОМ	1					2	3
ОБСЕ	19	12	16	9	7	4	67
ООН	5	2		4	3	6	20
Совет Европы	1	2	1				4
Общий итог	27	18	18	20	16	19	118

Источник: составлено авторами.

виях увеличившегося потока украинских беженцев. Кроме того, усилилась экономическая изоляция самой ПМР, что увеличило нуждаемость Республики в предоставлении гуманитарной помощи;

– наблюдается постепенное снижение интенсивности контактов с ОБСЕ – от 19 встреч в 2019 г. до 4 встреч в 2024 г., что отражает кризис урегулирования замороженного конфликта, а также падение доверия к организации как беспристрастному посреднику на фоне событий на Украине;

– параллельно растет роль ЕС – от единичных контактов в 2019–2021 гг. до регулярных взаимодействий в 2022–2024 гг. (2–4 встречи ежегодно). Европейский Союз активизировал свою деятельность в Молдове и Приднестровье, частично заменяя ОБСЕ в ряде функций, поскольку стабилизация ситуации в Приднестровье важна для обеспечения безопасности на восточных границах ЕС, особенно в контексте конфликта на Украине.

Таким образом, данные табл. 4 свидетельствуют о том, что Приднестровье адаптировало свою модель взаимодействия, сместив акцент с политических посредников (например, ОБСЕ) на организации, занимающиеся гуманитарной и технической поддержкой. Сформировавшийся к концу рассматриваемого периода паттерн взаимодействия отражает стратегию выживания ПМР в условиях изоляции.

Завершая анализ взаимодействий Приднестровья с международными организациями, следует обратить внимание на особую категорию внешних контактов региона – связи с другими непризнанными государствами. Эти взаимодействия представляют особый интерес, поскольку отражают стремление де-факто государств к взаимной поддержке и обмену опытом в условиях обособленности.

Эволюция взаимодействия ПМР с де-факто государствами в 2019–2024 гг. представлена в табл. 5.

Таблица 5

Эволюция взаимодействия ПМР с де-факто государствами в 2019–2024 гг.

Де-факто государства	2019 г.	2020 г.	2021 г. – февраль 2022 г.	Март–декабрь 2022 г.	2023 г.	2024 г.	Общий итог
Абхазия	7	2	5	3	5	2	24
Нагорный Карабах	–	1	2	–	–	–	3
Южная Осетия	3	4	6	2	3	1	19
Общий итог	10	7	13	5	8	3	46

Источник: составлено авторами.

Данные табл. 5 демонстрируют следующие ключевые тенденции:

– в период до начала СВО наблюдалось увеличение связей с непризнанными образованиями – пик активности пришелся на 2021 г. (13). Этот рост можно интерпретировать как стремление Приднестровья укрепить неформальные международные связи в условиях нарастающей неопределенности и давления со стороны Молдовы и Украины. Взаимодействие с другими де-факто государствами позволяло обмениваться опытом в выстраивании государственности и преодолении международной изоляции;

– после начала СВО произошло значительное сокращение взаимодействий со всеми партнерами (в меньшей степени – с Абхазией).

Снижение уровня взаимодействия с подобными ПМР непризнанными и частично признанными государствами происходит параллельно снижению активности контактов с Москвой, что может быть связано как с изменением приоритетов внешней политики Приднестровья, так и с ограничением коммуникационных каналов через российского патрона. Таким образом, динамика взаимодействий Приднестровья с другими непризнанными государствами отражает не только внутренние изменения в стратегии региона, но и влияние глобальных кризисов на возможности поддержания даже неформальных международных связей.

Подводя итоги анализу внешних связей Приднестровья в 2019–2024 гг. и интерпретации числовых данных, следует заметить, что ключевыми факторами, определившими трансформацию внешнеполитических паттернов ПМР являются СВО, которая кардинально изменила геополитический контекст, спровоцировав экономическую блокаду со стороны Украины; приход к власти партии PAS во главе с Майей Санду, избравшей новый подход к взаимодействию с непризнанной Республикой путем давления, а также гуманитарный кризис, вызванный наплывом украинских беженцев.

Выводы. Результаты проведенного исследования приднестровского кейса подтверждают, что непризнанные образования, вопреки их стигматизации как «аномалий»,

демонстрируют значительную адаптивность в условиях глобальных кризисов. Это происходит во многом за счет того, что Берг и Витс описали как диверсификацию внешних контактов [Berg, Vits, 2018]. Авторы подчеркивают, что даже при наличии патрона непризнанные образования диверсифицируют внешние связи через МПО и МНПО, диаспоры и альтернативные экономические каналы. Подобный паттерн характерен и для Приднестровья: после начала СВО ПМР, несмотря на сохраняющуюся зависимость от России, активизировала взаимодействие с гуманитарными организациями (МККК, ООН) и западными странами, что позволило частично компенсировать последствия изоляции. Подобная активизация контактов с западными государствами может указывать на стремление ПМР компенсировать снижение активности со стороны России. Однако важно отметить, что эти контакты носят преимущественно гуманитарный и экономический характер и не предполагают политического признания. Соответственно, говорить о дрейфе ПМР в сторону Запада преждевременно. На данном этапе речь идет, скорее, о тактической адаптации к изменяющимся условиям, направленной на поддержание стабильности и минимизацию негативных последствий внешней изоляции. Для более точной оценки необходимо дальнейшее изучение динамики внешних связей ПМР и анализ конкретных проектов и инициатив, реализуемых с участием западных партнеров.

Кроме того, рассмотренный кейс ПМР демонстрирует ограниченность линейных моделей «признание vs изоляция»: напротив, непризнанные государства могут формировать и часто формируют сложные сети взаимодействий. Приднестровский кейс иллюстрирует гибридную стратегию выживания, сочетающую сохранение патрон-клиентских отношений с прагматичной диверсификацией связей. Эта динамика подтверждает, что де-факто государства, вопреки их маргинальному статусу, остаются активными участниками международных отношений, чьи стратегии заслуживают углубленного внимания со стороны как академического сообщества, так и политических деятелей.

ЛИТЕРАТУРА

- Астахова С.В.* Приднестровье: ситуация вокруг непризнанной Республики // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2. С. 38–46. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-38-46.
- Курьлев К.П., Морозов А.В.* Влияние украинского кризиса на обстановку в Приднестровье // Конфликтология / nota bene. 2017. № 3. С. 38–49. DOI: 10.7256/2454-0617.2017.3.24149.
- Мальшиев Д.В.* Приднестровский конфликт и вопросы урегулирования // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 58–71.
- Махалкина М.А.* Абхазия, Приднестровье и Южная Осетия во внешней политике России в 1991–2008 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 6/1. С. 10–16.
- Харитонова Н.И.* Приднестровский конфликт: новые подходы к изучению прошлого и настоящего // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2014. № 19. С. 105–119.
- Шевчук Н.В.* Предпосылки возникновения и эскалации конфликта в Приднестровье: к тридцатилетию со дня провозглашения независимости Приднестровской Молдавской Республики // Россия в глобальном мире. 2020. № 16-17. С. 181–191.
- Шевчук Н.В.* Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23. № 2. С. 228–240. DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240.
- Berg E., Pegg S.* Scrutinizing a Policy of «Engagement without Recognition»: US Requests for Diplomatic Actions with De Facto States // Foreign Policy Analysis. 2018. Vol. 14. № 3. P. 388–407. DOI: 10.1093/fpa/orw044.
- Berg E., Vits K.* Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359.
- Caspersen N.* Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Hoboken: Polity Press, 2012.
- Comai G.* The External Relations of De Facto States in the South Caucasus // Caucasus Analytical Digest. 2017. № 94. P. 8–14.
- Coppieters B.* Statehood, «de facto Authorities» and «Occupation»: Contested Concepts and the EU's Engagement in its European Neighbourhood // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 343–361. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495361.
- Foster S.D.* «Pridnestrovie for Peace»: Accounting for Transnistrian Divergence from the Russian Position vis-à-vis the Russo-Ukrainian War // Peace Review. Vol. 36. № 1. P. 115–129. DOI: 10.1080/10402659.2024.2311691.
- Ker-Lindsay J.* The stigmatisation of de facto states: disapproval and 'engagement without recognition' // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 362–372. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495363.
- Kosienkowski M.* Four Problems of De Facto State Studies: A Central European Perspective // Polish Political Science Yearbook. 2023. Vol. 52. P. 41–53. DOI: 10.15804/ppsy202244.
- Meydan V.* A Paradox Of International (Non)Recognition: The Relationship Between De Facto States and Patron States // International Journal of Economics, Politics, Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 1. № 1. P. 1–7.
- Pegg S.* International Society and the De Facto State. London: Ashgate Publishing Limited, 1998.

REFERENCES

- Astahova S.V.* Pridnestrov'e: situaciya vokrug nepriznannoj respubliki // Rossiya i novye gosudarstva Evrazii. 2024. № 2. S. 38–46 (In Russ.) [*Astakhova S.V.* Transnistria: The Situation Around the Unrecognized Republic // Russia and New States of Eurasia. 2024. № 2. P. 38–46.]
- Berg E., Pegg S.* Scrutinizing a Policy of «Engagement without Recognition»: US Requests for Diplomatic Actions with De Facto States // Foreign Policy Analysis. 2018. Vol. 14. № 3. P. 388–407. DOI: 10.1093/fpa/orw044.
- Berg E., Vits K.* Quest for Survival and Recognition: Insights into the Foreign Policy Endeavours of the Post-Soviet de facto States // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 390–407. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495359.
- Caspersen N.* Unrecognized States: The Struggle for Sovereignty in the Modern International System. Hoboken: Polity Press, 2012.

Comai G. The External Relations of De Facto States in the South Caucasus // Caucasus Analytical Digest. 2017. № 94. P. 8–14.

Coppieters B. Statehood, «de facto Authorities» and «Occupation»: Contested Concepts and the EU's Engagement in its European Neighbourhood // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 343–361. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495361.

Foster S.D. «Pridnestrovie for Peace»: Accounting for Transnistrian Divergence from the Russian Position vis-à-vis the Russo-Ukrainian War // Peace Review. Vol. 36. № 1. P. 115–129. DOI: 10.1080/10402659.2024.2311691.

Haritonova N.I. Pridnestrovskij konflikt: novye podhody k izucheniyu proshlogo i nastoyashchego // Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya. 2014. № 19. S. 105–119 (In Russ.) [Kharitonova N.I. The Transnistrian Conflict: New Approaches to Studying its Past and Present // Bulletin of RSUH. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies. 2014. № 19. P. 105–119.]

Ker-Lindsay J. The stigmatisation of de facto states: disapproval and 'engagement without recognition' // Ethnopolitics. 2018. Vol. 17. № 4. P. 362–372. DOI: 10.1080/17449057.2018.1495363.

Kosienkowski M. Four Problems of De Facto State Studies: A Central European Perspective // Polish Political Science Yearbook. 2023. Vol. 52. P. 41–53. DOI: 10.15804/ppsy202244.

Kurylev K.P., Morozov A.V. Vliyanie ukrainskogo krizisa na obstanovku v Pridnestrov'e // Konfliktologiya / nota bene. 2017. № 3. S. 38–49 (In Russ.) [Kurylev K.P., Morozov A.V. The Impact of the Ukrainian Crisis on the Situation in Transnistria // Conflictology / nota bene. 2017. № 3. P. 38–49.]

Mahalkina M.A. Abkhaziya, Pridnestrov'e i Yuzhnaya Osetiya vo vneshnej politike Rossii v 1991–2008 gg. // ISOM. 2015. T. 7. № 6/1. S. 10–16. (In Russ.) [Makhalkina M.A. Abkhazia, Transnistria and South Ossetia in Russia's Foreign Policy (1991–2008) // ISOM. 2015. Vol. 7. № 6/1. P. 10–16.]

Malyshev D.V. Pridnestrovskij konflikt i voprosy uregulirovaniya // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 9. S. 58–71. (In Russ.) [Malyshev D.V. The Transnistrian Conflict and Settlement Issues // International Affairs. 2020. № 9. P. 58–71.]

Meydan V. A Paradox Of International (Non)Recognition: The Relationship Between De Facto States and Patron States // International Journal of Economics, Politics, Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 1. № 1. P. 1–7.

Pegg S. International Society and the De Facto State. London: Ashgate Publishing Limited, 1998.

Shevchuk N.V. Predposylki vozniknoveniya i eskalacii konflikta v Pridnestrov'e: k tridcatiletiyu so dnya provozglasheniya nezavisimosti Pridnestrovskoj moldavskoj respubliki // Rossiya v global'nom mire. 2020. № 16-17. S. 181–191. (In Russ.) [Shevchuk N.V. Preconditions for the Emergence and Escalation of the Conflict in Transnistria: On the 30th Anniversary of the Proclamation of Independence of the Pridnestrovian Moldavian Republic // Russia in the Global World. 2020. № 16-17. P. 181–191.]

Shevchuk N.V. Rol' rossijskogo mirotvorchestva v processe pridnestrovskogo uregulirovaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 23. № 2. S. 228–240. (In Russ.) [Shevchuk N.V. Role of Russian Peacekeeping in the Pridnestrovian Settlement Process // Vestnik RUDN. International Relations. 2023. Vol. 23. № 2. P. 228–240.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шевченко Андрей Владимирович, студент 4-го курса бакалавриата факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).
E-mail: shevchenko_an_vl@my.mgimo.ru

Учаев Евгений Иванович, преподаватель кафедры мировых политических процессов факультета управления и политики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Российская Федерация).
E-mail: e.uchaev@inno.mgimo.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Shevchenko, undergraduate student at the School of Governance and Politics of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation).
E-mail: shevchenko_an_vl@my.mgimo.ru

Yevgeny I. Uchaev, lecturer at the World Politics Department, School of Governance and Politics of Moscow State Institute of International Relations (University) of Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation).
E-mail: e.uchaev@inno.mgimo.ru

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ИМПЕРИИ И ИМПЕРИЯ, МНОГОНАЦИОНАЛЬНАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ РОССИЯ: НАУЧНЫЙ ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ОБЗОР ПУБЛИКАЦИЙ

Научная статья

Н.П. Медведев

*Председатель Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РФ
по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям
Москва, Российская Федерация
E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru*

Д.Е. Слизовский

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: de373@mail.ru*

Какому бы порицанию не подвергались империи как форма и сущность государственно-пространственного устройства, какие бы обвинения в адрес империй убедительно не звучали, империя остается живым воплощением современного мироустройства. И не собирается империя уходить из современности и будущего. Одни страны (Россия в их числе) нашли новые возможности для распространения власти внутри своих границ и за их пределами в соответствии с их имперским прошлым и национальными интересами. Другие (большая, самая крупная империя во главе с США) всеми силами пытаются оправдать свою имперскость, считая ее самой прогрессивной и демократичной, обеспечивающей порядок, а не хаос. Именно этот нарратив сегодня активно и мощно продвигают ученые, эксперты и специалисты научных центров в так называемых западных странах. Ренессанс империй и имперских нарративов в мышлении и политике очевиден. В обзоре предпринята попытка обратить внимание на дихотомию денационализированных и национализированных теоретических воззрений понятия «империя» российской политической философией и ее представителями. Результаты исследования и анализа показали, что российская политическая философия и политология не обогатили теорию познания понятия «империя» новыми научными завоеваниями и достижениями. Исследовательская мысль в России плетется вслед за западной, нет самостоятельного новаторского взгляда с опорой на свои национальные империи – царскую и советскую. Но эта тема и проблема остается в числе актуальных и востребованных. Преодолевая предрассудки (свои и внешних носителей) знания об империях, российские имперцы теперь стоят перед задачей по обновлению теоретического и концептуального нарратива понятия «империя» и продвижению своих воззрений вовне и для интеллектуальной, научно-обоснованной защиты прошлых и современной версий российской имперской сущностной природы и политики. Империя – это масштаб пространства, мощное властное и духовное влияние, распространяемое на все народы и этносы, на государственные институты в пределах и границах исторически обжитого ею пространства. Базовый тезис в решении такой задачи: империя находит опору в объективных законах хозяйственного и социально-политического развития. Объективно Русь-Россия содержала и содержит в себе все компоненты, чтобы родиться империей и быть империей. Но останется ли она – это вопрос для будущих изысканий.

Ключевые слова: империя, империи и национализм, национальные государства, федеративные государства, национальные республики, этнополитические конфликты, имперская многонациональная Россия.

Для цитирования: Медведев Н.П., Слизовский Д.Е. Империи и империя, многонациональная федеративная Россия: научный взгляд через обзор публикаций // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 332–345.

**EMPIRES AND EMPIRE, MULTINATIONAL FEDERATIVE RUSSIA:
A SCIENTIFIC VIEW THROUGH A REVIEW OF PUBLICATIONS**

Research article

N.P. Medvedev

*Chairman of the Commission of the Council of Nationalities of the Supreme Council
of the Russian Federation on National-State Structure and Interethnic Relations
Moscow, Russian Federation
E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru*

D.E. Slizovsky

*RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: de373@mail.ru*

No matter how much empire is criticized as a form and essence of the state-spatial structure, no matter how convincing the accusations against empires may sound, the empire remains a living embodiment of the modern world order. And the empire is not going to leave the present and the future. Some countries (Russia among them) have found new opportunities to spread power within and beyond their borders in accordance with their imperial past and national interests. Others (the largest, largest empire led by the United States) are trying their best to justify their imperialism, considering it the most progressive and democratic, ensuring order rather than chaos. It is this narrative that is being actively and powerfully promoted today by scientists, experts and specialists from research centers in the so-called Western countries. The renaissance of empires and imperial narratives in thinking and politics is obvious. This review attempts to draw attention to the dichotomy of denationalized and nationalized theoretical views of the «empire» concept by Russian political philosophy and its representatives. The results of the study and analysis showed that: a) Russian political philosophy and political science have not enriched the theory of the «empire» with new scientific gains or achievements. Researches in Russia follow in the wake of the Western research and there are no independent novelties based on our national empires: either tsarist or Soviet. Nevertheless, the topic and problems connected with empires remain among the relevant and sought after; b) Russian impertsy (supporters of the imperial ideas) now face the task of overcoming their own prejudices and those of external bearers of knowledge about empires, of updating theoretical and conceptual narrative of the «empire» concept and promoting their views outside by seeking intellectual and scientifically substantiated protection of the past and modern versions of the essential Russian imperial nature and policy. An empire is a scale of space, a powerful domineering and spiritual influence that extends to all peoples and ethnic groups, to state institutions within and within the boundaries of the historically inhabited space. The basic thesis in solving this problem is that the empire finds support in the objective laws of economic and socio-political development. Objectively, Rus'-Russia contained and contains all the components necessary to be born and remain an empire. But whether it will it continue as such is a question for the future researches.

Key words: *empire, empires and nationalism, national states, federative states, national republics, ethnopolitical conflicts, imperial multinational Russia.*

For citation: *Medvedev N.P., Slizovsky D.E. Empires and Empire, Multinational Federative Russia: a Scientific View through a Review of Publications // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 332–345. (In Russ.)*

Введение. Российское современное политико-политологическое и историческое сообщество обращает свои взоры в сторону такого феномена и явления, как империя. Но ему не удастся пока ни «национализировать», ни «денационализировать» теории или хотя бы концепции имперской сущности и сути. Было бы к месту и к общему нашему благу поднять российской политической наукой современное прочтение и понимание идей империи и ее практики («национализировать») на такую высоту, с которой можно смело и достойно выходить в мир («денационализировать»). И то и другое, собственно, лежит не на поверхности, но объективные данные для этого есть. С претензией на заметное место в исследовании новой имперской истории и национализма принадлежит журналу «Ab Imperio». Это журнал создавался как исследовательский проект, направленный на изучение разнообразия и различий и, как стало понятно со временем, выработку и апробацию рабочей модели постимперской и постнациональной истории. Поэтому очень скоро журнал вступил в диалог с исследователями имперских формаций, национализма и разнообразия в других исторических регионах и в глобальной перспективе, сообщает коллективный редактор журнала и издательства [Платформа'24].

Кстати, не стоит удивляться тому, что прогресс в исследовании империи как постоянного субъекта исторического процесса, каким бы не было оптимистичным или обнадеживающим его продолжение, о чем постоянно и везде заявляли ученые и эксперты, объявляя о своих успехах в этом, так и не оправдался [Медведев, 2024: 2001–2011]. Почему так вышло – это вопрос для будущих исследователей и исследований. Но очевидно и ясно, как мы считаем, уже одно: исследователи имперской материи и духа потеряли энергию самой империи, увлекшись идеями антиимперии или неимперии. И, кажется, пропустили момент возрождения империй. То, что раньше приписывалось или относилось ими к империям (поглощение национального сознания меньшинств и угнетение центрами империй своих периферий и пр.) легко переняли и воспроизвели государства-нации [Западный

фланг СНГ и Прибалтики, 2023]. Ими стал культивироваться нередко откровенный национализм, когда империи-то и препятствовали национализму и боролись с ним. Верно подмечено, что украинский кризис, как мы понимаем, стал следствием не имперскости, а периферийности российского фактора [Курылев, 2018]. В таких обстоятельствах ученые-имперцы, научные школы и издатели-имперцы, видя и наблюдая за процессами обновления имперских идей и практик, скрепя и неохотно урезонивая свои амбиции, объявляют о смене формата в изучении данной проблемы и данного феномена. Темы смены формата и смены содержания, концепций и принципов имперской тематики в постимперских версиях становятся наиболее острыми и полемичными.

Ренессанс империй, имперских идей, политик, имперского мироощущения, теоретико-концептуальных объяснений этого феномена – это забавная и современная интерпретация ее достоверных исторических и политических моделей [Russell Foster, 2018]. Если это верный срез видимого процесса, трактуемого общим словом «империя», то оправдан вопрос: в каком состоянии находятся, если хотите, российская империология и империософия? Когда мы используем слова «логия» и «софия» по отношению к понятию «империя», то для упрощения скажем, речь идет о стандартах теории, отображающих социально-политические реалии в знаниях о стандартах теории, включающих в себя теоретические, эмпирические и операционные данные, факты, идеи, процедуры, методы, способы господства и подчинения, выполнения общецивилизационных функций центра в отношении окраин [Ильин, Ахиезер, 1997: 9–119]. Следует сразу же сказать, в российском сегменте сегодня доминирует все же скепсис относительно перспектив имперской модели управления страной, как и возможность глубокого объяснения сути самого понятия «империя» [Миллер, 2024: 74–86].

При этом следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, конечно, освещается широкий спектр вопросов, близких к дан-

ной предметной области [Дмитриев, 2023: 4841–4847; Медведев, 2024: 1372–1377; Медведев, 2016: 5–10; Медведев, 2021: 149–154; Медведев, 2021: 198–206; Медведев, 2022: 80–85; Медведев, Слизовский, Глебов, 2019: 933–949; Притула, 2024: 10–19; Скребец, Матвеева, 2025; Слизовский, Медведев, 2023: 6445–6458; Слизовский, 2018: 5–16; Смирнова, 2021: 2462–2475; и др.].

Однако проблему научного анализа различных типов империй, особенно в контексте распада СССР, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Тем не менее вряд ли будет отвергнуто утверждение, что это актуальная и востребованная наукой и практикой проблема, требующая постоянного изучения, поскольку современная Россия является наследницей двух типов империй – царской и советской, или даже государством, локальной цивилизацией [Панков, 2024: 2324–2330]. И побудительные мотивы, основания и причины быть третьей моделью российской имперскости не являются только чем-то надуманным, лишь фантазиями, воображением, фантомно-ностальгическими переживаниями политического класса страны. Хотя и надуманность всякого толка, ангажированность ради обеспечения конкретных политических интересов национальными и глобальными субъектами политики и управления нельзя исключать. Один из наиболее авторитетных исследователей проблем империи Алексей Миллер неслучайно пишет: «Объективная оценка ныне крайне затруднена почти истерической идеологизированностью темы. Но исторический вердикт будет зависеть от того, как страна станет развиваться в предстоящие десятилетия. Сейчас, однако, намного важнее не оценить сложившуюся практику, а осуществить ее целостное, системное описание. Для решения этой задачи, повторюсь, понятие *империя* следует реабилитировать как инструмент политологического анализа» [Миллер, 2024: 74–86].

Но удивительное дело: на фоне такого имперского политического и ментального

тренда даже глубокие российские эксперты и исследователи имперской тематики очень робко, даже с признаками стеснительности объясняют имперский характер российской цивилизации и государственности, чего совершенно не допускают ни в исследованиях, ни в мыслях имперцы самой крупной американской империи, а теперь и имперцы европейские, османские и прочие. Российские имперцы (исследователи и эксперты проблем империи) скованы в мыслях и анализе и дальше порицания российской империи в массе своей не идут, останавливаясь перед сложностью познания и объяснения природы самого явления. Пробел в познании этого явления и феномена российские исследователи прикрывают и оправдывают тем, что никем и никакой научной школой империя не познана до уровня, близкого к истине. Если и есть обобщенный результат совокупных интеллектуальных познаний, то он сводится к наличию разных представлений и интерпретаций, и нет общепризнанного толкования понятия «империя». При этом свершено выпадает из поля зрения тот факт, что результат научного познания и объяснения – не столько в собирании и объяснении множества точек зрения об империи, а какая точка зрения является верной и истинной, наиболее адекватной сути и сущности феномена и явления, или в конкретный исторический период. И еще: почему-то не упускают возможности всегда сказать об объективности и идейно-политической неангажированности своих позиций в интерпретации и реинтерпретации понятия, как будто это их защита от упреков в избирательности и пристрастии. В этой связи примечательно появление работы «Понятие империи в отечественной политической философии» [Скребец, Матвеева, 2024: 4164–4174], состоящей из двух мнений – доктора политических наук Елены Владимировны Скребец и старшего преподавателя Янины Владимировны Матвеевой, исследователей Севастопольского государственного университета.

Смелая осторожность авторов и нашего анализа. В историософском и политологическом измерении и анализе авторы упомянутого выше исследования опираются на представления и суждения понятия

«империя» 48 известных отечественных (часто они применяют к ним термин «русские») ученых, специалистов, экспертов. Авторы статьи не оспаривают того состояния в среде научного российского сообщества, в котором прослеживается терминологическая дискуссия по имперской проблематике.

Что еще объясняет аналитическую позицию по отношению к понятию «империя» российских исследователей? Их внимание привлекают, и этот рефрен они хотят передать читателям, несколько смысловых и логически-содержательных установок (например, российский филолог, доктор филологических наук Алексей Любжин, полагая, что слово «империя», став сегодня модным в России и США, наполнено разными мощными ассоциациями).

Приведем цитату: *«У нас это связано с тем, что из двух мощных ассоциативных рядов, вызываемых этим словом (с одной стороны, «тюрьма народов» и беспросветный гнет правящей верхушки, которая давит всякое проявление свободомыслия, с другой – русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя, дворцы Растрелли и Росси, стихи Пушкина и музыка Глинки), стал побеждать второй. Американцы же (те, для кого имперская проблематика является актуальной) впервые почувствовали себя планетарной силой № 1, каковой была в свое время Римская империя, и актуализировали слой «римских» реалий, заложенных в конструкцию североамериканской державы при ее рождении (вспомним сенат и Капитолий)»* [Любжин].

Активное обсуждение проблем империи дает импульс к пониманию современных русских проблем, но еще не ясно – речь идет об ассоциативной, этнической или политической сущности толкования этого термина или изучение империй есть возможное средство адаптации России и США к условиям складывающегося мироустройства. Иными словами, исследователи поднимают сам процесс научного обсуждения в среде российских ученых имперской проблематики на такую высоту, с которой возможно решение или затруднение решений внутренних и внешних проблем. Не

станем утверждать, что при такой постановке вопроса есть малейшие признаки принижения самой политической сущности имперского нарратива и его воплощения в виде конкретных политических практик. Хотя бы по политической практике, которую сами авторы трактуют термином «средства адаптации России к условиям складывающегося мироустройства» [Миллер, 2024: 74].

В наших представлениях и представлениях авторов обзораемых нами научных статей имперских силуэтов есть стремление приблизиться к интерпретации реальностей прошлых империй и хотя бы краем глаза заглянуть в имперскость настоящего и будущего. При этом авторы не предлагают исторические или конкретно политические нарративы имперской политики досоветской, советской и постсоветской России.

Что бросается в глаза, так это то, что научные статьи представляют собой в самом начале систематический обзор теоретических постулатов понятия «империя», анализ самых известных направлений осмысления этого понятия. Повышая градус аналитического восприятия этого понятия, авторы не упускают возможность сказать, беря себе в помощь соображения своих коллег. В качестве автора-спойлера часто выступает С. Каспэ и его суждение, что имперская идея, несмотря на эмоциональную окраску, остается адекватной и востребованной для анализа мироздания к концу XX в. и подвергается критике со стороны российской философско-политической мысли. А появление особой дисциплины – «империологии» – есть свидетельство живучести и актуальности имперского сознания, памяти и политики, но это нововведение совсем не устранило существующих проблем, хотя по этой обширной теме ведутся долговременная полемика и дискуссии.

Логичным, как мы считаем, является попытка российских авторов дать анализ рамок употребления и использования понятия «империя». Историко-этимологический подход и анализ – сложная задача. Решение этой задачи требует выверенного, пусть и избирательного, обращения к существующим

щим исследованиям. Не беремся быть точными во всем и в перечислениях всех авторов, которые занимаются исследованием проблем империи. Но все же не будет лишним назвать хотя бы часть из них: Е. Скребец, Я. Матвеева Д. Замятин, В. Колосов, Н. Мироненко, Н. Баранов, А. Магун, Э. Пайн, А. Блинов, А. Малер, М. Ильин, С. Лурье, Л. Казарян, И. Яковенко, Д. Володихин, А. Захаров, К. Сорокин, В. Алексеев, Е. Алексеева, А. Буровски и др. В их работах, бесспорно, можно легко обнаружить признаки новизны обобщенного аналитического свойства. Присмотримся внимательней, какую реальную ценность представляет с точки зрения анализа затронутой темы проделанная ими аналитическая обобщенная и одновременно усредненная работа.

История, исторический нарратив и подход в современной русской империологии (и империософии!) допускает выяснение, обобщение и описание самых известных значений, которые укладывались в понятие «империя» в разных контекстах. Черты империи отыскиваются в опыте древних римлян, в ранних восточных деспотиях и в средневековье. Несет ли в себе черты и свойства имперскости древняя Русь и средневековая Россия (княжества ли, вождества) – не столь заметная линия в исследованиях, а то и совсем этот исторический период игнорируется с точки зрения исторического имперского наследия. Если эти проблемы и поднимаются (есть краткое упоминание Киевской Руси типичной империей у А. Буровского), то с определенными целями и задачами, среди которых «парадигма новой имперской истории нацелена на высвобождение феномена сложного гетерогенного общества из тени исторических империй и влиятельной националистической пропаганды одномерности и чистоты» [Новая имперская история, 2007: 10]. Вот в таких глубокомысленных, запутанных до такой степени формулировках осуществляется не столько изучение сущности имперского духа и политики, сколько «деконструкция господствующей “схемы русской истории”». Фраза, взятая в кавычки, – это тоже цитата.

Но суть проблемы не в том, чтобы реабилитировать историю в качестве важней-

шего источника объяснения проблем империи и толкования ее смысла и сути и в истории искать аналоги современным и будущим формам и типам имперского порядка и управления. Для современной и будущей России принципиально важно переосмысление исторических версий имперской системы. Тут недостаточно будет анализировать эту систему как сложным образом устроенные взаимосвязи процесса формирования нации и государства. Редко, какая из систем несложно устроена. Заблуждение умных людей – сводить все к сложности. Если уж говорить о сложном в имперской российской стилистике, то признаки империи можно наблюдать в отношениях перемещающихся центров российской цивилизации и государства (Новгород, Киев, Владимир на Клязьме, Суздаль, Москва, Санкт-Петербург, снова Москва) с периферией, проторусских и русских с фино-уграми, скандинавами, тюрками, коренных (автохтонных) и прочих этносов с русскими. Справедливым с формальных позиций и ради точности будет напоминание: только в 1721 г. Россия стала империей, а Петр I – императором: «...как обыкновенно от Римского сената за знатные дела императоров их такие титулы им в дар приношены» [Черных, 1993: 344–345].

Чтобы понять вещь, нужно ее сделать. Петр I сделал империю – всероссийскую, императорско-дворянскую, воссоединенную с Малороссией, Белоруссией, а потом и с Новороссией. Это империя с абсолютной монархической властью. Но что следует подчеркнуть, так это то, что в европейских империях и государствах власть народом уменьшалась, а в Российской Империи – увеличивалась. Зачем же порицать имперскую власть России, если ее размеры – от народа и его воли. Но есть мнение другого порядка, источником власти и порядка которого в империях является *Imperator* (то есть повелитель). Разумеется, это точка зрения апологетов народной империи и народной монархии [Солоневич, 2002], хотя в современных рядах в их ряды по недоразумению могут попадать даже либералы. Итак, установились властные отношения: «один центр» – одна покоренная периферия. С перетоком силы и влияния в другой

центр формировались властные отношения «другой центр» – все та же в пределах пространства покоренная периферия. Центром империи становился тот центр, который справлялся лучше с выполнением защитной, объединительной и культуротворческой функций в отношении окраин. На восточно-европейской равнине мутация имперскости включала в себя как углубление державного запустения и упадка, так и возрождение. По отношению к колонизованным провинциям проводилась либо ассимиляция, либо аккультурация. Прототипы подобных отношений и их восприятия не улетучились. Это важно видеть, объяснять и понимать. На что обращают внимание исследователи, так это на то, что со времен Древнего Рима империя есть завершённый в развитии вариант полиса. Или даже идеальный тип политической организации, в формировании которого ключевая роль принадлежит христианской культуре.

Авторы научной статьи находят нужным из анализа российскими исследователями понятия «империя» сказать не только о том, что воззрения на это понятие эволюционируют. Познание феномена развивались от этапа к этапу. Был ли это этап большего или меньшего познания империи, когда и с чем связано то и другое – вопрос важный, но не суть рецензируемого текста. Когда обнаруживаешь, что представления об империи зажаты между признанием ее универсальным типом политической организации прошлых обществ и государств и потерей этой универсальности в современности или даже империей, которая «перестала отождествляться с отдельной формой правления», то спрашивается: как и почему в исторических условиях конца XX в. (а теперь уже и XXI в.) громко зазвучал призыв к возобновлению или строительству новой империи?

Анализируя ответы на этот вопрос и объяснения, можно легко обнаружить, насколько они реалистичны и полноценны.

Российские исследователи осторожно и выборочно фиксируют в российском дискурсе следующие позиции:

а) нередко вместо слова «империя» используется понятие «государство с большой мировой миссией»;

б) империя строится на силе и культурном, бытовом и технологическом искушении;

в) понятия «государство», «государственный традиционализм» стали восприниматься только в имперском содержании и духе;

г) имперское содержание идеологии разлиты в строе (теле), духе, сознании;

д) империя – модель геополитической реальности и отражение особенностей природно-климатических, географических и пространственных факторов.

Исчерпывается ли российский дискурс империи в достаточном объеме вышеперечисленными атрибутами? Вряд ли! Поле дискуссии и полемики – намного шире. И это тоже отражено авторскими предпочтениями в анализе. Что здесь бросается в глаза?

Не только в подвергнутых анализу статьях и работах известных авторов (число их намного больше) освещается империя как способ и механизм силовой интеграции и унификации больших пространств, сакрализация и символизм границ государств и культурных общностей, централизация и иерархизация бюрократии, государственной власти, этнических и религиозных интересов и способов их представления и защиты. Империя как никакая другая система и форма ведет борьбу за жизненное пространство, защищая «национальные интересы». Это относится и к континентальным, и к морским империям. Империи только придают этим качествам, факторам и способам больший размах и масштаб. Спрашивается: этого достаточно, чтобы отличать империю от других типов и форм политической организации? Доводом к ответу на такого рода вопрос могут служить приведенные в статье суждения. Одно из них оперирует к правильной империи, равной национальному государству. Следующий шаг в такой логике суждений: правильное национальное государство – это обоснованная империя. Наверх в суждениях и анализе поднимается пара – национальное государство и империя, которые располагаются на разных эволюционных уровнях и различаются всего лишь степенью политической и культурной интеграции населения.

Двигаясь по тексту, например, статьи Е. Скребец и Я. Матвеевой, от первой части ко второй, погружаясь в его смысл, обнаруживаем: в русской социально-философской науке распространено мнение, что империя и универсальный строй не являются синонимами. Русским ученым свойственно отрицание синонимичности идей империи и империализма. Построение современных концептов империи в многочисленных трудах отечественных «имперцев» конституируется на принципах взаимовыгодного межгосударственного сотрудничества. Самой распространенной точкой зрения современных российских «западников» является представление империи очень большим государством, которое характеризуется внутренним разделением на центр и периферийные области, и проведением, как правило, агрессивной внешней политики.

Мы видим: российским исследователям удастся все же убедительно показать, что только самобытные предрассудки части интеллигенции в России обнаруживают ложную и преувеличенную мудрость, а еще больше – высокомерие и отсталость в суждениях, коль считают нужным и достаточным сказать: империя – это «ощущение миссии, а не безнаказанности», и главное в империи – идеология. Такого рода мышления «национализировали» западническую империологию и империософию, но денационализировали русскую имперскую политику и мысль.

Кому же предстоит еще заговорить языком действительной науки о российской империи, установить идейную связь науки с имперским движением и практикой?

Из подвергнутых нами анализу публикаций рискнем сделать вывод: практика употребления термина «империя» страдает известным эклектизмом, когда империями называют абсолютно разнородные государственные и сверхгосударственные образования. По существу не отменяют такого рода выводы суждения (Д. Фурман), наделяющие империи характеристиками самого общего значения: только насильственное объединение разных народов, но империи – это не только «тюрьмы народов», это «большие человеческие общежития, где жизнь в определенной степени богаче, сложнее, пе-

стрее и интереснее, чем в отдельных национальных государствах, где происходит взаимообогащение культур и где народы не только «угнетаются», но и растут, развиваются [Фурман, 2002: 7–22].

Конечно, несмотря на сильное влияние на российскую империологию западнической и либеральной мысли и идеологии, в ее рядах и исследованиях остается традиционная российская научная и публицистическая мысль. Е. Скребец и Я. Матвеева, считая нужным отдать должное современному, уже постсоветскому, имперскому веянию, не уклоняясь от них в сторону, не боясь показаться ретроgrадами, пишут, что терминологические споры и разнообразные подходы, которые применяются русскими учеными для исследования феномена империи, позволяют ответить на вопросы: что общего исследователи определяют во всех проявлениях империи, данных в рамках каждого из этих подходов, и насколько современная Россия сохранила основные признаки империи [Скребец, Матвеева, 2025].

Не двойственное и не расхолаживающее влияние на разум и мысли производят суждения авторов, которые говорят о том, что современная русская имперская идея является результатом долговременного теоретического поиска и переосмысления пройденного русским государством тысячелетнего пути и что это даже магистральная дорога развития человеческой цивилизации. Подобного рода суждения и утверждения достойны более всего быть предметом ярких теоретических диспутов. Здесь – сама материя и дух спора об империи как возможного средства адаптации России к условиям постбиполярного мира, консолидации ее территорий и их существования в современности как универсального управленческого проекта верховной власти – империи.

Стоит сказать и то, что российская исследовательская мысль, ее критики и аналитики, чтобы не запутаться в безвыходных противоречиях имперского глобализма или национал-патриотизма, начинают искать указания вне теории жесткого национализма, постправды или постглобализма. Теории государства-нации и нации-государства тоже перестают быть директивными

теориями для имперцев. Российские имперцы если к чему-то и стремятся, то их устремления, кажется, связаны с национальными интересами многонациональной Российской Империи, обращение к нормам традиционной морали и этики, прежде всего, в проявлении власти силы. Российская Империя – пространство, покоренное духом.

Что касается стилистики и подходов авторов рецензируемой работы, то мы уважаем их позицию: избегать чрезмерно широких обобщений или упрощения во имя актуальности для политики; делать выводы осторожно, описывать исключения, пограничные случаи и т.п. Если сказать кратко, как выразить позицию авторов, то мы бы были не против утверждения: кредо авторов – смелая осторожность.

Заключение. Неосторожные мысли и суждения. Какому бы остракизму и порицанию не подвергались империи как форма и сущность государственно-пространственного устройства, какие бы обвинения в адрес империй убедительно не звучали, империя остается живым воплощением современного мироустройства и не собирается уходить из современности и будущего. Одни страны (Россия в их числе) нашли новые возможности для распространения власти внутри своих границ и за их пределами в соответствии с их имперским прошлым и национальными интересами. Именно этот нарратив сегодня активно и мощно продвигают ученые, эксперты и специалисты научных центров в так называемых западных странах [1]. Другие (большая, самая крупная империя во главе с США) всеми силами пытаются оправдать свою имперскость, считая ее самой прогрессивной и демократичной, обеспечивающей порядок, а не хаос. Если кто с этим не согласен, то мы отсылаем вас к Макиа Фриману – редактору альтернативного СМИ / независимого новостного сайта «The Freedom Articles», старшему научному сотруднику «ToolsForFreedom.cjm». Макиа ведет «Streemit» и «FB», где он пишет: «...США – это империя? Конечно, сама эта некомфортность является доказательством магии контроля над словами и пропагандой. Неужели мы настолько запрограммированы и обусловлены идеями: “США = свобода и демокра-

тия”», что не можем представить себе империю США? Если это так, то сейчас, как никогда, важно, чтобы люди начали использовать такие термины, как «Империя США» и «Великие Соединенные Штаты», и чтобы сделать небольшой, но смелый шаг и разорвать оковы, которые их сдерживают» [US Empire].

В отношениях между теми и другими, кажется, можно обнаружить не столько природу империи, суть этого понятия, но и характер, способы их интерпретации. Если поставить вопрос, почему не стоит ожидать снижения накала в полемике и дискуссиях на эту тему, ответ может быть и такой: потому что политики и обслуживающие их группы интеллектуалов в разной степени, но все вместе, не договариваясь, исходят из того, что нации-государства или государства-нации не оправдали свое предназначение быть на стороне прогресса. Не ими определяется геополитическая повестка дня. Они сами являются элементами периферии существующих империй либо будут периферией новых или возрождающихся империй. По сути спор, дискуссия идет в границах объяснения, какая из империй более жизнеспособна и будет жизнеспособной в видимых пределах будущего. Когда дискуссия или полемика перестает быть необходимым и желательным полем выяснения проблемных теоретических споров, отношения между учеными и экспертами переходят в политическую плоскость, что стало реальностью, которая гасит научный потенциал, отдавая его на откуп политическим или даже пропагандистским требованиям и интересам.

Страны с имперским прошлым напряглись, мобилизуют свои силы. Но идея империи не перестала быть востребованной и полезной. Хэл Брэндс – обозреватель «Bloomberg Opinion» и почетный профессор имени Генри Киссинджера в Школе перспективных международных исследований Университета Джонса Хопкинса прямо говорит об этом в современной стилистике мышления: «Западные государства, потерявшие свои заморские владения, преуспели в Pax Americana. Но Си и Путин хотят вернуть своим странам давно утраченную имперскую мощь. Призраки империй преследуют Евразию» [Brands Hol].

Политическая фабула современных представлений об империях и понятии «империя» заслуживает того, чтобы хотя бы кратко упомянуть об этом сразу же. Хел Брэндс и такие, как он, находят нужным донести мысль и о разных формах империй, в которых власть формирует и распространяет доминирующий центр, и о том, что история XX в. – это история упадка и разрушения великих формальных империй Европы и Азии. Эта мысль в разных вариациях транслируется и повторяется в сотнях публикаций с небольшими дополнениями в интерпретациях. Что «брендисам» удастся протолкнуть и на чем они будут твердо настаивать – так это не на том, что многие века глобальный порядок и беспорядок формировали великие империи, их соперничество определяло этот самый порядок и беспорядок. Они из своих идейных соображений и политических интересов, другого нет, обязаны сказать и говорят, что формальные империи разрушились и умерли. И так тому и быть. Но порядок лучше беспорядка, его-то и обеспечивает крупная неформальная империя во главе с США. Понятно и другое: такая роль крупной империи во главе с США не может всех устраивать. Конечно, солидарные с логикой мышления Хэла Брэндса обязательно скажут, что множество амбициозных автаркий, недовольных либеральным международным порядком, поддерживаемым Вашингтоном, стремятся к восстановлению империи. Вот основная причина не умирающих имперских мечтаний и имперской политики. Заметим, что в умах имперцев США – существующая мощная империя, во главе этой империи – либеральная империя, поддерживающая порядок в беспорядке. Другие, еще не империи, но мечтающие ими быть, воображающие себя империями, – амбициозные автаркий, сеющие беспорядок в существующем порядке.

Все очень просто, и не стоит в этих суждениях находить непознаваемую и необъяснимую сущность и суть. Если и есть великое множество труднообъяснимых сущностей, то они в большей мере касаются этих самых мечтателей и носителей имперской исторической памяти, которая царапает воззрения и соображения в сторону ре-

нимации памяти и возрождения себя в качестве этой самой империи. Много ли здесь ясно и понятно? И да, и нет, если не упрощать идею империи и политическую работу по ее воплощению. По европейским стандартам Америка никогда не была настоящей империей. Сторонники ненастоящей американской империи находят для этого свои аргументы. Они рассуждают примерно так: конечно, как и все имперские проекты, американский включал в себя жестокие, аморальные меры, такие как перевороты, борьба с повстанцами и поддержка некоторых репрессивных правителей там и в тех регионах, что сейчас называют Глобальным Югом. Но это была необходимость борьбы с коммунизмом и Советским Союзом. Если все же американская империя была, то это исключительная империя, которая не может быть вне закона или подвергнута критике и осуждению. США сумели добиться того, что страны, которые когда-то управляли огромными империями (Великобритания, Франция, Нидерланды, Германия, Япония, Италия и др.), решили, что им лучше стать членами Американской империи. В XX в. Вашингтон создал мир, в котором страны, даже недавние враги Америки, такие как Япония, могли выживать и процветать без создания собственных огромных империй. Это было поразительное событие.

Мы имеем дело с тем, что сторонники американской империи превращают американского имперского монстра в добродетель. И умеют (подчеркиваем: умеют) извлекать для себя политические преимущества. Они развили до совершенства свою богатую политическую интуицию, выработали в себе превосходный глазомер, сделав исследовательскую и пропагандистскую импровизацию важнейшим инструментом успеха.

Не воплотившиеся в жизнь надежды на прогрессивную сущность наций-государств и государств-наций, на что был расчет в конце XX и начале XXI в., лишь подстегнуло политическую мысль и политиков к переосмысливанию опыта империй прошлого и к более глубокому пониманию проблематики современных империй [Modern Empires...]. Естественной реакцией на

такого рода процессы является то, что понятие «империя» остается в политическом и политологическом дискурсе, и этот процесс приобретает новые формы и острые нарративы [Шишков, 2018].

Там, где политика так долго вращается по заколдованному кругу повторяющихся региональных и глобальных конфликтов, надо будет найти нечто, что могло бы прервать этот заколдованный маршрут. Почти физическим усилием мысли находят такой инструмент в империях. По этому пути идут и в России. Везде, но особенно в России, нужно осторожно всматриваться и заглядывать далеко вперед.

Что же такое империя, а что – нет? Этот вопрос не новый. Но на него как не было, так и нет вразумительного ответа. Исследователи, специалисты, эксперты повсеместно то и дело напоминают, прежде всего, самим себе о том, что понимание природы империи и событий, в которые она вплетена или сама их формирует, изобилуют заблуждениями, негативно влияющими на современную политическую атмосферу, на отношения между народами и государствами, на отношения внутри стран, неред-

ко создают разрушающую угрозу самой государственности. Это плохо! Плохо и то, что приходится больше всего доказывать. Хуже плохого – то, чему или кому приходится себя оправдывать. Что скажем об империи и о тех, кто был и остается в ее тисках и объятиях? И доказывать надо, и оправдывать себя и империю. Или? Выход один: познать самих себя. Но это – целая наука. Только в конце познания всех вещей об империи человек познает самого себя. Вещи Российской Империи – только границы российского человека, россиянина, русского мира.

Империя – это масштаб пространства, мощное властное и духовное влияние, распространяемое на все народы и этносы, на государственные институты в пределах и границах исторически обжитого ею пространства. Все атрибуты государства в империи сильнее и значительней в созидании и разрушении. Империя прежде всего и более других политических институтов находит опору в объективных законах хозяйственного и социально-политического развития. Объективно Русь-Россия содержала и содержит в себе все компоненты, чтобы родиться империей и быть империей.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. *Mankoff Jeffrey*. Empires of Eurasia: How Imperial Legacies Shape International Security. New Haven: Yale University Press, 2022. 384 p. Маккей Джозеф (MacKay Joseph) в рецензии на книгу Джеффри Манкоффа «Империя Евразии: как имперское наследие влияет на международную безопасность» подтверждает наше утверждение о политической ангажированности Манкоффа, да и своей тоже. Прочитываем этого самого Маккей Джозефа: «Что бы мы не думали о географическом фокусе книги, она, скорее всего, будет читаться в основном в свете нынешнего вторжения России на Украину, которое началось всего за несколько месяцев до ее выхода и, следовательно, после того, как текст был окончательно доработан. Манкофф обсуждает вторжение России в Крым и на восток Украины в 2014 г. – его рассказ здесь по необходимости краток, но убедителен» [MacKay J. Review – Empires of Eurasia]. URL: <https://www.e-ir.info/2023/01/12/review-empires-of-eurasia> (дата обращения: 16.01.2025): То, что рассказ Джозефа убедителен, – это точно. Точно в том, что это заведомо политически ангажированная во многом версия прочтения природы и сути Российской Империи в прошлом и Российской Федерации сегодня.

ЛИТЕРАТУРА

Восстановление единого научного поля постнациональных и постимперских исследований // Платформа'24. URL: <https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus> (дата обращения: 22.01.2025).

Дмитриев И.В. Реализация национальной политики России в первые годы советской власти: научная литература начала XXI столетия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. № 12. С. 4841–4847.

Западный фланг СНГ и Прибалтики / под ред. К.П. Курьлева. М.: Изд. группа URSS, 2023. 300 с.

Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 9–119.

Курылев К.П. Украинский кризис и международная безопасность. М.: Изд. группа URSS, 2018. 272 с.

Любжин А. Что такое империя? URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-imperiya/?ysclid=m688k27уаq358024534> (дата обращения: 20.01.2025).

Медведев Н.П. Из истории СССР. Несостоявшиеся государственно-правовые реформы (1989–1991 гг.) // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 11 (64). С. 2001–2011.

Медведев Н.П. Основы российской государственности: к вопросу об использовании некоторых актуальных научных публикаций при формировании учебного курса // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. № 4. С. 1372–1377.

Медведев Н.П. Еще раз об идеях федерализма в Российской Империи и современных принципах федерализма // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 3 (25). С. 149–154.

Медведев Н.П. К вопросу о трансформации современных моделей федерализма // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 4 (26). С. 198–206.

Медведев Н.П. К 100-летию образования Союза ССР. Постсоветское нацистроительство и региональные этноконфликты // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 2 (28). С. 80–85.

Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Глебов В.А. Горбачев–Ельцин–Путин: дискуссия вокруг моделей политического режима. Что дальше? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 5 (45). С. 933–949.

Миллер А.И. Проблемы российского федерализма и «реабилитация» империи // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 6. С. 74–86.

Новая имперская история Северной Евразии. Часть I. Конкурирующие проекты самоорганизации: VII–XVII вв. / под ред. И. Герасимова. Казань: Ab Imperio, 2007.

Панков А.В. Цивилизационная стратегия России как государства – локальной цивилизации в публичном дискурсе Президента РФ: цивилизационно-элитологический подход // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 7 (107). С. 2324–2330.

Притула М.С. Государственный суверенитет как теоретическая и практико-политическая проблема // Вопросы политологии. 2024. № 1. С. 10–19.

Скребец Е.В., Матвеева Я.В. Понятие «империя» в отечественной политической философии. Ч. I // Вопросы политологии. 2024. № 12. С. 4164–4174.

Скребец Е.В., Матвеева Я.В. Понятие «империя» в отечественной политической философии. Ч. II // Вопросы политологии. 2025. № 1. С. 12–23.

Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Исследования истории России: к вопросу о предпочтениях и тенденциях // Вопросы политологии. 2023. № 12. С. 6445–6458.

Слизовский Д.Е. Можно ли было избежать распада СССР: призма событий тридцатилетней давности и современности // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2018. № 2 (24). С. 5–16.

Смирнова Ю.В. Современная историография перестройки // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 9. С. 2462–2475.

Солоневич И. Народная монархия. М., 2002.

Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: хрестоматия: в 4 т. Т. III: Исследования / ред.-сост. Т.А. Шаклеина. М.: Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований; АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)». М., 2002. С. 7–22.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1993.

Шишков В.В. Империя как понятие и концепция современной политической науки: проблемы интерпретации // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 22–36. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.03>.

Brands H. China, Russia and Iran Are Reviving the Age of Empires. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/features/2024-04-14/china-russia-and-iran-are-rebuilding-empires-to-defeat-us-europe> (дата обращения: 16.01.2025).

Modern Empires and Their Significance for Modernity. URL: https://centero.ru/wp-content/uploads/2020/02/Doklad3_Eng-Internet-2_res.pdf?ysclid=m5z257qfvy936675817 (дата обращения: 16.01.2025).

Russell F. 'Empire' (forthcoming 2017). URL: [Users/Пользователь/Downloads/The_Concept_of_Empire.pdf](#) (дата обращения: 15.01.2025).

US Empire: The Reality of the Greater United States. URL: <https://thefreedomarticles.com/us-empire-greater-united-states> (дата обращения: 16.01.2025).

REFERENCES

Brands H. China, Russia and Iran Are Reviving the Age of Empires. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/features/2024-04-14/china-russia-and-iran-are-rebuilding-empires-to-defeat-us-europe> (дата обращения: 16.01.2025).

Chernyh P.Ya. Istoriko-etimologicheskij slovar' sovremennogo russkogo yazyka. T. 1. M., 1993. S. 344–3454. (In Russ.) [*Chernykh P.Ya.* Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language. Vol. 1. M., 1993.]

Dmitriev I.V. Realizaciya nacional'noj politiki Rossii v pervye gody sovetsoj vlasti: nauchnaya literatura nachala XXI stoletiya // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2023. № 12. P. 4841–4847. (In Russ.) [*Dmitriev I.V.* Implementation of Russia's National Policy in the First Years of Soviet Power: Scientific Literature of the Early 20th Century // Issues of National and Federal Relations. 2023. № 12. P. 4841–4847.]

Furman D.E. O budushchem «Postsovetskogo prostranstva» // Vneshnyaya politika i bezopasnost' sovremennoj Rossii. 1991–2002: hrestomatiya v chetyrekh tomah / red.-sost. T.A. Shakleina. T. III: Issledovaniya. M.: Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnyh otnoshenij (U) MID Rossii, Rossijskaya asociaciya mezhdunarodnyh issledovanij. ANO «INO-Centr (Informaciya. Nauka. Obrazovanie)», 2002. S. 7–22. (In Russ.) [*Furman D.E.* On the Future of the «Post-Soviet Space» // Foreign Policy and Security of Modern Russia. 1991–2002: Reader: in 4 volumes. Vol. III: Research / ed. and compl. by T.A. Shakleina. M.: Moscow State Institute of International Relations (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Russian Association of International Studies; ANO «INO-Center (Information. Science. Education)». M., 2002. P. 7–22.]

Il'in V.V., Ahiezer A.S. Rossijskaya gosudarstvennost': istoki, tradicii, perspektivy. M.: Izd-vo MGU, 1997. S. 9–119. (In Russ.) [*Il'in V.V., Ahiezer A.S.* Russian Statehood: Origins, Traditions, Prospects. M.: Moscow State University Publishing House, 1997. P. 9–119.]

Kurylev K.P. Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost'. M.: Izdatel'skaya gruppa URSS, 2018. 272 s. (In Russ.) [*Kurylev K.P.* Ukrainian crisis and international security. M.: URSS Publishing Group, 2018. 272 p.]

Lyubzhin A. Chto takoe imperiya? (In Russ.) [*Lyubzhin A.* What is an empire?] URL: <https://globalaffairs.ru/articles/chto-takoe-imperiya/?ysclid=m688k27yaq358024534> (date of access: 20.01.2025).]

Medvedev N.P. Eshche raz ob ideyah federalizma v rossijskoj imperii i sovremennyh principah federalizma // Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava. 2021. T. 8. № 3 (25). S. 149–154. (In Russ.) [*Medvedev N.P.* Once Again on the Ideas of Federalism in the Russian Empire and Modern Principles of Federalism // Regional and Municipal Administration: Issues of Politics, Economics, and Law. 2021. Vol. 8. № 3 (25). P. 149–154.]

Medvedev N.P. Iz istorii SSSR. Nesostoyavshiesya gosudarstvenno-pravovye reformy (1989–1991 gg.) // Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2024. T. 13. № 11 (64). S. 2001–2011. (In Russ.) [*Medvedev N.P.* From the history of the USSR. Failed state and legal reforms (1989–1991) // Eurasian Union: issues of international relations. 2024. Vol. 13. № 11 (64). P. 2001–2011.]

Medvedev N.P. K voprosu o transformacii sovremennyh modelej federalizma // Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava. 2021. T. 8. № 4 (26). S. 198–206. (In Russ.) [*Medvedev N.P.* On the Issue of Transforming Modern Models of Federalism // Regional and Municipal Administration: Issues of Politics, Economics, and Law. 2021. Vol. 8. № 4 (26). P. 198–206.]

Medvedev N.P. K 100-letiyu obrazovaniya Soyuza SSR. Postsovetskoe naciostroitel'stvo i regional'nye etnokonflikty // Regional'noe i municipal'noe upravlenie: voprosy politiki, ekonomiki i prava. 2022. T. 9. № 2 (28). S. 80–85. (In Russ.) [*Medvedev N.P.* On the 100th Anniversary of the Formation of the USSR. Post-Soviet Nation-Building and Regional Ethnic Conflicts // Regional and Municipal Administration: Issues of Politics, Economics, and Law. 2022. Vol. 9. № 2 (28). P. 80–85.]

Medvedev N.P. Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: k voprosu ob ispol'zovanii nekotoryh aktual'nyh nauchnyh publikacij pri formirovanii uchebnogo kursa // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2024. № 4. S. 1372–1377. (In Russ.) [*Medvedev N.P.* Foundations of Russian statehood: on the issue of using some relevant scientific publications in the formation of the curriculum // Issues of national and federal relations. 2024. № 4. P. 1372–1377.]

Medvedev N.P., Slizovskij D.E., Glebov V.A. Gorbachev–El'cin–Putin: diskussiya vokrug modelej politicheskogo rezhima. Chto dal'she? // Voprosy politologii. 2019. T. 9. № 5 (45). S. 933–949. (In Russ.) [Medvedev N.P., Slizovsky D.E., Glebov V.A. Gorbachev–Yeltsin–Putin: Discussion Around Models of the Political Regime. What's Next? // Questions of Political Science. 2019. Vol. 9. № 5 (45). P. 933–949.]

Miller A.I. Problemy rossijskogo federalizma i «reabilitaciya» imperii // Rossiya v global'noj politike. 2024. T. 22. № 6. S. 74–86. (In Russ.) [Miller A.I. Problems of Russian Federalism and the “Rehabilitation” of the Empire // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. № 6. P. 74–86.]

Modern Empires and Their Significance for Modernity. URL: https://centero.ru/wp-content/uploads/2020/02/Doklad3_Eng-Internet-2_res.pdf?ysclid=m5z257qfvy936675817 (дата обращения: 16.01.2025).

Novaya imperskaya istoriya Severnoj Evrazii. Chast' I. Konkuriuyushchie proekty samoorganizacii: VII–XVII vv. / pod red. I. Gerasimova. Kazan': Ab Imperio, 2007. (In Russ.) [The New Imperial History of Northern Eurasia. Part I. Competing Projects of Self-Organization: 7th–17th Centuries / ed. by I. Gerasimov. Kazan: Ab Imperio, 2007.]

Pankov A.V. Civilizacionnaya strategiya Rossii kak gosudarstva-lokal'noj civilizacii v publichnom dis-kurse prezidenta RF: civilizacionno-ELITOLOGICHESKIJ podhod // Voprosy politologii. 2024. T. 14. № 7 (107). S. 2324–2330. (In Russ.) [Pankov A.V. Civilization Strategy of Russia as a State – Local Civilization in the Public Discourse of the President of the Russian Federation: Civilizational-Elitological Approach // Questions of Political Science. 2024. Vol. 14. № 7 (107). P. 2324–2330.]

Pritula M.S. Gosudarstvennyj suverenitet kak teoreticheskaya i praktiko-politicheskaya problema // Voprosy politologii. 2024. № 1. S. 10–19. (In Russ.) [Pritula M.S. State Sovereignty as a Theoretical and Practical-Political Problem // Questions of Political Science. 2024. № 1. P. 10–19.]

Russell F. ‘Empire’ (forthcoming 2017). URL: [Users/Пользователь/Downloads/The_Concept_of_Empire.pdf](https://users.politology.ru/users/poltovskiy/downloads/the_concept_of_empire.pdf) (дата обращения: 15.01.2025).

Shishkov V.V. Imperiya kak ponyatie i koncepciya sovremennoj politicheskoy nauki: problemy interpretacii // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. № 4. S. 22–36. (In Russ.) [Shishkov V.V. Empire as a Concept and Concept of Modern Political Science: Problems of Interpretation // Polis. Political Studies. 2018. № 4. P. 22–36.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.03>.

Skrebets E.V., Matveeva Ya.V. Ponyatie «imperiya» v otechestvennoj politicheskoy filosofii. Ch. I // Voprosy politologii. 2024. № 12. S. 4164–4174. (In Russ.) [Skrebets E.V., Matveeva Ya.V. The Concept of «Empire» in Domestic Political Philosophy. Part I // Questions of Political Science. 2024. № 12. P. 4164–4174.]

Skrebets E.V., Matveeva Ya.V. Ponyatie «imperiya» v otechestvennoj politicheskoy filosofii. Ch. II // Voprosy politologii. 2025. № 1. S. 12–23. (In Russ.) [Skrebets E.V., Matveeva Ya.V. The Concept of «Empire» in Domestic Political Philosophy. Part II // Questions of Political Science. 2025. № 1. P. 12–23.]

Slizovskij D.E. Mozhno li bylo izbezhat' raspada SSSR: prizma sobytij tridcatiletnej davnosti i sovremennosti // Evrazijskij Soyuz: voprosy mezhdunarodnyh otnoshenij. 2018. № 2 (24). S. 5–16. (In Russ.) [Slizovsky D.E. Was it Possible to Avoid the Collapse of the USSR: the Prism of Events Thirty Years Ago and the Present // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2018. № 2 (24). P. 5–16.]

Slizovskij D.E., Medvedev N.P. Issledovaniya istorii Rossii: k voprosu o predpochteniyah i tendenciyah // Voprosy politologii. 2023. № 12. S. 6445–6458. (In Russ.) [Slizovsky D.E., Medvedev N.P. Research of Russian History: On the Issue of Preferences and Trends // Issues of Political Science. 2023. № 12. P. 6445–6458.]

Smirnova Yu.V. Sovremennaya istoriografiya perestrojki // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2021. T. 11. № 9. S. 2462–2475. (In Russ.) [Smirnova Yu.V. Modern Historiography of Perestroika // Issues of National and Federal Relations. 2021. Vol. 11. № 9. P. 2462–2475.]

Solonevich I. Narodnaya monarhiya. M., 2002. (In Russ.) [Solonevich I. People's Monarchy. M., 2002.]

US Empire: The Reality of the Greater United States. URL: <https://thefreedomarticles.com/us-empire-greater-united-states> (дата обращения: 16.01.2025).

Vosstanovlenie edinogo nauchnogo polya postnacional'nyh i postimperskih issledovanij // Platforma'24. (In Russ.) [Restoring a Unified Scientific Field of Post-National and Post-Imperial Studies // Platform'24.] URL: <https://sites.google.com/view/openabimperio/platform24rus> (date of access: 22.01.2025).

Zapadnyj flang SNG i Pribaltiki / pod red. K.P. Kuryleva. M.: Izd. gruppa URSS, 2023. 300 s. (In Russ.) [Western Flank of the CIS and the Baltics / ed. by K.P. Kurylev. M.: Publishing Group URSS, 2023. 300 p.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Медведев Николай Павлович, доктор политических наук, профессор, Председатель Комиссии Совета Национальностей Верховного Совета РФ по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям, Народный депутат России (1990–1993 гг.) (Москва, Российская Федерация).

E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru

Слизовский Дмитрий Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы, международный обозреватель издательства «Наука сегодня» (Москва, Российская Федерация).

E-mail: de373@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nikolai P. Medvedev, doctor of political sciences, professor, Chairman of the Commission of the Council of Nationalities of the Supreme Council of Russian Federation on National-State Structure and Interethnic Relations, People's Deputy of Russia (1990–1993) (Moscow, Russian Federation)

E-mail: medvedevnp1952@yandex.ru

Dmitry E. Slizovsky, doctor of historical sciences, professor of the Department of Russian History of RUDN University named after Patrice Lumumba, international columnist of Publishing House «Наука Segodnya» (Moscow, Russian Federation).

E-mail: de373@mail.ru

ПРОБА ПЕРА

НОВЫЙ РЕЖИМ В АФГАНИСТАНЕ КАК ВЫЗОВ БЕЗОПАСНОСТИ ДЛЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

Научная статья

М.Ш. Халилова

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: 1032235604@pfur.ru*

С.С. Чехляева

*Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Российская Федерация
E-mail: 1032195166@pfur.ru*

В статье исследуются вызовы безопасности для Республики Узбекистан, возникшие после прихода к власти движения «Талибан»¹ в Афганистане в августе 2021 г. На основе анализа данных международных организаций, экспертных оценок и официальных источников выявлены конкретные угрозы для национальной безопасности Узбекистана. Исследование показывает, как ослабление государственного контроля в Афганистане создает условия для активизации таких группировок, как «Исламское государство»² и «Аль-Каида»³, что повышает риски террористической деятельности в регионе. Наибольшую опасность представляет организация «Исламское государство – Провинция Хорасан»⁴, стремящаяся расширить свое влияние в приграничных районах. Рассматривается проблема массовой миграции: только за первые 6 месяцев после прихода талибов к власти Афганистан покинули около 700 тыс. человек, что создает серьезную нагрузку на приграничные территории. Анализируются социально-экономические последствия притока беженцев, включая рост напряженности между местным населением и вынужденными переселенцами, проблемы с трудоустройством и обеспечением жильем. Отдельное внимание уделяется рискам использования миграционных потоков экстремистскими элементами для проникновения на территорию Узбекистана. Анализируется влияние политических изменений на торгово-экономические связи, включая безопасность ключевых транспортных маршрутов, таких как железнодорожная линия «Хайратон–Мазари–Шариф» и планируемые коридоры к пакистанским портам. Особое внимание уделяется рискам распространения наркотрафика и нелегальной торговли оружием через узбекско-афганскую границу, учитывая, что Афганистан остается одним из крупнейших мировых центров производства наркотиков. На основе проведенного анализа предлагаются практические меры по укреплению пограничного контроля, развитию регионального сотрудничества в сфере безопасности и противодействия экстремистской идеологии. Рассматриваются различные сценарии развития ситуации – от постепенной стабилизации до эскалации конфликта с последующим гуманитарным кризисом; предлагаются соответствующие механизмы реагирования. Особый акцент делается на возможностях дипломатического взаимодействия с новыми афганскими властями для минимизации рисков и сохранения экономических связей между странами. Результаты работы могут быть использованы при формировании политики безопасности в Центральноазиатском регионе и разработке стратегий противодействия трансграничным угрозам.

---

¹ 17 апреля 2025 г. Верховный суд Российской Федерации приостановил запрет деятельности движения «Талибан» на территории Российской Федерации.

² Признана террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

³ Признана террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

⁴ Признана террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

Ключевые слова: Афганистан, Талибан, безопасность, Узбекистан, терроризм, экстремизм, нелегальная миграция, региональная торговля, наркотрафик, нелегальная торговля оружием.

Для цитирования: Халилова М.Ш., Чехляева С.С. Новый режим в Афганистане как вызов безопасности для Республики Узбекистан // Постсоветские исследования. 2025. Т. 8. № 3. С. 347–356.

NEW REGIME IN AFGHANISTAN AS A CHALLENGE TO THE SECURITY FOR THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

Research article

M.S. Khalilova

*RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: 1032235604@pfur.ru*

S.S. Chekhlyeva

*RUDN University named after Patrice Lumumba
Moscow, Russian Federation
E-mail: 1032195166@pfur.ru*

This article examines the security challenges facing the Republic of Uzbekistan following the Taliban's¹ rise to power in Afghanistan in August 2021. Based on analysis of data from international organizations, expert assessments, and official sources, specific threats to Uzbekistan's national security have been identified. The study demonstrates how the weakening of state control in Afghanistan creates conditions for the activation of groups such as the Islamic State² and Al-Qaeda³, increasing risks of terrorist activity in the region. The Islamic State – Khorasan⁴ Province poses the greatest danger as it seeks to expand its influence in border areas. The research examines the issue of mass migration: in just the first six months after the Taliban came to power, approximately 700 000 people left Afghanistan, creating significant pressure on border territories. The study analyzes the socio-economic consequences of the refugee influx, including rising tensions between local populations and forced migrants, employment issues, and housing challenges. Special attention is paid to the risks of extremist elements using migration flows to penetrate Uzbekistan's territory. The study analyzes the impact of political changes on trade and economic relations, including the security of key transport routes such as the «Hairatan–Mazari–Sharif» railway line and planned corridors to Pakistani ports. Particular attention is given to the risks of drug trafficking and illegal arms trade across the Uzbek-Afghan border, considering that Afghanistan remains one of the world's largest centers of drug production. Based on the conducted analysis, practical measures are proposed for strengthening border control, developing regional security cooperation, and countering extremist ideology. The study examines various scenarios for the situation's development – from gradual stabilization to conflict escalation with subsequent humanitarian crisis – and suggests appropriate response mechanisms. Special emphasis is placed on opportunities for diplomatic engagement with the new Afghan authorities to minimize risks and maintain economic ties between the countries. The research findings can be utilized in forming security policies in the Central Asian region and developing strategies to counter transborder threats.

Key words: Afghanistan; Taliban; security; Uzbekistan; terrorism; extremism; illegal migration; regional trade, drug trafficking, illegal arms trade.

---

¹ On April 17, 2025, the Supreme Court of the Russian Federation suspended the ban on the activities of the Taliban movement on the territory of the Russian Federation.

² Recognized as a terrorist and extremist organization, banned in Russia.

³ Recognized as a terrorist and extremist organization, banned in Russia.

⁴ Recognized as a terrorist and extremist organization, banned in Russia.

For citation: *Khalilova M.S., Chekhlyayeva S.S. New regime in Afghanistan as a challenge to the security of the Republic of Uzbekistan // Postsovietkie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2025. Vol. 8. № 3. P. 347–356. (In Russ.)*

Введение. После стремительного наступления на контролируемые правительственными силами территории в августе 2021 г. движение «Талибан»¹ вновь пришло к власти в Афганистане. Данному событию предшествовал вывод большей части контингента иностранных войск из страны, завершивший почти 20-летнее военное присутствие США и их союзников. Захват Кабула талибами 15 августа 2021 г. ознаменовал крах поддерживаемого Западом правительства и привел к кардинальным переменам в политическом ландшафте Афганистана [Shahid, 2022: 54]. Возвращение «Талибана» положило конец затянувшемуся конфликту, но одновременно вызвал серьезные опасения относительно дальнейшего курса страны. Новое руководство заявило о намерении создать «инклюзивное исламское правительство», однако первые шаги талибов свидетельствовали о стремлении установить жесткий контроль и ввести строгие нормы, основанные на их интерпретации исламского права [King, 2023: 931].

На фоне хаотичной эвакуации иностранных граждан и союзников из Кабула начался массовый исход афганцев, опасавшихся репрессий со стороны талибов. По данным ООН, только за первые полгода после смены власти страну покинули около 700 тыс. человек, что спровоцировало гуманитарный кризис в регионе². Параллельно наблюдалась дестабилизация экономической ситуации, связанная с замораживанием международной помощи и введением санкций против талибов. Представляя переходное правительство, лидеры «Талибана» пообещали обеспечить права женщин «в рамках исламского права», однако на практике были введены серьезные ограни-

чения на получение образования и работу для представительниц женского пола [Ризоен, Гиесов, 2023: 136]. Несмотря на призывы к терпимости, сохранялись опасения относительно притеснения этнических и религиозных меньшинств, а также сторонников прежнего режима³.

Одной из ключевых проблем для новых афганских властей являлось пресечение деятельности террористических группировок, таких как «Исламское государство»⁴ и «Аль-Каида»⁵, которые сохраняли влияние на части территории страны. Хотя талибы пытались продемонстрировать готовность бороться с терроризмом, оставались сомнения в их способности эффективно контролировать ситуацию [Modebadze, 2022: 279].

Радикальные перемены, произошедшие в Афганистане после возвращения к власти движения «Талибан», имеют далеко идущие последствия, выходящие за пределы границ этой страны. Учитывая географическую близость и исторические связи региона, ситуация в Афганистане оказывает непосредственное влияние на соседние государства, в том числе на Республику Узбекистан. Рассмотрение потенциальных рисков и угроз, исходящих из нестабильной обстановки в Афганистане, является крайне важным для обеспечения национальной безопасности и региональной стабильности в Центральной Азии.

Прежде всего, необходимо принимать во внимание риск распространения экстремистской идеологии и активизации террористических группировок, которые могут найти благоприятную почву в условиях по-

¹ 17 апреля 2025 г. Верховный суд Российской Федерации приостановил запрет деятельности движения «Талибан» на территории Российской Федерации.

² Afghanistan Refugee Crisis Explained // UNHCR. URL: <https://www.unrefugees.org/news/afghanistan-refugee-crisis-explained> (дата обращения: 5.05.2024).

³ Afghanistan // International Federation of Red Cross and Red Crescent Societies. URL: <https://www.ifrc.org/taxonomy/term/441> (date accessed: 5.05.2024).

⁴ Здесь и далее упоминается организация, признанная террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

⁵ Здесь и далее упоминается организация, признанная террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

литической турбулентности и слабого контроля со стороны новых афганских властей. Хотя талибы заявляют о своей готовности противостоять угрозам терроризма, их способность эффективно справляться с этой задачей вызывает сомнения у многих наблюдателей [Капауама, 2021: 4].

Существенное значение имеют и вопросы экономического сотрудничества, поскольку нестабильность в Афганистане может негативно сказаться на торговых связях и инвестиционном климате в регионе. Для Узбекистана, стремящегося к диверсификации экономических связей и развитию транспортных коридоров, стабильная ситуация в соседнем Афганистане имеет стратегическое значение.

Исторический контекст отношений Узбекистана и Афганистана. Узбекистан и Афганистан имеют давние исторические связи, уходящие корнями в глубокую древность. Народы, населяющие эти территории, на протяжении многих веков поддерживали тесные культурные, торговые и религиозные контакты, что нашло отражение в формировании общего цивилизационного пространства региона.

В средневековый период, когда большая часть нынешних узбекских и афганских земель входили в состав могущественных государств и империй, таких как Саманиды, Газневиды, Сельджукиды и Тимуриды, происходило активное взаимопроникновение культур, распространение исламской религии и развитие регионального сотрудничества [Князев, 2023: 262]. Данный период ознаменовался расцветом городов, торговли, науки и искусства, во что представители обеих народностей внесли значительный вклад. После распада последних крупных средневековых империй и вплоть до начала XX в. территории современных Узбекистана и Афганистана оказались разделены между различными ханствами, эмиратами и другими политическими образованиями. Однако культурные, языковые и религиозные связи между ними продолжали сохраняться, несмотря на политическую раздробленность региона [Итяшева, 2023: 76].

С образованием независимых государств в XX в. Узбекистан и Афганистан

вступили в новую эпоху двусторонних отношений. После обретения суверенитета Узбекистан стал одним из первых государств, признавших независимость Афганистана и установивших с ним дипломатические отношения [Naby, 1984: 14–15]. С этого момента начался процесс выстраивания конструктивного сотрудничества между двумя странами в различных сферах. Несмотря на периоды напряженности и конфликтов, связанные с гражданской войной в Афганистане и активизацией экстремистских группировок, Узбекистан последовательно выступал за мирное урегулирование ситуации и участвовал в международных усилиях по стабилизации обстановки в соседнем государстве. Ташкент неоднократно предоставлял гуманитарную помощь афганскому народу и содействовал процессам национального примирения [Madaminova, 2021: 1047].

В начале 2000-х гг. Узбекистан активно содействовал усилиям по созданию Афганской национальной армии и подготовке кадров для нее, предоставляя возможности для обучения афганских военнослужащих на своей территории [Умаров, 2018: 33]. Шаги были направлены на укрепление обороноспособности и безопасности Афганистана, а также на формирование профессиональных вооруженных сил, способных противостоять угрозам экстремизма и терроризма [Nishonova, 2023: 115].

В дальнейшем Ташкент неоднократно выступал в качестве площадки для проведения переговоров между различными афганскими политическими силами и движениями. В частности, в 2015 г. в узбекской столице состоялась первая официальная встреча представителей правительства Афганистана и движения «Талибан» под эгидой ООН, что стало важным шагом на пути к налаживанию прямого диалога между сторонами конфликта [Yuldashev, Saidov 2024: 26–27].

Кроме того, Узбекистан активно участвовал в реализации крупных инфраструктурных проектов, направленных на восстановление экономики Афганистана и его интеграцию в региональные торгово-экономические связи. В частности, осуществлялось

строительство транспортных коридоров, линий электропередачи, а также других объектов, имеющих стратегическое значение для развития Афганистана [Weitz, 2018: 72].

Угрозы безопасности для Узбекистана, связанные с новым режимом в Афганистане. Наиболее серьезной угрозой безопасности для Республики Узбекистан в контексте прихода к власти движения «Талибан» в Афганистане является риск активизации деятельности экстремистских и террористических группировок в регионе. Долгие годы нестабильности и конфликтов на афганской земле создали благоприятные условия для укоренения радикальных формирований, чья идеология базируется на нетерпимости и насилии. Несмотря на заявления новых афганских властей о стремлении бороться с терроризмом, существуют обоснованные опасения относительно их реальных возможностей эффективно контролировать ситуацию на всей территории страны¹. Ряд аналитиков указывают на сохраняющиеся связи «Талибана» с некоторыми экстремистскими группировками, такими как «Аль-Каида» и ее ответвления, что может способствовать распространению их влияния [Elias, 2022: 241].

Кроме того, в условиях политической турбулентности и слабости государственных институтов возникает риск формирования новых радикальных формирований, которые могут найти поддержку среди части афганского общества, разочарованной в новом правительстве [Yousaf, Jabarkhail, 2022: 119]. Подобные группы могут представлять угрозу не только для внутренней стабильности Афганистана, но и для безопасности сопредельных государств, включая Узбекистан.

Наиболее опасной организацией, активно действующей на территории Афганистана, является «Исламское государство» (ИГ) и его филиал «Исламское государ-

ство – Провинция Хорасан» (ИГПХ)². Эта группировка, известная своей крайней жестокостью и нетерпимостью, стремится расширить свое присутствие и влияние в регионе, что может привести к новой волне насилия и дестабилизации. Для Узбекистана, который уже сталкивался с угрозами со стороны исламистских экстремистов в 1990-х и 2000-х гг., активизация подобных группировок на фоне нестабильной обстановки в соседнем Афганистане представляет серьезный вызов национальной безопасности. Существует риск проникновения боевиков и распространения радикальной идеологии, что может спровоцировать рост насилия и террористической активности на территории Республики [Cronin, 2022: 19–20].

Нестабильная ситуация в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан» таит в себе серьезные риски для безопасности Узбекистана, связанные с потенциальным распространением насилия и хаоса через границу. Серьезную угрозу представляет потенциальное распространение организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков, оружия и контрабандой. Афганистан традиционно являлся одним из крупнейших мировых центров наркопроизводства, а в условиях ослабления государственного контроля эта проблема может обостриться, создавая риски для всего региона³. Для Узбекистана, имеющего протяженную границу с Афганистаном, эти угрозы представляются особенно актуальными. Республике необходимо принимать дополнительные меры по укреплению пограничного контроля, развертыванию сил безопасности в приграничных зонах и налаживанию эффективного сотрудничества с соседними странами для координации усилий по предотвращению распространения нестабильности.

Приход к власти движения «Талибан» уже спровоцировал масштабный исход на-

¹ The Islamic State in Khorasan between Taliban counter-terrorism and resurgence prospects // International Centre for Counter-Terrorism International Centre for Counter-Terrorism. URL: <https://www.icct.nl/publication/islamic-state-khorasan-between-taliban-counter-terrorism-and-resurgence-prospects> (date accessed: 5.05.2024).

² Здесь и далее упоминается организация, признанная террористической и экстремистской организацией, запрещена в России.

³ Drug Situation in Afghanistan 2021 // UNODC. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Afghanistan_brief_Nov_2021.pdf (дата обращения: 5.05.2024).

селения из этой страны, обеспокоенного перспективами жизни под контролем радикального исламистского режима. По данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев, только за первые 6 месяцев после захвата Кабула талибами Афганистан покинули около 700 тыс. человек¹. Большинство из них стремились найти убежище в соседних странах, включая Узбекистан, создавая дополнительную нагрузку на инфраструктуру и системы безопасности в этих государствах. Дальнейшая дестабилизация обстановки в Афганистане может привести к новым волнам массового исхода населения, что чревато серьезными гуманитарными и социально-экономическими последствиями для принимающих стран. Резкий приток беженцев вызовет напряженность в отношениях между местным населением и вынужденными переселенцами, обострит проблемы с трудоустройством, жильем и обеспечением безопасности [Dildora Olimjanovna, 2023: 31].

Кроме того, массовый исход афганцев создает благоприятные условия для активизации нелегальной миграции и деятельности преступных группировок, занимающихся незаконной переправкой людей, что, в свою очередь, может способствовать росту преступности, распространению нелегального оборота оружия и наркотиков, а также созданию каналов для проникновения экстремистских элементов на территорию Узбекистана [Данилов и др., 2024: 250].

Нестабильная ситуация в Афганистане после возвращения к власти движения «Талибан» несет в себе существенные риски для развития региональной торговли и экономического сотрудничества, в котором Узбекистан имеет непосредственный стратегический интерес. Одним из ключевых факторов здесь выступает неопределенность в отношении способности новых афганских властей обеспечить безопасность транзитных маршрутов и гарантировать беспрепятственное функционирование торговых путей [Sakhi, 2022: 384].

Узбекистан на протяжении последних лет активно инвестировал в развитие транспортных коридоров, связывающих его с

Афганистаном и другими странами региона. В частности, Республика принимала непосредственное участие в реализации проекта строительства железной дороги «Хайратон–Мазари–Шариф», открывшей прямой путь в Афганистан. Также рассматривались планы продления этой линии до пакистанских портов, что позволило бы Узбекистану получить выход к морским торговым путям [Umarov, 2021: 537].

Однако в условиях нынешней турбулентности в Афганистане возникают серьезные опасения относительно безопасности этих транспортных артерий. Отсутствие стабильного контроля со стороны центрального правительства над обширными территориями страны создает благоприятные условия для активизации различных вооруженных группировок и преступных элементов, которые могут представлять угрозу для грузоперевозок. Сохраняющаяся напряженность между различными политическими силами в Афганистане и возможность возобновления вооруженных столкновений ставят под вопрос саму возможность бесперебойного функционирования транзитных маршрутов через эту страну, что может нанести серьезный удар по транзитному потенциалу Узбекистана и его стремлениям стать связующим звеном в региональных торговых потоках.

Внутренние факторы уязвимости Узбекистана. При анализе внутренних факторов уязвимости Узбекистана к угрозам, исходящим из Афганистана, первостепенное значение приобретает социально-экономическое положение страны, характеризующееся рядом структурных вызовов. По данным Всемирного банка, уровень безработицы среди молодежи в Узбекистане достигает 15,2%, что создает благоприятную почву для распространения радикальных идей среди наиболее уязвимых слоев населения². Региональные диспропорции в экономическом развитии, особенно замет-

¹ Afghanistan Refugee Crisis Explained // UNHCR. URL: <https://www.unrefugees.org/news/afghanistan-refugee-crisis-explained> (дата обращения: 5.05.2024).

² Youth Employment in Uzbekistan, 2021 // The World Bank. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/666311634704762319/pdf/Youth-Employment-in-Uzbekistan-Opportunities-and-Challenges.pdf> (дата обращения: 11.12.2024).

ные между столичным регионом и приграничными областями, усугубляют социальную напряженность и потенциально могут способствовать росту недовольства среди местного населения.

Масштабная трудовая миграция, когда значительная часть трудоспособного населения вынуждена искать работу за рубежом, приводит к ослаблению социальных связей и традиционных механизмов общественного контроля. Согласно статистике Министерства занятости и трудовых отношений Узбекистана, более 2,5 млн граждан страны работают за границей, преимущественно в России и Казахстане¹. Длительное отсутствие родителей негативно сказывается на воспитании подрастающего поколения, увеличивая риски его радикализации под влиянием деструктивных идеологий [Сеитов, Уразалиева, 2023: 335].

Существенные проблемы наблюдаются в системе профессионального образования, которая не всегда способна обеспечить подготовку кадров в соответствии с потребностями современного рынка труда. Недостаточное финансирование образовательной сферы, особенно в отдаленных районах, ограничивает социальную мобильность молодежи и может способствовать росту протестных настроений. В приграничных с Афганистаном регионах наблюдается дефицит квалифицированных специалистов в ключевых отраслях экономики, что затрудняет их устойчивое развитие и повышает уязвимость к внешним дестабилизирующим факторам [Ахмедов, 2019: 857].

Неравномерное распределение доходов между различными социальными группами создает предпосылки для роста социальной напряженности. В соответствии с исследованиями международных финансовых институтов, коэффициент Джини в Узбекистане составляет 36,8, что свидетельствует о значительном уровне экономического неравенства². Концентрация экономических воз-

можностей в крупных городских центрах при относительной депрессивности периферийных районов формирует потенциальные зоны социальной нестабильности, особенно уязвимые к внешним дестабилизирующим влияниям [Першуткина и др., 2022: 64].

На фоне существующих социально-экономических вызовов особую актуальность приобретают религиозные и идеологические аспекты внутренней уязвимости Узбекистана. Исследования Института стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан указывают на усиление влияния зарубежных религиозных течений, которые зачастую противоречат традиционным для страны формам исповедания ислама. Проникновение радикальных религиозных идей происходит преимущественно через интернет-пространство и социальные сети, где активно распространяются материалы экстремистского характера, направленные на молодежную аудиторию³.

Государственная политика в религиозной сфере, направленная на поддержание светского характера государства при уважении религиозных традиций, сталкивается с новыми вызовами в условиях растущей глобализации информационного пространства. Деятельность Комитета по делам религий при Кабинете Министров Республики Узбекистан, осуществляющего мониторинг религиозной ситуации, свидетельствует о попытках отдельных зарубежных религиозных организаций расширить свое влияние в стране путем создания неформальных религиозных учебных заведений и распространения религиозной литературы экстремистского содержания [Аманбекова, 2018: 320].

Перспективы дальнейшего развития угроз в регионе. На текущий момент сохраняется высокая степень неопределен-

---

org/curated/en/099121024151017294/pdf/P5011041d0be210c51ad1719717d817cec5.pdf (дата обращения: 11.12.2024).

³ Материалы Первого заседания Центрально-азиатского экспертного форума // Институт стратегических и межрегиональных исследований при Президенте Республики Узбекистан. URL: <https://isrs.uz/ru/%D0%9D%D0%B0%D1%88%D1%80%D0%BB%D0%B0%D1%80/materialy-pervogo-zasedania-centralnoaziatskogo-ekspertnogo-foruma> (дата обращения: 11.12.2024).

---

¹ Открытые данные // O'zbekiston Respublikasi Bandlik va mehnat munosabatlari vazirligi. URL: <https://mehnat.uz/ru/pages/otkrytye-dannye> (дата обращения: 11.12.2024).

² Оценка бедности и равенства в Казахстане // Всемирный банк. URL: <http://documents1.worldbank>.

ности относительно политического курса движения «Талибан» и его готовности идти на компромиссы как внутри страны, так и на международной арене. Одним из наиболее вероятных сценариев представляется сохранение напряженности и возможные вспышки вооруженного противостояния между талибами и оппозиционными силами, недовольными новым режимом, что может привести к эскалации насилия, активизации деятельности экстремистских группировок и дальнейшему обострению гуманитарного кризиса, спровоцировав новые потоки беженцев.

Нельзя исключать и попыток талибов консолидировать власть путем жестких репрессий и установления авторитарного правления, основанного на их интерпретации исламских норм. Подобный сценарий также чреват ростом нестабильности и усилением радикальных настроений, что неизбежно скажется на ситуации в соседних с Афганистаном государствах, включая Узбекистан. С другой стороны, существует вероятность постепенной нормализации обстановки в случае, если талибам удастся взять под контроль ситуацию и пойти на определенные уступки международному сообществу. Однако этот процесс будет долгим и сопряженным с множеством трудностей, учитывая глубокий раскол афганского общества и масштабы разрушений, вызванных десятилетиями конфликтов.

Для Узбекистана и других стран Центральной Азии наиболее благоприятным вариантом развития событий стала бы постепенная стабилизация Афганистана при сохранении его территориальной целостности и вовлечении в процессы регионального экономического сотрудничества. Это по-

зволило бы снизить риски, связанные с распространением терроризма, экстремизма и нелегальной миграции, а также создало бы условия для реализации транзитного потенциала региона.

Заключение. Ситуация в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан» порождает целый комплекс серьезных вызовов и угроз безопасности для Республики Узбекистан. Нестабильная обстановка в этой стране, обусловленная слабостью государственных институтов и контроля над значительными территориями, создает благоприятные условия для активизации деструктивных сил, представляющих опасность для всего региона. Наиболее тревожными факторами здесь выступают риски усиления деятельности экстремистских и террористических группировок, для которых Афганистан традиционно служил плацдармом и убежищем. Непредсказуемость политики новых афганских властей и их ограниченные возможности по обеспечению безопасности создают угрозу распространения радикальной идеологии и вербовочной активности в сопредельных государствах, включая Узбекистан.

Следует учитывать риски для региональной торговли и экономического сотрудничества, связанные с потенциальной дестабилизацией ситуации вокруг ключевых транзитных маршрутов, проходящих через афганскую территорию.

Отсутствие гарантий безопасности грузоперевозок может нанести серьезный удар по амбициозным планам Узбекистана, связанным с развитием транспортно-логистической инфраструктуры и углублением экономической интеграции в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

- Аманбекова Ш.* Влияние афганского кризиса на процесс исламизации Центральной Азии // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1. № 3. С. 318–329.
- Ахмедов Х.Т.У.* Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2. № 1. С. 854–865.
- Данилов И.Л., Пирогова А.С., Русиано М.Р.* Борьба с терроризмом в Узбекистане: опыт и вызовы на примере «Исламского движения Узбекистана» // Казачество. 2024. № 75 (2). С. 245–254.
- Итяшева Д.Р., Лушина А.А., Рахимов К.Х.* Новый режим в Афганистане как вызов безопасности Республики Таджикистан // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 1. С. 76–86.
- Князев А.А.* Афганская политика Узбекистана: сравнительный контекст // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 3. С. 266–280.

- Першуткина С.П., Макушин М.А., Федорко В.Н. Русский язык в геокультурном пространстве Узбекистана: факторы, тенденции, территориальные и социальные особенности развития // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2022. № 1. С. 61–76.
- Ризоен Ш., Гиссов М. Афганистан до и после возвращения «Талибана». Душанбе: Дониш, 2023. 508 с.
- Сеитов А.П., Уразалиева Г.Б. Этно-демографические особенности института семьи в Узбекистане // Постсоветские исследования. 2023. Т. 6. № 3. С. 332–340.
- Умаров А. Инициативы Республики Узбекистан в афганском направлении: потенциальные возможности и риски // Международные отношения: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 33–40.
- Akhmedova D.O. Elias B. Why rebels rely on terrorists: The persistence of the Taliban-al-Qaeda battlefield coalition in Afghanistan // Journal of Strategic Studies. 2022. Т. 45. № 2. P. 234–257.
- Cronin C. Implications of the Afghan Peace Negotiations on Terrorism in Central Asia. Washington: American Security Project, 2022.
- Kanayama R.D. Regional Ramifications for Taliban-Controlled Afghanistan—Role and Position of Uzbekistan on Islamic Fundamentalism 1991–2021 // Sicurezza, Terrorismo e Società. Milano, 2021. P. 11–35.
- King A. Why did the Taliban win? // Armed Forces & Society. 2023. Т. 49. № 4. P. 923–938.
- Madaminova D.I. Uzbekistan as a leading initiator in central Asia // Academicia: An International Multidisciplinary Research Journal. 2021. Т. 11. № 3. P. 1045–1049.
- Modebadze V. Afghanistan under Taliban: a new regime poses a threat to international stability // Journal of Liberty and International Affairs. 2022. Т. 8. № 1. P. 277–291.
- Naby E. The Uzbeks in Afghanistan // Central Asian Survey. 1984. Т. 3. № 1. P. 1–21.
- Nishonova Z. Analysis of Relations between Uzbekistan and Afghanistan // Journal of Modern Educational Achievements. 2023. Т. 10. № 1. P. 115–119.
- Sakhi N. The Taliban Takeover in Afghanistan and Security Paradox // Journal of Asian Security and International Affairs. 2022. Т. 9. № 3. P. 383–401.
- Shahid R.W. How Narratives Helped the Taliban's Surprise Takeover of Afghanistan in 2021 // Global Foreign Policies Review. 2022. № 2. P. 52–65.
- Umarov A. The «Afghan Factor» in Uzbekistan's Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // Asian Affairs. 2021. Т. 52. № 3. P. 536–553.
- Weitz R. Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership // Uzbekistan's New Face. 2018. № 41. P. 5–53.
- Yousaf F., Jabarkhail M. Afghanistan's future under the Taliban regime: engagement or isolation? // Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism. 2022. Т. 17. № 1. P. 117–134.
- Yuldashev A.E., Saidov U.A. The Factor of Afghanistan in the Foreign Policy of Uzbekistan // Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals. 2024. Т. 4. № 1. P. 21–35.

REFERENCES

- Akhmedov H.T. Respublika Uzbekistan v integratsionnykh protsessakh na postsovetском prostranstve // Postsovetskie Issledovaniya. 2019. № 2 (1). S. 854–865. (In Russ.) [Akhmedov H.T. The Republic of Uzbekistan in integration processes in the post-Soviet space // Post-Soviet Studies. 2019. № 2 (1). P. 854–865.]
- Akhmedova D.O. Social Characteristics and Consequences of Labor Migration // Spanish Journal of Innovation and Integrity. 2023. № 23. P. 31–35.
- Amanbekova S. Vliyanie afganskogo krizisa na protsess islamizatsii Tsentralnoy Azii // Postsovetskie Issledovaniya. 2018. № 1 (3). S. 318–329. (In Russ.) [Amanbekova S. The influence of the Afghan crisis on the process of Islamization in Central Asia // Post-Soviet Studies. 2018. № 1 (3). P. 318–329.]
- Cronin C. Implications of the Afghan Peace Negotiations on Terrorism in Central Asia. Washington: American Security Project, 2022.
- Danilov I.L., Pirogova A.S., Rusiano M.R. Borba s terrorizmom v Uzbekistane: opyt i vyzovy na primere Islamskogo dvizheniya Uzbekistana // Kazachestvo. 2024. № 75 (2). S. 245–254. (In Russ.) [Danilov I.L., Pirogova A.S., Rusiano M.R. Counter-terrorism in Uzbekistan: Experience and challenges on the example of the Islamic Movement of Uzbekistan // Kazachestvo. 2024. № 75 (2). P. 245–254.]
- Elias B. Why rebels rely on terrorists: The persistence of the Taliban-al-Qaeda battlefield coalition in Afghanistan // Journal of Strategic Studies. 2022. Т. 45. № 2. P. 234–257.
- Ityasheva D.R., Lushina A.A., Rakhimov K.H. Novyy rezhim v Afganistane kak vyzov bezopasnosti Respubliki Tadjikistan // Postsovetskie Issledovaniya. 2023. № 6 (1). S. 76–86. (In Russ.) [Ityasheva D.R., Lushina A.A., Rakhimov K.H. New regime in Afghanistan as a challenge to the security of the Republic of Tajikistan // Post-Soviet Studies. 2023. № 6 (1). P. 76–86.]

- Kanayama R.D.* Regional Ramifications for Taliban-Controlled Afghanistan – Role and Position of Uzbekistan on Islamic Fundamentalism 1991–2021 // *Sicurezza, Terrorismo e Società*. Milano, 2021. P. 11–35.
- King A.* Why did the Taliban win? // *Armed Forces & Society*. 2023. Т. 49. № 4. P. 923–938.
- Knyazev A.A.* Afganskaya politika Uzbekistana: sravnitelnyy kontekst // *Postsovetские Issledovaniya*. 2023. № 6 (3). S. 266–280. (In Russ.) [*Knyazev A.A.* Afghan policy of Uzbekistan: Comparative context] // *Post-Soviet Studies*. 2023. № 6 (3). P. 266–280.]
- Madaminova D.I.* Uzbekistan as a leading initiator in central Asia // *Academicia: An International Multidisciplinary Research Journal*. 2021. Т. 11. № 3. P. 1045–1049.
- Modebadze V.* Afghanistan under Taliban: a new regime poses a threat to international stability // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2022. Т. 8. № 1. P. 277–291.
- Naby E.* The Uzbeks in Afghanistan // *Central Asian Survey*. 1984. Т. 3. № 1. P. 1–21.
- Nishonova Z.* Analysis of Relations between Uzbekistan and Afghanistan // *Journal of Modern Educational Achievements*. 2023. Т. 10. № 1. P. 115–119.
- Pershutkina S.P., Makushin M.A., Fedorko V.N.* Russkiy yazyk v geokulturnom prostranstve Uzbekistana: faktory, tendentsii, territorialnye i sotsialnye osobennosti razvitiya // *Tsentrarnoaziatskiy Zhurnal Geograficheskikh Issledovaniy*. 2022. № 1. S. 61–76. (In Russ.) [*Pershutkina S.P., Makushin M.A., Fedorko V.N.* Russian language in the geocultural space of Uzbekistan: factors, trends, territorial and social features of development // *Central Asian Journal of Geographical Research*. 2022. № 1. P. 61–76.]
- Rizoen S., Giyosov M.* Afganistan do i posle vozvrashcheniya Taliban. Donish, 2023. (In Russ.) [*Rizoen S., Giyosov M.* Afghanistan before and after the return of Taliban. Donish, 2023.]
- Sakhi N.* The Taliban Takeover in Afghanistan and Security Paradox // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2022. Т. 9. № 3. P. 383–401.
- Seitov A.P., Urazalieva G.B.* Etno-demograficheskie osobennosti instituta semi v Uzbekistane // *Postsovetские Issledovaniya*. 2023. № 6 (3). S. 332–340. (In Russ.) [*Seitov A.P., Urazalieva G.B.* Ethno-demographic features of the family institution in Uzbekistan // *Post-Soviet Studies*. 2023. № 6 (3). P. 332–340.]
- Shahid R.W.* How Narratives Helped the Taliban’s Surprise Takeover of Afghanistan in 2021 // *Global Foreign Policies Review*. 2022. № 2. P. 52–65.
- Umarov A.* Initsiativy Respubliki Uzbekistan v afganskom napravlenii: potentsialnye vozmozhnosti i riski // *Mezhdunarodnye Otnosheniya: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2018. № 1. S. 33–40. (In Russ.) [*Umarov A.* Initiatives of the Republic of Uzbekistan in the Afghan direction: Potential opportunities and risks // *International relations: politics, economics, law*. 2018. № 1. P. 33–40.]
- Umarov A.* The «Afghan Factor» in Uzbekistan’s Foreign Policy: Evolution and the Contemporary Situation // *Asian Affairs*. 2021. Т. 52. № 3. P. 536–553.
- Weitz R.* Uzbekistan's New Foreign Policy: Change and Continuity under New Leadership // *Uzbekistan's New Face*. 2018. № 41. P. 5–53.
- Yousaf F., Jabarkhail M.* Afghanistan’s future under the Taliban regime: engagement or isolation? // *Journal of Policing, Intelligence and Counter Terrorism*. 2022. Т. 17. № 1. P. 117–134.
- Yuldashev A.E., Saidov U.A.* The Factor of Afghanistan in The Foreign Policy of Uzbekistan // *Journal of Social Sciences and Humanities Research Fundamentals*. 2024. Т. 4. № 1. P. 21–35.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чехляева Сабина Саидумаровна, студентка 2-го курса магистратуры кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).
E-mail: 1032195166@pfur.ru

Шухратовна Халилова Мариям, студентка 2-го курса магистратуры кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва, Российская Федерация).
E-mail: 1032235604@pfur.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sabina S. Chekhlyeva, 2nd year master's student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).
E-mail: 1032195166@pfur.ru

Mariyam S. Khalilova, 2nd year master's student of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University named after Patrice Lumumba (Moscow, Russian Federation).
E-mail: 1032235604@pfur.ru